

Институт истории АН РТ
Институт международных отношений, истории и востоковедения –
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В.А. Воронцов

ИСТОКИ ПРОТОМЕДИЦИНЫ
И ЕЁ РОЛЬ
В АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ

К а з а н ь
Центр инновационных технологий
2 0 1 5

УДК 61(091)+572
ББК 5г+28.71
В75

Научный редактор:
кандидат медицинских наук *Р.М. Газизянова*

Рецензенты:
доктор медицинских наук, профессор *С.П. Глянецв*;
доктор медицинских наук, профессор *А.И. Завьялов*

Воронцов В.А.

В75 Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе: Научное издание / В.А. Воронцов. — Казань: Центр инновационных технологий, 2015. — 264 с.
ISBN 978-5-93962-749-8

В книге становление протомедицины рассматривается в контексте генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза, позволяющей согласовать традиционные учения о природе человека, общества, культуры с новейшими научными данными. На обширном антропологическом, этнографическом, лингвистическом, психологическом, фольклорном и мифологическом материале впервые вскрыт комплекс факторов, вызвавших к жизни сознательную заботу о здоровье. В книге детально рассматривается процесс введения в культуру врачебных навыков, а также освещается роль протомедицины в становлении человека, общества и основных феноменов человеческой культуры: языка, сказки, мифа, обряда, искусства и т. д.

Адресуется специалистам в области истории медицины, антропологии, этнографии, культурологии, социологии, лингвистики, философии. Книга может быть полезна исследователям, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется историей медицины, природой человека, социума, культуры.

ISBN 978-5-93962-749-8

© **Воронцов В.А.**, 2015
© **Центр инновационных технологий (оформление)**, 2015

ВВЕДЕНИЕ

*Ничто так не обязательно всему
роду человеческому, как медицина.*

Квинтилиан

Лечение, гигиена широко представлены в живой природе. Они являются важнейшими формами борьбы за существование. Медицину можно трактовать как введённую в культуру заботу о здоровье. Историк медицины **М.П. Мультиановский** с полным основанием пишет: «Зарождение медицины относится к тому моменту, когда выработанные в процессе развития человека инстинкты к самосохранению и облегчению страданий вошли в коллективное сознание людей» [Мультиановский, 1967, с. 11]. Чтобы пролить свет на истоки медицины, необходимо выяснить причины, которые вызвали к жизни потребность заботиться о здоровье осмысленно. Необходимо также конкретизировать социум, в котором зародилась врачебная деятельность, а также членов социума, которые обеспечили её зарождение. Не менее актуальна реконструкция исходных форм сознательной врачебной деятельности, исходных медицинских семиотических систем, а также выяснение роли протомедицины в антропо-социокультурогенезе.

Большинство историков медицины разделяет мысль выдающегося физиолога **И.П. Павлова** (1849—1936) о том,

что врачебная деятельность «ровесница первого человека». Это побуждает их рассматривать становление сознательной заботы о здоровье в связи со становлением человека и общества. Традиционно считалось, что начало биологической эволюция человека и начало культуругенеза разнесены во времени. В настоящее время всё чаще используется термин **антропосоциокультуругенез**, характеризующий неразрывное единство процессов становления человека, общества, культуры. В контексте антропосоциокультуругенеза должны быть получены ответы не только на вопросы, связанные с истоками протомедицины, но и на вопросы о её роли в становлении человека, общества, культуры.

Общепринятая теория антропосоциокультуругенеза в настоящее время отсутствует. Создание такой теории невозможно в рамках дарвинизма и неodarвинизма, поскольку они не рассчитаны на освещение культурологических проблем. Кроме того, в настоящее время установлено, что антропосоциогенез носил не эволюционный, а революционный характер. Орудийно-трудовая теория антропосоциогенеза, в которой присутствует культурологический фактор, долгое время занимала доминирующие позиции в науке и лежала в основе теоретического фундамента многих дисциплин, освещавших природу человека, общества, культуры. В настоящее время установлено, что истоки антропогенеза не связаны с культивированием искусственных орудий. Орудийно-трудовая теория вошла в непримиримый конфликт и с учением о социогенезе. Так, например, последовательный сторонник орудийно-трудовой доктрины, известный советский антрополог **В.П. Алексеев** (1929—1991) был вынужден констатировать, что «однотипные по уровню развития общества могут пользоваться или не пользоваться железом, бронзой, а в отдельных случаях и камнем. Археологичес-

кая периодизация лишилась общего признания» [Алексеев, Першиц, 1990, с. 8].

Миф о каменном, медном, железном веках человечества был хорошо известен древним грекам и китайцам, поскольку разграбление некрополей, а также попытки выдавать различного рода поделки за подлинные человеческие древности и ценности практиковались с давних пор. Без серьёзных обоснований этот миф был взят на вооружение археологами, которые сумели внедрить его в широкий спектр наук, призванных изучать не культуру камня, бронзы, железа, а культуру человека.

Крах археологических мифологем в настоящее время широко используются для дискредитации трудовой теории антропосоциогенеза. Вот характерный пример рассуждений на эту тему, с которыми нас знакомят авторы хрестоматии по антропологии: «Новые открытия говорят о том, что прямохождение, увеличение размеров мозга и другие “человеческие” признаки появились за несколько миллионов лет до возникновения трудовой деятельности и о том, что человек появился не в результате постепенного поступательного развития, а в результате некоего скачка, при этом он длительное время существовал вместе со своими предками (австралопитековыми), которые потом вымерли» [Антропология..., 2002, с. 81]. Подобные уверения становятся хрестоматийными, а разочарование в орудийно-трудовой теории – общим.

Следует заметить, что производить посредством одних органов (орудий) принципиально иные органы (орудия) способны даже растения. По части богатства и совершенства различного рода орудийных систем (шипов, колючек, ловушек, удавок, отравляющих веществ, липучек и т. д.) растительный мир далеко превзошёл наших предков. Это не

привело к появлению у растений психики, языка, разума. В последние десятилетия человеку отказали в уникальности его орудийной деятельности такие авторитетные отечественные и зарубежные исследователи как *М.Л. Бутовская*, *Л.А. Файнберг*, *W.C. McGrew*, *F.B.M. de Waal* и др.

Крах орудийно-трудовой доктрины подорвал доверие к теоретическим основам многих наук, призванных осветить природу человека, культуры, общества. *Р. Фоули* в своей книге «Ещё один неповторимый вид» пишет: «Хотя характер эволюции человека сегодня, без сомнения, более понятен, чем во времена, когда Дарвин писал первую книгу на эту тему – “Происхождение человека”, большинство вопросов, поставленных в ней великим учёным, сохраняет свой смысл и остаётся столь же дискуссионным, как и прежде» [Фоули, 1990, с. 12].

При отсутствии единства во взглядах на причины, вызвавшие к жизни антропосоциокультурогенез, на его движущие силы, современная антропология вынуждена коллекционировать самые странные догадки по поводу природы основных феноменов антропосоциогенеза. Так, например, существует масса догадок о причинах, вызвавших гоминизацию челюстной системы, увеличение объёма мозга, прямохождение, редукцию волосяного покрова и т. д. Средневековые суеверия меркнут перед предрассудками, которые культивирует комплекс современных наук о человеке. Жертвами этих предрассудков становятся не только доверчивые обыватели, но и исследователи, слепо доверившиеся ученым сказкам. Так, например, авторитетный американский лингвист и культуролог *Э. Сепир* (1884—1939) поверил, что «ходьба есть врожденная, биологическая функция человека» [Сепир, 1993, с. 28]. Между тем масса экспериментов по проверке врожденности хождения у человека уже давно

поставлена, причём поставлена не доктринёрами, а самой жизнью. Жизнь показала, что естественность нашей ходьбы – лишь видимость. Вне человеческого общества человек остаётся на всю жизнь четвероногим существом. Его конституция прекрасно приспособлена для перемещения на четырёх конечностях и позволяет не чувствовать себя ущербным среди первоклассных бегунов: волков, собак. Двуногими тихоходами нас делает культура. Всё это подтверждает необходимость рассмотрения антропосоциогенеза в неразрывной связи с культурогенезом.

В 1996 г. *Папа Иоанн Павел II* подтвердил, что его церковь признает теорию эволюции, однако распространить эту теорию на антропосоциогенез до сих пор не удалось. Отсутствие общепринятого взгляда на антропосоциогенез привело к отсутствию и общепринятых взглядов на культурогенез. Наряду с традиционными попытками рассматривать культурогенез в контексте орудийно-трудовой теории, традиционны попытки абстрагироваться от тупиковой парадигмы. Так, например, широко известна попытка основателя психоанализа *З. Фрейда* (1856—1939) обосновывать психоаналитическую концепцию культурогенеза. В книге «Тотем и табу» [Фрейд, 1998] он с полным основанием раскрывает концепт «культурогенез» через систему табу, свойственную первобытной культуре. Чтобы осветить причины, вызвавшие к жизни табу, *Фрейд* вынужден был прибегнуть к догадкам, которые не имеют фактуальной основы.

Игра как предпосылка культуры нашла отражение в научных трудах *Г. Гадамера*, *Е. Финка*, *Й. Хейзинги* и других исследователей, однако противники этой теории высказывают серьёзные сомнения в её правомерности. Так, например, известный историк медицины *А.М. Сточик* находит, что «игра животных инстинктов не просто мешала произ-

водственной деятельности, ослабляла коллектив в борьбе за существование, но порой наносила ей такой ущерб, что коллектив распадался и погибал» [Сточик, 1991, с. 8]. По его мнению, система «табу» возникла для обуздания подобного рода инстинктов [Там же. С. 8]. О серьёзности системы табу свидетельствует тот факт, что наказывают за нарушение табу совсем не так, как за нарушение правил игры.

Немецкий философ и культуролог *Э. Кассирер* (1974—1945) связывает культурогенез со становлением семиотических систем (языка, искусства, религии, науки и т. д.), которые уходят своими корнями в бытийный феномен игры. Символическое начало в культурогенезе развивают также философская герменевтика (*Г. Гадамер*), философия культуры (*Й. Хейзинга*), архетипы коллективного бессознательного (*К. Юнг*), философия языка (*Ж. Лакан*), концепция символического интеракционизма (*Дж. Мид, И. Боффман*). Игра широко представлена в живой природе, однако это не сделало язык, искусство, религию, науку заурядными явлениями в жизни биологических видов, поэтому нет оснований считать, что именно игра привела к появлению широкого спектра знаковых систем у наших предков.

Цель жизни — жизнь. Не случайно философ и врач *А. Швейцер* (1875—1965) одну из своих книг нравственно-этического содержания так и назвал «Благоговение перед жизнью» [Швейцер, 1992]. Благоговеть перед жизнью других побуждает не только самое высокое чувство – Любовь, но и человеческая культура, породившая жизненные науки. Именно пиетет перед жизнью, а также личная ответственность за жизнь и здоровье трудящихся, способствуют осознанию того, что обезьяна, орудующая копьём или каменным топором, способна произвести только ужас. Её невозможно социализировать, окультурить. Ввести в культуру подобно-

го рода орудия, да и саму обезьяну, невозможно без **предварительного** введения в культуру **сознательной заботы о своей и чужой конституции**.

Научить ребёнка не кусаться, не использовать естественные и искусственные орудия во вред себе и окружающим – предельно сложная и актуальная проблема, которая глубоко волнует матерей уже на самой ранней стадии антропосоциокультурогенеза, через которую проходят все мыслящие существа. Именно проблема **неприменения** оружия во время игр, ссор, дележа пищи, самок, истоки **умения сочувствовать, сострадать**, а вовсе не обработка камня должна интересовать исследователей, стремящихся пролить свет на феномен человека, на истоки человеческого общества, на характер человеческой культуры, духовности, **на причины, вызвавшие к жизни осмысленную заботу о здоровье**.

Любая мать чисто инстинктивно чувствует, что её ребёнок должен стать человеком до того, как он сделает свой первый шаг, возьмёт в руки вилку или молоток. Пребывая на материнских руках, мы с огромным энтузиазмом показываем, как надо любить ближних, делиться с ними. Отбиваясь от колыбели человечества и человечности, приступая к изготовлению оружия, использованию его, мы растрчиваем многие душевные и духовные потенциалы. Мы также забываем о рукотворной Вселенной, о её архитектуре и архитекторах. Забываем и о золотом веке, о подателях всех благ, которые обеспечили нам безоблачное существование на заре нашей истории, пока мы не познали добро и зло, не научились заботиться о себе и других. Забываем мы и о тех педагогических приемах, средствах которых всеблагое учителя отучали нас кусаться, распускать руки, учили нас договариваться, приобщали к профилактике травматизма, побуждали сочувствовать, сострадать, любить ближних, заботиться

об их здоровье. Об этих факторах антропосоцикультурогенеза пытаются напомнить нам сказки, мифы, но механистические предрассудки кабинетных мыслителей не позволяют прислушаться к голосу предков, к голосу разума и поверить в существование времён, когда деревья были большими, плоды – огромными, когда нас окружали исполины, титаны мысли и духовности.

Под псевдореволюционными лозунгом «Рука создала человека» с лёгким сердцем подпишется даже *Папа Римский*. Между тем до сих пор отсутствуют музеи, посвящённые руке, отсутствуют и исследовательские центры, ведущие комплексные исследования колыбели человечества, исходной орудийной, транспортной, знаковой системы, исходного логического аппарата, посредством которого мы учимся считать, мерить, намереваться, думать, понимать других.

Слова *орган*, *органон* означают орудие, инструмент. Ещё *Аристотель* (384—322 до н. э.) рассматривал руку в качестве орудия орудий. Древнеримский философ *Лукреций Кар* в своей поэме «О природе вещей» писал: «Древним оружием людей были руки, ногти и зубы», а известный русский философ *П.А. Флоренский* (1882–1937) утверждал, что «техника есть сколок с живого тела», которое есть «первообраз всякой техники» [Флоренский, 1993, с. 149–150]. Игнорируя первообраз, игнорируя предельно актуальные орудийные системы, можно сколь угодно заблуждаться относительно природы самых разных вещей и предметов, а также методов их познания, описания. Наблюдая за возможностями человеческой руки, можно делать весьма важные открытия, которые подрывают всякое доверие к археологической науке.

Термин «археология» (наука о древностях) впервые употребил древнегреческий философ *Платон* (427–347 до

н. э), однако до сих пор научный мир не выработал четкого представления о предмете, задачах археологии, хронологических рамках науки о древности. Так, например, существует «современная» археология, которая изучает современный культурный слой. Археология традиционно игнорирует подлинное рукоделие, способное без посторонних материалов породить рукотворный универсум (рис. 1), бесконечное разнообразие чудесных вещей (рис. 2),

Рис. 1. Рукотворный универсум (космос, матрица).
Реконструкция В.А. Воронцова

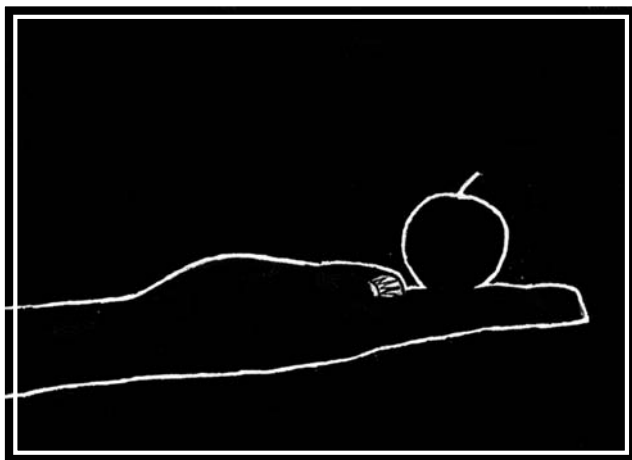

Рис. 2. Скатерть-самобранка. Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 3. Коза-дереза.
Реконструкция В.А. Воронцова

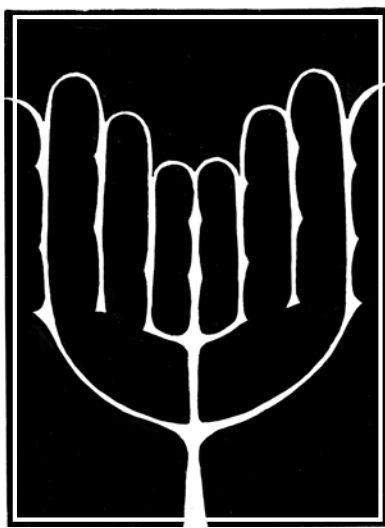

Рис. 4. Цветик-семицветик.
Реконструкция В.А. Воронцова

существ (рис. 3) и растений (рис. 4), с которыми человек знакомится на заре своей истории и без которых его существование весьма и весьма проблематично. Археологи также игнорируют тот факт, что **материальное** производство существует везде, где есть **матери**, поэтому в высшей степени наивно отрицать наличие птицеводства у птиц, а животноводства у животных. Нет также оснований отрицать у самых разных биологических видов экономических классов, коих всего два. Хозяйственные и бесхозяйственные существа присутствуют не только в басне *И. Крылова* «Стрекоза и муравей». Политэкономы, которые выдают профессии (рабочие, крестьяне, духовенство и т. д.) за экономические классы, не афишируют тот факт, что бесхозяйственными могут быть и монархи, и президенты, и министры финансов, а хозяйственные люди попадают даже среди нищих.

Миф о существовании бесклассового общества создали люди, отрешённые от всяких жизненных реалий. В **любом** сообществе приматов можно обнаружить представительниц слабого пола, обременённых заботой о потомстве, и представителей сильного пола, которых абсолютно не заботит судьба потомков. Между тем именно родительский труд, воспитание подрастающего поколения неразрывно связаны с развитием, прогрессом, причём не только человека. Так, например, основоположник научной педагогики в России **К.Д. Ушинский** (1824—1821) в своей книге «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» пишет: «Слово *воспитание* прилагается не к одному человеку, но также к животным и растениям, а равно к историческим обществам, племенам и народам, т. е. к организмам всякого рода, и воспитывать в обширнейшем смысле слова, значит способствовать развитию какого-нибудь *организма* посредством свойственной ему пищи, материальной или духовной» [Ушинский, 2001, с. 92].

Крайний механицизм, примитивизм, который культивируется современной исторической наукой во взглядах на материальное производство, на классовую структуру общества, предельно затрудняет понимание того, что подлинные человеческие материальные и духовные древности, снасти, ценности неотделимы от человека, что их невозможно купить. Именно механицизм позволяет марксистам утверждать, что пролетариату терять нечего, а приобрести он может всё. Отрицание существования чудесных говорящих орудий (людей) придаёт теориям, основанным на археологических мифах, ярко выраженную антигуманную, антибиологическую (антижизненную) и глубоко антинаучную направленность. Это способствует расцвету цивилизованного мифотворчества, а также возникновению целой индустрии обмана и самообмана.

Самые ужасные катаклизмы прошедшего века были связаны не с истощением ресурсов, не с проблемами экологии и не с нашествием инопланетян. Сказочно богатая ресурсами страна, которая гордилась своей духовностью, первая покрылась густой сетью концлагерей, в которых люди расставались со своими естественными ценностями (жизнью, здоровьем, родными, близкими) ради придуманных благ. Трагедия этих людей была предрешена расцветом псевдогуманизма, псевдоисторизма, псевдоучёности.

Наиболее опасным заблуждением цивилизованного общества является слепая вера в то, что можно безнаказанно принижать человеческую конституцию, биологию, медицину, подменять гуманизм гуманитаризмом – культом придуманных благ. По поводу природы ужасной стихии, которая регулярно захлёстывает цивилизованный мир волнами безумия, волнами насилия, *А.И. Герцен* (1812—1870) писал: «Без естественных наук нет спасения современному человеку, без этого строгого воспитания мысли фактами, без этой близости к окружающей жизни, без смирения перед её независимостью где-нибудь в душе остаётся монашеская келья и в ней мистическое зерно, которое может разлиться тёмной водой по всему разумению» [Герцен, 1975, с. 109].

Келья, мистическое зерно породили не только «пытливых» иезуитов, но и массу учёных-мифотворцев. За прошедшее столетие цивилизованное мракобесие сумело одержать ряд впечатляющих побед над наукой. Схоластика, учёное мифотворчество сыграли огромную роль в приходе к власти множества кровавых режимов, господствовавших под флагом справедливости, гуманизма, историзма, научности. Враги человечности, духовности уже очень давно позаботились, чтобы человеческая история трактовалась как история насилия, а не как история альтруизма, история медицины.

У **З. Фрейда** были все основания утверждать, что «сегодня древняя история в том виде, как её изучают наши дети в школе, представляет собой, в сущности, череду геноцидов» [Фрейд, 1994, с. 17]. Именно теоретики геноцида создают превратное представление о мифических героях, о характере их подвигов, о мудрости людей, породивших миф, о связи этих мифов с самой древней и мудрой наукой – медициной.

Превратное толкование традиционных учений получило широкое развитие уже в Древней Греции, в которой говорящие орудия перестали рассматриваться в качестве людей. Появление мифов о мифах неразрывно связано с потребностями рабовладельческого строя, который не мог не деформировать традиционные взгляды на телесность и человечность. Новый строй породил массу развращённых досугом людей, претендующих на идейное лидерство, на мудрость, на духовность без всяких оснований. Эта масса жаждала дискредитации древних учений, их хранителей, их защитников. Издревле духовность, мудрость приписывалась людям, которые дают жизнь: родителям, врачевателям. Есть основания полагать, что обожествлённый древними греками **Асклепий** подобно **Христу** был исторической личностью, «но вера греков во власть **Асклепия** над болезнями, в совершенные им чудеса исцеления была так велика, как и преклонение перед благородством и чистотой его характера, что они обожествили его и воздвигли храмы в его честь. Эти храмы были не просто местом поклонения, но лечебницами, которые назывались асклепионами, которые со временем стали прототипами наших больниц, санаториев и медицинских учебных заведений» [Хаггард, 2012, с. 6]. Античные авторы сообщают о более чем 300 асклепейонах, которые имели лечебно-санаторно-просветительский характер. В качестве благодарности больные приносили в храмы изображения

исцелённых частей своего тела. «Подобные приношения (вотивы) и по сей день развешиваются на стенах храмов или прикрепляются к иконам, как бы подтверждая этот древний обычай» [Сорокина, 1987, с. 112]. Всё это свидетельствует, что храмовая медицина, вера в Спасителя (Асклепия) культивировали не надуманные, а жизненно важные ценности. Многочисленные факты говорят о высоком положении врачей в Древней Греции, а также о глубоком уважении к врачебной профессии со стороны основной массы населения. *Геродот* свидетельствует о том, что греческие города, презиравшие киников и софистов, оспаривали друг у друга лучших врачей, многие из которых считались потомками легендарного Спасителя – Асклепия. Этим вполне объясним феномен греческой культуры, которая породила множество образцов для подражания, стала классической и легла в основу современной цивилизации.

Самопровозглашённым идеологам: аристократам, поэтам, философам предстояло доказать, что и им не чужды духовность, божественное откровение, высшая мудрость. Для этого надо было приватизировать миф, переделать его на новый лад или придумать новый миф об идеальном обществе, которым управляют философы (*Платон*), о демоне, который направляет мыслительный процесс философа (*Сократ*). Новые идеологи были готовы на всё, чтобы возвысить себя в глазах общественности. Над искажением древних мифов трудились не только поэты, но и масса начётчиков, которые уже в те времена располагали прекрасными библиотеками. Автор фундаментального труда «Философия мифологии» российский философ *В.М. Найдюш* отмечает, что мифографы «нередко считали себя потомками богов, создание генеалогической схемы рассматривали как восстановление своей родословной, а саму схему как божественное

откровение» [Найдыш, 2002, с. 165]. По мнению философа **Сократа**: «В род богов не позволено перейти никому, кто не был философом и не очистился до конца, – никому, кто не стремился к познанию» [Платон, 1970, с. 48]. Науку о науке, а не медицину считал **Сократ** достойными мудреца. Надо сказать, многовековые попытки философов создать науку наук оказались блефом. Многие из учеников **Сократа** сыграли самую негативную роль в судьбе не только Афин, но и всей Греции (вспомним **Алкивиада**), поэтому у греков не было оснований для обожествления **Сократа**. Следует заметить, что многие древнегреческие философы, в отличие от **Сократа**, всячески избегали встречи с правосудием и предпочитали роль изгнанников.

Острая конкуренция среди новоявленных мифотворцев-мистификаторов способствовала появлению высокохудожественных мифов. Переосмысленные мифы теряли исконный смысл, жизненную значимость, но становились занятными, сладкозвучными. У **Лукреция Кара** (99—55 до н. э.) были все основания считать такого рода мифы преступлением против разума, против человечности, против духовности. Это побудило его написать поэму «О природе вещей», которая прямо направлена против подобного рода мифотворчества. В этой поэме есть такие строки:

*Может быть, также и ты из-за вымыслов страшных поэтов
Станешь ученье моё избегать, как всегда то бывает.
В самом же деле великое множество можно измыслить
Грёз и видений, которые, строй целой жизни нарушив,
Смуту внести бы могли в наше счастье при помощи страха.*

[Лукреций, 1933, с. 5].

Новые «духовные» лидеры, подменившие веру в спасение разного рода страшилками, породили духовный кризис.

Начиная с I в. н. э. эллинистическо-римский мир переживает духовную катастрофу. Римская империя погружается в непробудный «сон разума», а её столица – Рим становится центром «всемирного суеверия». В распространении этих суеверий самое активное участие принимают философы. Так, например, с точки зрения неоплатонизма весь чувственно-природный мир демоничен, а демонология является важнейшей составной частью философии. Философ должен быть магом и чародеем. Теургия становится практической стороной философии. Страх перед демонами в эпоху поздней античности порождает массовый психоз. В сущности, все основные средневековые страхи почерпнуты книжниками из страхов, распространённых в ту эпоху. Выход из духовного и умственного тупика, в котором оказалось античное общество, предполагал возврат к культу *Спасителя*. Такой возврат стал возможен на основе культа врачевателя от бога – *Иисуса Христа*. *Иисус* не имел детей, однако, по своему духу он был отцом, поскольку даровал жизнь и правильный образ мыслей великому множеству людей. Нет ничего удивительного в том, что в христианстве культ врачевателя органически слит с культом общего отца.

Надо сказать, что возврат к культу *Спасителя* христианство обеспечивало весьма и весьма условно, поскольку новые жрецы не были врачами, а храмы – лечебницами. Уверенность *Гегеля* (1771—1831) в прогрессе духа выглядит излишне оптимистичной. Христианство стало мировой религией в ходе непримиримой многовековой борьбы с множеством других религиозных учений, которые зачастую трактовались превратно. Весьма предвзято было отношение к жрецам-язычникам, многие из которых являлись потомственными врачевателями и были ближе по духу к Христу, чем христианские священники.

Со времён древних греков мало что изменилось. Наука не смогла обеспечить гегемонию подлинной духовности, подлинной мудрости. До сих пор истоками языка, словесности, культуры занимаются не представители самой древней и гуманной науки, а люди, отрешённые от жизненных проблем, от жизненной практики. Отсутствие убедительных учений, проливающих свет на истоки основных феноменов человеческой культуры, на смысл древних учений, вызвало крайнее недоверие к науке. Это привело к бурному расцвету мистицизма даже в наиболее просвещённых слоях общества. В цивилизованном обществе прочно утвердились языческие суеверия, оккультизм, магия, колдовство и пр. Известный российский анатом *Л.Е. Этинген* в своей книге «Мифологическая анатомия» пишет: «На человека сегодняшнего дня явно продолжают действовать законы мифотворчества, основанные на народном мышлении, вере части населения в колдовство, в приметы и знамения, в духов, в фетиши, имеющие, согласимся с этим, весьма экзотическую окраску» [Этинген, 2009, с. 524]. Современные знахарство, оккультизма и магия приобрели такие масштабы, что потребовалась их институционализация: создаются ассоциации уфологов, колдунов, знахарей, астрологов. Для их информационной поддержки издаётся специализированная периодика, функционируют специальные телевизионные программы и каналы. В массовом сознании мир вновь наполнился сверхъестественными сущностями, духами, вестниками конца света. Всё это ведёт к нарастанию апокалиптических настроений в обществе.

В работах философов *М. Фуко*, *Р. Барта*, *Ж. Дерриды* господствует мысль о том, что звуковой, лишённый перцепции язык способен бесконечно исказить изначальный смысл сообщений, учений, теорий. Философ-клиницист *М. Фуко*

(1926—1984) в своей книге «Рождение клиники» показывает, что уберечься от произвольной интерпретацией учений медикам помогает клиника, которая предполагает непосредственный контакт изучения и обучения, слова и вещи. Констатируя это, **Фуко** пишет: «Таким образом, нет различия в природе между клиникой как наукой и клиникой как педагогикой. Так образуется группа, создаваемая учителем и учеником, где акт познания и усилия для знания свершаются в одном и том же движении. Медицинский опыт в своей структуре и в своих двух аспектах проявления и усвоения располагает теперь коллективным субъектом: он не разделен более между тем, кто знает и тем, кто невежествен; он осуществляется совместно тем, кто раскрывает и теми, перед кем раскрывается» [Фуко, 1998, с. 171]. Клиника позволяет вести непрерывный мониторинг учениками квалификации своих учителей и пропагандируемых учителями учений.

Клиника позволяет познать *главную истину*, которая тщательно скрывается врагами подлинной мудрости, подлинной духовности. Подлинная мудрость, подлинная духовность, выступающие под красным крестом и красным полумесяцем, неустанно проповедают эту истину, настаивая, что *все муки ада человек может претерпеть здесь и сейчас, поэтому и спасти его надо здесь и сейчас*.

Мысль **М. Фуко** о единстве клиники и педагогики можно радикально углубить. Если мы вспомним об умственных и физических потенциях человеческих младенцев, которые так не похожи на смышлёных и ловких младенцев обезьян, то у нас появятся веские основания соотнести уход за подобными младенцами с уходом за больными, а исходные формы воспитания – с лечением, позволяющим преодолеть крайнюю умственную неполноценность. Бессловесность младенца даёт серьёзные основания видеть в медицинской семи-

отике исходное средство общения младенца с подателями всех благ, с творцами рукотворной Вселенной, с носителями Высших Сил, Высшего Разума, Святого Духа – родительского чувства. Именно эта семиотика отражает фундаментальные проблемы младенца и вводится в культуру изначально.

На роль первых **мэтров** человечества могут претендовать, прежде всего, **матери**, традиционно обременённые заботой об умственном и физическом здоровье своих чад. Эта забота порождена самым идеальным чувством: любовью матери. Игнорируя это чувство, невозможно разобраться в природе тех сил, которые обеспечивают борьбу за существование на заре человеческой истории. Известный русский естествоиспытатель **К.А. Тимирязев** (1843—1920) в своей книге «Чарльз Дарвин и его учение» пишет: «Любовь матери, это самое идеальное из чувств, есть в то же время самое могучее оружие, которым слабый беззащитный человек должен был бороться против своих сильных соперников не в прямой, а в более важной, косвенной борьбе за существование» [Тимирязев, 1935, с. 27]. Игнорируя **самое идеальное и самое могучее оружие**, можно выработать самое превратное представление об истоках осмысленной орудийной деятельности, об истоках самой мудрой и древней науки.

Производство человека требует титанических физических и духовных усилий, причём основная нагрузка традиционно ложится на плечи слабого пола. В отличие от производства каменного топора, производство человека требует бессонных ночей, бесконечных дум о проблемах, связанных со здоровьем. **Матери** являются не только первыми **мэтрами**, но **материй, гумусом**, породившими мир (социум). Реально именно сказочная живая Мать Земля являются материальным миром, с которым изначально знакомится человек. Осмысление материальной и духовной культуры

раннего детства, когда материнские руки, длани (**долони**) являются всем: материками, **долинами**, колыбелью, ковром-самолётом, сказочной козой, которая бодает, кормит нас, учит казать (сказывать), предельно актуально при изучении не только волшебной сказки или мифа, но и истоков сознательной заботы о здоровье себе подобных.

Огромную роль в пробуждении интереса исследователей разного профиля к культурогенезу детства сыграли работы **Л.С. Выготского** (1896—1934) [Выготский, 1960, 1983, 2008; Выготский, Лурия, 1993], вызвавшие революционный переворот во взглядах на **специфически человеческие формы орудийной (инструментальной) деятельности**, позволяющий радикально покончить с механицизмом. Своё направление он предпочитал называть «инструментальной» психологией, причём под орудиями, инструментами психогенеза, социогенеза, культурогенеза он подразумевал знаки, а не механический инструментарий. Это направление в психологии часто называют «социальной психологией» или «историко-культурной» психологией, поскольку психогенез рассматривается в неразрывной связи с процессом общения, социализацией, инкультурацией. Слова, указания, запрещения, которые иницируются матерью, становятся средствами организации психической деятельности ребёнка. Исходные указания матери, использующей язык жестов, способны наглядно продемонстрировать, что изначальное Слово очевидно и действенно. Слово-божество, породившее исходный универсум, не может быть замещено **без`образным** звуковым словом.

Необходимость преодоления механицизма во взглядах на истоки человеческой культуры, на истоки знаковых систем начинает осознаваться всё большим числом исследователей. Интерес к телесности, техникам тела, семантике тела,

кинесике проявляют философы, антропологи, социологи, культурологи, психологи, этнографы: *М. Мосс, Е. Холл, У. Уайт, Р. Бирдвистел, К. Джиббинс, М. Кнапп, Р. Розенталь, К. Крейдер, А. Кендон, Д. Моррис, Р. Барт, А.А. Вежбицкая, Р. Баракат, Д. Блертон-Джоунз, Дж. Фаст, З.М. Волоцкая, Т.М. Николаева, Д.М. Сегал, Г.В. Колшанский, И. Горелов, В. Енгальчев, А.А. Акишина, Г.Е. Крейдлин, М.Л. Бутовская, С.В. Чебанов, М. Богутская, Д. Боллинджер, В.П. Визгин, С.А. Лохов, С.С. Хоружий, А. Лоуэн, О.К. Румянцев, В.А. Подорога, Ф. К. Михайлов и др.*

Знаменитый ученый-энциклопедист, этнограф и социолог *М. Мосс* (1872—1950) в работе «Техника тела» пытается преодолеть механистические предрассудки, гипертрофирующие роль механических поделок в социализации человека, представил в качестве **главного предмета социальной антропологии технику человеческого тела**. Он отнёс выращивание и вскармливание ребёнка, отношение этих двух взаимосвязанных существ к техникам периода детства, причём отметил, что «история ношения детей очень важна» [Мосс, 1996, с. 253].

Колыбель человечества, исходная экологическая ниша, исходная культурная среда, исходная орудийная система, а также исходные приёмы социализации, инкультурации младенцев крайне редко попадают в поле зрения исследователей, говорящих об истоках человеческого бытия, исходной культурной среде, культурных универсалиях, поэтому их доктрины зачастую носят абстрактный, умозрительный, софистический характер и грешат крайним субъективизмом. Это порождает полный субъективизм при осмыслении тех реалий, которые нашли отражение в мифологическом сознании, в традиционных учениях о первых временах человечества, о первом языке человечества, о первых формах

осмысленной человеческой практики, об истоках осмысленной заботы о человеке.

В рамках механистических доктрин, отрицающих живые говорящие орудия (человека), становление медицины не может получить логического обоснования, поэтому историки медицины традиционно вынуждены рассчитывать исключительно на свою интуицию при освещении причин, вызвавших к жизни медицину, а также входить в непримиримый конфликт с псевдоисторизмом. Так, например, интуиция побуждает историков медицины связывать её истоки не с заботой о камне, бронзе, железе, а с материнской заботой о чадах. Она также побуждает считать не механические поделки, а медицину ровесницей человека и человечности и видеть у истоков духовного лидерства не камнетёсов, а женщин-врачевательниц. Задолго до **И. Павлова** немецкий историк медицины **Г. Гезер** в своей книге «Основы истории медицины» писал: «Начало медицины, без сомнения, совпадает с появлением человеческого рода» [Гезер, 1890, с. 1]. Связывая истоки медицины с заботой о человеке, историк медицины **М.П. Мультиановский** пишет: «Одним из древнейших видов человеческой деятельности надо признать помощь при родах и уход за детьми, особенно новорожденными, лечение детских болезней и их предупреждение» [Мультиановский, 1967, с. 10]. Ссылаясь на народный эпос о первых женщинах-врачевательницах, автор книги «История медицины» **Ф.Р. Бородулин** находит, что «народное творчество правильно отразило их роль как первых врачей-лечителей недугов человека» [Бородулин, 1961, с.19].

При осмыслении антропосоциокультурогенеза часто говорится о необходимости комплексного подхода. Подлинное взаимодействие между науками обеспечивается в случае их интеграции, междисциплинарных синтезов. Идея

о единой науке высказана *К. Марксом* в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Он писал: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включает в себя естествознание: это будет одна наука...» [Маркс, т. 42, с. 124-125]. На роль тотальной *Науки* может претендовать, прежде всего, медицина, поскольку именно медицина изучает буквально всё, что воздействует или способно воздействовать на человека: все вещества, все поля, все организмы, все технологии и орудийные системы, все продукты, все достижения и аберрации человеческого разума. Изучая жизненную, сущностную значимость всего и вся, медицина широко использует всевозможные приборы и стремится к аптечной точности. Тотальный характер носит и медицинская практика. По решению врачей человек может быть отлучён от общества. Без справки от врача невозможно заниматься многими видами деятельности в самых демократических обществах. Без заключения санитарно-эпидемиологических служб невозможно организовать самые разные виды строительства, а также наладить производство и реализацию самой разной продукции. Даже подготовка космонавтов и создание космических кораблей протекают под бдительным оком медиков.

Медицина традиционно изучает живые говорящие орудия, технику ухода за младенцами. Без учёта врачебной практики невозможно укоренить принципы антропологизма, биологизма в широком круге наук, занятых исследованием истоков человека, общества, культуры, а также осмыслить традиционные учения о природе человека, общества, культуры, для которых характерен антропоцентризм, биоморфизм. Изучение процессов введения в культуру различных биологических объектов привело к становлению теории центров происхождения культурных растений, до-

машинных животных. Может показаться, что обобщение этого биокультурологического подхода, его распространение на истоки орудийной деятельности, искусства, языка, словесности не представляется возможным, поскольку невозможно найти центры естественного произрастания зубил, резцов, палиц, лопаток, саней, снарядов, героев, божеств, словес, музыкальных инструментов, театров, храмов и т. д., однако такая возможность существует. Для реализации этой возможности следует забыть про каменные орудия и обратиться к орудиям, которые вызвали к жизни медицину, биологию, бионику, и т. д. В свете тотальной *Науки*, в свете подлинного историзма, подлинной мудрости чудесные орудия, а также «предания старины глубокой» перестают казаться продуктом безудержной фантазии наших предков. Так, например, стоматология позволяет обнаружить **сани**, **снаряды**, которые едут (едят) сами, возят нашу **снедь** и способны поражать даже небо. Именно эти снаряды чаще всего побуждают обращаться за медицинской помощью. Надо сказать, что центры произрастания древнейших зубил, резцов, стамесок, мельниц традиционно интересуют не только стоматологов, но и матерей: когда у ребёнка режутся зубы, он становится нервным, у него пропадает аппетит и поднимается температура. Одиночные зубы могут прокусывать грудь кормящей матери. Они доставляют массу проблем старикам и старухам. Именно они породили представления об упырях (упорах), которые ворочаются во мгле (могиле), вылезают из могилы, сосут кровь у близких. Породили они и множество технологий, связанных с трансформацией челюстно-лицевых органов. Эти технологии традиционно практикуются в первобытных обществах. С недавних пор подобные технологии взяты на вооружение современной медициной.

Следует заметить, что покусанные упырями их владельцы также считались упырями. Губы этих упырей может быть окрашены кровью даже во время сна. Это породило массу предрассудков, посеявших многовековой ужас: издревле зародилась убежденность, что подобные упыри также могут покидать могилы. К разряду упырей относится также вепри. Торчащие изо рта хрюшек крючки приводят к засечке губ при питании и мешают им набирать вес, поэтому традиционно ведётся борьба и с этими упырями. Не зная особенностей этой борьбы, не следует предпринимать усилий по осмыслению древних сказаний об упырях.

Комплексное изучение истоков человеческого бытия путём тотального использования тотальной **Науки**, предпринятое в работах [Воронцов, 1990, 1994, 2008 а, б, 2009, 2010а, б, 2011, 2012 а, б, в, 2014 и др.], позволило пролить свет на природу человека, общества, осветить самые разные феномены человеческой культуры, а также разработать генерализованную трудовую концепцию антропосоциокультурогенеза, позволившую согласовать древние учения об антропосоциокультурогенезе с данными современной науки. Согласно этой концепции, не забота о механических орудиях, а материнский инстинкт, материнская забота о чадах породили воспитательный процесс, культуру, человека, общество. Материнский инстинкт по своей природе социален. Наличие этого социального инстинкта, наличие инстинктивных начал у воспитательного процесса, делает беспочвенными любые попытки противопоставления биологического и социального, биологического и культурного.

Генерализованная трудовая концепция антропосоциокультурогенеза, опирающаяся на традиционные учения, а также на новейшие научные данные, вводит в научный оборот практически неограниченный набор фактов, связанный

со становлением человека, общества, культуры. Она позволяет предельно детально осветить причины, вызвавшие потребность в осмысленной заботе о здоровье. Генерализованная трудовая теория антропосоциокультурогенеза, ставящая во главу угла заботу о себе подобных, не только проливает свет на истоки медицины, но и позволяет показать фундаментальную роль протомедицины в антропосоциокультурогенезе, в становлении широкого спектра семиотических систем: математики, языка, сказки, обряда, искусства. Эти системы являются не побочным продуктом протомедицины, а её важнейшими элементами, обеспечивающими функционирование и развитие тотальной Науки.

Автор выражает глубокую признательность за помощь, оказанную при написании данной книги, руководству и сотрудникам Института языка, литературы и искусства АН РТ, Института истории АН РТ, Института археологии АН РТ, Казанского (Приволжского) федерального университета: доктору филологических наук, профессору, академику АН РТ **М.З. Закиеву**; доктору филологических наук, профессору **Ф.И. Урманчееву**; доктору исторических наук, профессору, академику АН РТ **Р.С. Хакимову**; доктору исторических наук, профессору, член-корреспонденту АН РТ **Ф.Ш. Хузину**; кандидату исторических наук **Р.Р. Хайрутдинову**.

Глава 1

АРХАИЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОРГАНИЗМЕ, БОЛЕЗНЯХ, СМЕРТИ И ЗАБОТЕ О ЗДОРОВЬЕ

*Тот здоровья не знает,
кто болен не бывает.*

Русская пословица

1.1. Архаичные представления о человеческом организме и исходных формах заботы о здоровье

Без заботы о здоровье невозможно представить начало человеческого бытия. Умственные и физические потенции человеческих младенцев не позволяют им обходиться без сознательной заботы об их здоровье. В работах [Воронцов, 2008б, 2010а, 2010б, 2011, 2012а, 2012б] впервые показано, что именно родительская забота легла в основу традиционных учений о начале человеческого бытия, о рукотворном космосе, о носителях Высших Сил, Высшего Разума, Святого Духа, о процессе познания добра и зла, об истоках болезней и смерти. *Игнорируя эти учения, а также произвольно толкуя их, можно составить глубоко превратное представление не только об умственном здоровье создателей этих учений, но и об истоках медицины.*

В мифах в качестве предков, создателей рукотворной Вселенной, различных культурных ценностей часто фигурируют животные, которые зачастую занимаются врачеванием и являются символом мудрости. Родительские **пяти** («**пасты**») способны пролить свет на природу тотемных существ, которые **пестуют** нас, когда мы абсолютно беспомощны, а также знакомят нас с «добром и злом», с профилактикой травматизма, с основами гигиены. Задолго до возникновения институтов отцовства, семьи, брака пара материнских рук породила такие культурные, мифологические и сказочные архетипы, как **мать-животное, отец-животное, семья, брак, обручение, свадьба** и т. д.

Способность сказочных и мифических животных создавать исходную культурную среду, выступать в качестве исходной орудийной, транспортной и знаковой системы не может вызывать сомнений. Именно с этими животными связаны исходные представления о жестах, божествах. Глубоко архаичны мифологические сюжеты о порождении Вселенной животными, о пребывании людей в чреве животных, о животных предках человека. Видный советский этнограф **Л.Я. Штернберг** (1861—1927) в своей книге «Первобытная религия в свете этнографии» пишет: «Теротеизм (поклонение животным, зоолатрия) – некогда универсальная форма религиозного мышления, сохранившаяся до настоящего времени у всех диких и варварских племён и даже у некоторых более или менее культурных народов (браминистическая Индия, Египет). Свидетельствами всеобщего господства культа животных служат религиозные и поэтические памятники всех исторических народов, начиная с гимнов Вед, Авесты, храмов и мумий Египта, историков и поэтов Греции и Рима, эпоса германских, романских и славянских народов и кончая современным фольклором европейских масс. Са-

мый богатый следами тотемизма эпос славянский, в особенности русский» [Штернберг, 1936, с. 191].

Мифические животные могут выступать в качестве тотемных предков, героев, божеств, демиургов, триксеров (обманщиков, ловкачей), ездовых животных богов, героев и т. д. Мифическое животное может выступать типологически в чистом виде, однако зачастую оно является человеческим предком и божеством, культурным героем и триксером. Ворон у ительменов демиург, культурный герой, создатель рельефа местности и самой земли, изобретатель одежды, лодки и т. д. Это не мешает им рассматривать Ворона в качестве триксера. Сказочные и мифические звери могут заварять, общаться между собой и с людьми, поскольку обладают особым языком, постигнув который герой становился необычайно мудрым и проницательным. Он может установить причину той или иной болезни, вылечить любую болезнь.

По вполне объяснимым причинам чудесные животные могут быть плачами. Так, например, в русских народных сказках в роли плачей выступают лиса [Афанасьев, 1984, № 22], медведь [Там же. № 21], волк [Там же. № 22]. Чудесные животные могут быть и повитухами [Там же. № 1–8], и врачевателями [Там же. № 21–22]. Игнорируя антропоморфную природу этих плачей, повитух, этих врачевателей, осмыслить древние сказания, разобраться в истоках медицины весьма и весьма проблематично. Не представляется возможным и осмысление связи врачевания с тотемистическими верованиями. отождествив тотемы с обычными животными, некоторые историки медицины всерьез полагают, что «первоначальные медицинские сведения первобытный человек почерпнул у животных, которым “врождены” инстинкты самосохранения и которые инстинктивно выбирают

нужные средства для излечения от тех или иных страданий» [История медицины, 1954, с. 37].

Без всяких оснований древними мифами, сказками о животных и вообще герменевтикой древней словесности долгое время занимались не представители самой мудрой и древней профессии, а любители мудрости, любители словесности. Эти любители по причине слабого знакомства с биологией и антропологией всерьёз полагали, что характер мифических, баснословных, сказочных животных соответствует природе зоологических видов и соответствующие произведения отражают жизнь в обычном лесу. Подобные взгляды не канули в вечность. Так, например, видный современный фольклорист и историк **Е.М. Мелетинский** (1918—2005) в своей книге «Палеоазиатский мифологический эпос» пишет: «... нам представляется, что мифы о Вороне – культурном герое и триксере в известной мере опирается на простейшие мифологические преобразования зоологических свойств ворона» [Мелетинский, 1979, с. 196–197].

Надо сказать, что и облик, и поведение мифических и сказочных животных не дают оснований соотносить их с зоологическими видами. В этой связи получило широкое распространение мнение, что мифические, сказочные животные – это надуманные, условные фигуры. Так, например, **А. Широкауэр** полагает, что подобные образы и сюжеты являются чистой фикцией, причём настолько прозрачной, что даже ребёнку ясна метафоричность, иносказательность подобного рода рассказов [Schirokauer, 1953, s. 183]. Считать культурные, сказочные, мифологические универсалии фикциями большинство исследователей в настоящее время не решается.

По мнению немецких лингвистов и культурологов **Вильгельма** (1785—1863) и **Якоба** (1786—1859) **Гримм**, сказки

о животных возникли из прамифа, а под личиной зверей скрываются божества. Причину обожевления животных, жертвенного отношения к ним **Я. Гримм** видел в животноводстве. Он пишет: «Животная сага проистекает из непрерывного общения человека с животными и – благодаря этому – знакомства с их потаённой жизнью» [Grimm, 1834, s. 366].

Труды английской этнографической школы, собравшей богатейший материал по архаичной сказке и мифу, подорвали всякое доверие к поэтическим, романтически отвлечённым взглядам на взаимоотношение человека и животных в эпоху появления наиболее архаичных мифов о животных. В трудах английской этнографической школы, посвящённых этим мифам, начал широко использоваться термин «тотемизм». По поводу природы тотемных существ, наделённых всеми атрибутами человека, включая речь, у исследователей до сих пор отсутствует единство взглядов. К настоящему времени предложены десятки учений о природе тотемизма. С обзорами этих учений можно познакомиться, например, в работах [Хайтун, 1958, с. 108–142; Токарев, 1990, с. 51–60, 564–576].

Мир тотемических предков поражает своим динамизмом, своими чудесными превращениями. В этом мире легко возникают и легко превращаются, во что угодно, животные, люди, предметы, планеты, светила и т. д. После работ французского этнографа, культуролога и социолога **К. Леви-Стросса** [1908—1909] получила широкое распространение трактовка мифов и сказок о животных как «кода» для классификации социальных и природных явлений. Разумеется, это не сняло вопросов, связанных со становлением этого кода.

Вопрос о причинах, которые побуждали создателей мифов выбирать животных на роль главных героев, предков

до сих пор представляет для исследователей серьёзную проблему. *Леви-Стросс*, например, так попытался объяснить, почему у палеоазиатов таким героем стал Ворон, а у североамериканских индейцев – Койот. По его мнению, мифы являются продуктом первобытных софистов, которые пытались посредством умозрительных построений смягчить антиномии, связанные с человеческим существованием. Ворон смягчает одну из главных антиномий – антиномию жизни и смерти. Он ест падаль – и это компромисс между травоядными и хищниками (метафора жизни и смерти) [Леви-Стросс, 1983, с. 201–202]. *Леви-Стросс* игнорирует хорошо известный факт: мифические существа охотятся и питаются совсем не так, как их лесные собратья. По этому поводу *Е.А. Костюхин* в своей книге «Типы и формы животного эпоса» пишет: «Уже тотемические мифы показали, как резко расходятся манеры и поступки мифологических и реальных животных. В сказках о животных положение не меняется: фигуры триксеров предельно условны и несколько реальным фактам не соответствуют. Муравей не только убивает на охоте свинью, но и несёт её домой. Пауку для того, чтобы насытиться, нужны горы мяса (все триксеры архаичного фольклора вообще необычайно прожорливы). Он может съесть любого зверя, может унести человека» [Костюхин, 1987, с. 63]. В пасти подобных животных побывали все, кто читает эти строки. Способность чудесных животных транспортировать человека не может вызывать сомнений. Эти факты исследователи сказки и мифа предпочитают игнорировать.

В работах «Природа языка и мифа» [Воронцов, 2008б], «Мировоззрение золотого века и его истоки» [Воронцов, 2010б], «Подлинные истоки волшебной сказки» [Воронцов, 2011] впервые предпринята попытка связать истоки мифов о животных с исходными орудийными, транспортными и

знаковыми системами. Если учесть, что первый язык был жестовым, то есть все основания соотнести **пяти** с первыми говорящими **пастями**, живые руки – с первыми зверьками, а суставы рук – с первыми существами, которые выступают в качестве естественных символов и изначально вводятся в культуру. Язык зверей позволяет заверять и предельно наглядно демонстрировать то, что не имеет видимой формы: зверскую боль, зверский голод, зверский холод и т. д.

По вполне очевидным причинам чудесные существа могут трансформироваться друг в друга. Так, например, чтобы превратить сказочную собачку (согнутый крючком указательный палец) в козу, зайца или гуся, достаточно сменить позиции пальцев. При пальцовке наши естественные актёры – пальцы (палы, очки, палы-очки) превращаются в волшебные палочки, в бактерии, в богатырей, в сказочных и мифических существ. Чудесные палицы могут выскакивать из кисета (кисти), принимать самый различный облик, а также наказывать обидчиков.

В былине «Добрыня Никитич», колдунья Марина превратила богатыря Добрыню в гнедого тура Золотые Рога:

*Воротила тут она было богатыря
Тым было туром да златорогим...*

[Былины, 1986, с. 211]

Надо сказать, что все, у кого есть **ладони**, являются **колдунами** и имеют богатейший опыт подобных превращений.

Звери и звероподобные существа традиционно выступают в качестве героев (греч. χέρι `рука`), а также в качестве наставников и помощников героев. Волки, кони и другие инструкторы общаются с героями на общепонятном языке. Так, например, в греческой мифологии кентавр Хирон выделяется мудростью и благожелательностью. Он является

Рис. 5. Кентавр.
Реконструкция В.А. Воронцова

воспитателем героев (Тесея, Ясона, Диоскуров). В качестве лекаря он обучал врачеванию Асклепия. «Имя Х. указывает на его искусные руки (греч. cheir “рука”)» [МНМ, 1992, II, с. 593]. Реконструкция кентавра, который также питал страсть к наставлениям, приведена на рис. 5.

Руками обладают и мифические, и сказочные животные. Так, например, Ворон Воронович предлагает Ивану-Покати-Горох поздороваться: «Стали здороваться, друг дружке руку дали, из ногот только кровь пошла у того и у другого» [Смирнов, 1917, № 11]. Змей вызывает Покатигорошка на борьбу, но последний говорит: «Дай руку, я подержу, — попробуем так: кто сильнее!» [Афанасьев, 1984, № 134].

По вполне объяснимым причинам герои могут транспортироваться в пасти сказочных животных. «Джигит, недолго думая, в пасть забрался – и помчался Лев в далёкое ущелье» [ТНТ, 2001, № 47]. Предельно архаичное транспортное средство (родительские руки) даёт основание соотнести **пасть льва с пястью левой** руки. Транспортировка в чреве животных широко распространена в мифах и сказках.

Вспомнив про материнские руки, совсем не сложно понять природу Гаруды или сказочной птицы Рух, способной затмевать солнце, носить на себе героев, воспитывать их в своём гнезде (рис. 6). Руки проливают свет и на других чу-

Рис. 6. Птица Рух.
Реконструкция В.А. Воронцова

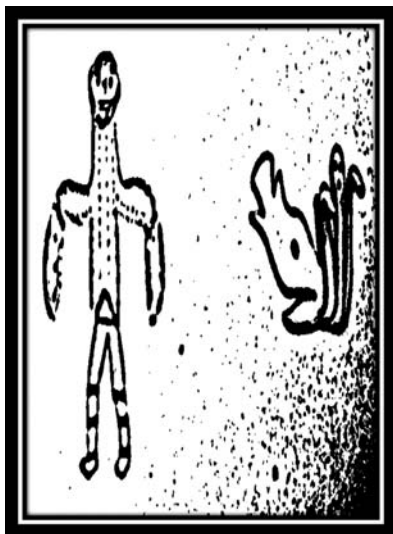

Рис. 7. Человек-птица.
Детали шаманского костюма

десных птиц: Ноготь-птицу, Ворона Вороновича, Жар-птицу и т. д. Птахи, пташки (пятаки, пятачки) изначально ассоциировались с нашими пальцами. Функции сказочных и мифических птиц, как и мифических животных, не поддаются перечислению.

При переносе на руках младенца сказочные птахи захватывают его шею, ляжки, икры. Не следует удивляться тому, что герои сказок при транспортировке зачастую вынуждены жертвовать транспортному средству свои органы. Так, обстоит дело и с Моголь-птицей, которой малолетний герой пожертвовал мясо со своих ног, но всё кончилось для него благополучно, поскольку Моголь-птица «выхаркала икры» [Афанасьев, 1984, № 157]. Аналогично поступает и сказочный орёл, который транспортирует Ивашку. «Вот орёл выхватил у Ивашки из холки кусок мяса, съел и вытащил его

в ту же дыру на Русь. Когда сошёл Ивашко с орла, орёл выхватил кусок мяса и велел ему приложить к холке. Ивашко приложил, и холка заросла» [Там же. № 128]. Мифические существа с руками-крыльями широко представлены в изобразительном искусстве разных народов (рис. 7). Нет никаких оснований связывать истоки мотивов о сказочных и мифических птицах с наблюдениями за обычными птахами. **Пятеро дактилей** (пальцев) являются подлинными **птеродактилями**. Они начинают порхать, когда мы поперхнёмся. Язык пантомимы очень красноречив, а подлинные слова – «крылаты».

Функции рук предельно многообразны, предельно многообразны и функции чудесных животных. Образ животных издревле был свойственен и различным божествам. В виде орла выступают Зевс и Дионис. В виде различного рода животных фигурируют и египетские боги. В ряду существ, образующих мифологический и сказочный бестиарий, змей выделяется множеством своих ипостасей. Это дало основание известному советскому фольклористу **В.Я. Проппу** (1895—1970) говорить о крайней загадочности этого образа. Он писал: «Змей очень сложное и многообразное явление. Всякие попытки дать ему единое объяснение заранее обречены на неудачу...» [Пропп, 1946, с. 258]. На наш взгляд, именно многофункциональность мифического змея позволяет с высочайшей степенью достоверности произвести идентификацию его архетипа. Наши универсальные орудия, наши органы (уды) являются первыми удавами, ужами, образ жизни которых нам хорошо известен с самого раннего детства, поскольку без ужей, питонов мы не садимся ужинать, питаться.

Мифические и сказочные змеи могут поселяться на плечах человека. В татарской сказке змея поселяется на шее героя и свисает с его плеч. Это вначале пугает героя, но мудрая

старуха, которая знает язык змей, успокаивает его. «Ты ни сколько не бойся змеи. Что будешь кушать сам, тем же её корми. Может быть, это будет даже на пользу тебе» [ТНТ, 2001, №. 41]. Следует заметить, что наша пища изначально поступает в распоряжение наших питонов, которые отнюдь не обделяют нас при питании.

Сказочные змеи могут превращаться в разные предметы. «Вымолвил и обернулся помелом», «Вымолвил эти речи и оборотился хватом» [Афанасьев, 1985, № 204]. Способность наших органов сметать, хватать, что попало, не может вызывать сомнений.

Мифические змеи являются хтоническими существами, порождёнными Геей – Матерью Землёй (жменёй). **Серия** из 5 (греч. **πέντε** ` пять `) пальцев руки позволяет реконструировать изначальный серпентарий с математической строгостью. Эти многоголовые существа участвуют в формировании первозданного рельефа и владеют первозданными горами, впадинами, гротами, реками, озёрами, морями. «Едут год они, едут два, приехали три царства, синеются-виднеются горы высокие, между гор степи песчаные: то земля змея лютого» [Афанасьев, 1986, № 560]. По вполне объяснимым причинам сказочные змеи являются летучими. «Вдруг видят: в версте от них летит змей» [Афанасьев, 1984, № 131].

Наши пальцы (палы) позволяют понять, почему сказочный змей имеет пламенную природу, почему змей уносит царевну «на своих огненных крыльях» [Афанасьев, 1984, № 131]. Пальцы позволяют также понять, почему змей мог пулять пламенем. «Змей пламенем палит, когтями рвёт» [Худяков, № 118]. «Тут змей выпустил из себя пламя огненное, хочет сжечь царевича» [Афанасьев, 1985, № 562].

Наши руки, наши хтонические существа (Гея и Гея) породили естественные водоёмы, в которых купают детей,

умываются, тонут в слезах и т. д. Есть все основания полагать, что именно с ними связаны исходные представления не только о гегемонии, но и о гигиене, о богине здоровья Гигеи. Вложив одну ладонь в другую, можно увидеть Чашу терпения, которая является не только гигиеническим, но терапевтическим средством, поскольку позволяет умерить боль, прийти в сознание. Именно эта Чаша, а также обитающий в ней Змей, стали символом медицины, неразрывно связанным с образом Гигеи, которая является естественным атрибутом Асклепия.

Нет ничего удивительного в том, что змеи часто выступают в роли хранителей водоёмов. Изначальная связь змей с руками, с естественными водоёмами очень явственно отражена в тюркских языках: тюрк. ел 'рука' [Севортьян, 1974], тат. елан 'змея'; елау 'плакать, рыдать, реветь'; елга 'река' [ТРС, 1966].

Изначально ребёнок ничего не знает о болезнях и смерти. Золотой век — мифологическое представление, существовавшее в античном мире, согласно которому первые времена человечества отличаются безоблачностью, беззаботностью, невинностью, незнанием смерти, добра и зла. Представления о золотом веке, утраченном земном рае можно встретить не только в развитых религиозно-мифологических представлениях. Румынский историк религии и исследователь мифологии *М. Элиаде* (1907—1986) в своей книге «Мифы, сновидения, мистерии» пишет, что «дикари, не более и не менее чем западные христиане, считали, что пребывают в “павшем” состоянии по сравнению со сказочно счастливым положением дел в прошлом» [Элиаде, 1996, с. 45].

Р.А. Агеева в книге «Страны и народы» пишет, что «в древности у разных народов складывались представления о “блаженных” странах “золотого века”» [Агеева, 2002, с. 260].

Названия мифических стран, как правило, связаны с космогоническими представлениями народов древности. Мифическая страна мыслится как место пребывания божественных предков, божеств плодородия, как центр модели космоса, причём в качестве такой модели часто выступает микрокосм, человек.

Античные авторы упоминали об «островах блаженных», о саде Гесперид с золотыми яблоками. Об истоках такого рода верований *Л.А. Ельницкий* в своей книге «Древнейшие океанские плаванья» пишет: «Происхождение этих утопических идей, связанных с определёнными географическими представлениями, коренится в древних религиозных верованиях, относящихся к культу божеств плодородия, в частности таких, как греческий Кронос и Римский Сатурн, почитавшиеся царями потустороннего царства блаженных и царями “золотого” века, некогда якобы существовавшего на Земле и завещанного людям в будущем» [Ельницкий, 1962, с. 76].

Счастливая страна богато представлена и в фольклоре средневековой Европы. Английский исследователь *А. Мортон* в своей книге «Английская утопия» пишет, что у народной Утопии множество имён, она фигурирует под разными образами. Это и английская страна Кокейн, и французская Кокань. Это и Помона и Горная Бразилия, Гора Венера и Страна Юности» [Мортон, 1956]. Очевидно, что первую **кухню** или страну изобилия **Кокейн** (как, впрочем, и первого **кока**) логично искать в материнских руках. Именно её пальцы (палы) породили представление о пламени, на котором готовилась, подогревалась пища в начальные времена. Чтобы увидеть первый очаг, достаточно изобразить очко посредством пальцев. Первозданный **кок** (англ. *cook*), давший название стране **Кокейн**, до сих пор участвует в пригото-

лении и распределении пищи. Есть все основания полагать, что *cook is – кукиш*.

Современная наука не смогла убедительно объяснить причину стойкой веры народов в золотой век, в сказочные страны. Она категорически отвергает и возможность существования рукотворного универсума. В работах «Природа языка и мифа» [Воронцов, 20086], «Мировоззрение золотого века и его истоки» [Воронцов, 20106] вскрыты корни мифов и преданий о золотом веке, о сказочных странах. ***Игнорируя эти страны, невозможно постигнуть истоки медицинской топографии.***

Рукотворный универсум породил представление о младенцах, которые заполнили своими телами всю первозданную Вселенную, созданную божеествами. Породил он и учения о первопредках, из чьей плоти был создан мир. Образ первочеловека-гиганта широко распространён в мифах. Так, например, в раввинской литературе Адам изображается как первочеловек огромных размеров. В момент сотворения его тело заполняло всю Вселенную. Гигантом был и эддический великан Имир, чьей плотью божеества заполнили первозданную пропасть, прообразом которой является родительская пясть. Подобного рода представления позволяют судить о размерах рукотворного космоса, в рамках которого складываются исходные геометрические представления, основы медицинской топографии.

Наше попадание в пясти (пасти) всеблагих родителей сразу после рождения может трактоваться как принесение младенцев в жертву богам, которое осуществилось изначально и породило традицию, нашедшую отражение даже в Библии. Так, например, в первые времена был принесён в жертву богу Гайомарт, который в древней иранской традиции считается первочеловеком. Такова судьба и ведийского

первочеловека Пуруши, который ухитрился заполнить своей плотью всю первозданную Вселенную.

Родительские **пятерни** – божественные **патроны**, сказочные животные не могли переваривать младенцев, поэтому пребывание младенцев в чреве божеств, сказочных животных, чудовищ, великанов-людоедов часто заканчивается тем, что их отрыгивают обратно. Многочисленные сказки, мифы свидетельствуют, что **скушанные** младенцы появляются на свет **искушёнными** во всяких премудростях. Причины этого кроются в воспитательном процессе.

Издrevле был широко распространён обряд инициации, во время которого посвящаемый пролезал через сооружение, выполненное в форме огромного животного. При этом он как бы переваривался в чреве животного и извергался **искушённым** в тайнах, которые делают человека человеком. Это подтверждает мысль о том, что вовсе не тотемы были изначально продуктами питания, поэтому глубоко ошибочны любые попытки связывать истоки тотемизма с охотой, как это делают, например, авторы книги «История медицины» **П.Е. Заблудовский, Г.Р. Крючок** и др., которые пишут: «В период перехода к охотничьему хозяйству изменилось и мировоззрение людей. Первобытный охотник рано стал понимать, что животное является основным источником его существования. Многие племена считали то или иное животное своим родоначальником, охранителем здоровья» [Заблудовский, Крючок и др., 1981, с. 11].

Сложенные родительские пясти (пасти) должны были породить представление о многоэтажном небе (нёбе), небесах обетованных. На этих небесах обитают безгрешные люди, каковыми изначально являемся мы. Познав добро и зло, научившись заботиться о своём здоровье, не причинять вред другим, мы спускаемся с небес, которые были нашими

первыми палатами (лат. *palatum* `нёбо`). Мифы, сказки утверждают, что в этой святой обители много еды, что её обитатели ведут счастливую жизнь, не зная тяжкого труда. Существует сказки, в которых герои попадают на небо, вдоволь наедаются там, встречаются там сказочных животных и т. д.

На небесах многие народы размещают целые страны. В христианских представлениях рай является местом обитания ангелов и других безгрешных почитателей отца небесного. В раю эти чада соединяются с богом, созерцают его. Таким образом, представление о райской жизни, о небесах обетованных возникли не в ходе наблюдения за макрокосмом, а в ходе отражения материнских рук, породивших представление о всеблагих предках, колыбели человечества, а также о воспитательном процессе, который широко представлен в древних учениях.

Идея отбора при решении проблем антропосоциокультурогенеза не является достижением науки. Широко распространены мифы о всемирных потопах, горючих излияниях и прочих карах, жертвами которых становятся субъекты, поведение которых входит в конфликт с заповедями подателей всех благ. Эти мифы традиционно рассматриваются как свидетельства отбора, который обеспечил социализацию наших предков.

Существуют также многочисленные мифы, в которых исконная обитель человечества оказывается в пламени. Наши пальцы (палы), ладони (греч. *πάλαμη*, лат. *Palma*) способны продемонстрировать пламя всемирного пожара, а также огненных существ: божеств, божественных вестников – ангелов.

Любвеобильный дарвиновский половой подбор, выбранный им в качестве главной движущей силы антропогенеза, с возмущением отвергается многими людьми, которых совершенно не смущает беспредельная жестокость отбора,

который враги духовности, враги разума приписывают всеблагим отцам, произвольно перетолковывая древние учения. Жестокость мифологического воспитательного процесса не следует преувеличивать. Опыт показывает, что любой отец способен вызвать горючие излияния, утопить непослушных чад в морях слёз, побудить их обернуться в соляные столпы (пальцы, смоченные слезами) не прибегая к мерам физического воздействия: запретив, например, портить глаза, играя в компьютерные игры. В сказках для появления огненной реки, моря достаточно взмаха рук – естественных утирок. Приставив естественную ёмкость (ладонь) к **оку**, можно получить **океан** горючих слёз, которые затопят исходный мир, исходный универсум.

Естественные ёмкости могут переполняться не только слезами. У многих народов существует поверье, что грудное молоко обладает целебными свойствами и полезно для кожи ребёнка, поэтому матери периодически умывают младенцев грудным молоком. В сказках юные герои зачастую погружаются в пламенный казан с молоком и трансформируются в красавцев. Следует заметить, что в русском языке *казанок* `кость запястья` [Фасмер, 1967, с. 159]. Материнское молоко может наполнять первозданные долины (длани) и породить представления о молочных реках.

В мифологизированном антропосоциокультурогенезе активную роль играют не только всеблагие родители, но и **Святой Дух**. Широко известна попытка анализа природы **Святого Духа**, предпринятая немецким философом **Л. Фейербахом** (1804—1872) в книге «Сущность христианства» [Феербах, 2002]. В трактовке **Фейербаха** Святой дух или Бог трактуется как образ, отражающий глубочайшую человеческую сущность – **Любовь**. Всеблагой Отец должен испытывать к своим чадам отнюдь не половую любовь. Верующие

люди вполне осознают этот факт. Вопреки фактам, вопреки церковной традиции, **Фейербах** был склонен считать, что не родительская, а половая любовь является той силой, которая способна консолидировать общество. Следует заметить, что родительский инстинкт (**Святой Дух**) очень древен. Он существовал задолго до появления первого примата, первого млекопитающего. **Святой дух** разлит в живой природе и не имеет внешней формы. На этом настаивают многие религиозные доктрины, и опровергать их не имеет смысла.

Именно родительское чувство способно побудить его носителя породить колыбель человечества – рукотворный универсум, сознательную заботу о здоровье, игнорируя которые невозможно постигнуть истоки основных феноменов человеческой культуры, включая медицину.

1.2. Архаичные представления о болезнях и смерти

Руки, пальцы наиболее выразительно выражают боль, смертные муки. Чудесные птицы (пятаки), чисто рефлекторно или сознательно слетающиеся на раны, породили представления о крылатых вестниках смерти. Сказочные **враны** до сих пор слетаются на наши **раны** и играют неоценимую роль в диагностике. Издревле крылатыми были не только вестники смерти, но и сама смерть. В русских же загадках смерть прямо называется птицей [Садовников, 1901, с. 218]. Смерть предстаёт в образе разных птиц и по причитаниям:

*Нонько крадцы прилетела скорая смертушка,
Пробиралась в наше хоромное строение;
По пути летела чёрным вороном,
Ко крылечку прилетела малой пташечкой,
Во окошечко влетела сизым голубком*

[Барсов, 1872, с. 167].

Слетаются сказочные птахи и на наши **очи**, порождая представления о **ночи**, мгле, **могиле**. Нет ничего удивительного в существовании такой удивительной птицы, как **Моголь**-птица, которая способна затмевать свет. В русской сказке «Кощей бессмертный» говорится: «Налетела Моголь-птица, пала на землю – в окнах свету не стало» [Там же. № 157].

Зверская боль, смертные муки, манифестируемая посредством пястей-пастей придали смерти и звероподобный облик. Звероподобный образ смерти в мифологизированном сознании отмечен многими исследователями. «Это встречающееся у родственных нам народов указание на смерть как на звероподобное чудовище может ещё более подтвердить нашу мысль, что наш предок в эпоху своего младенчества имел представление о смерти как о страшилище, соединявшим в себе подобие зверя и человека» [Соболев, 2000, с. 43].

Звероподобный вид изначально имели и **демоны**, духи болезней, которые не только **демонстрировали** душевное состояние, но в буквальном смысле терзали, давили, душили страдальцев. Любому и каждому была очевидна «вредоносность всех первичных “духов”, которые считались источником и причиной болезней и которые мыслились первоначально материальными – в виде неопределённых, таинственных животных» [Зеленин, 1936, с. 5]. Чтобы увидеть, как согнутые в дуги фаланги и другие болезнетворные существа впиваются в человека, не надо быть прозорливым. Естественные **чары** (ёмкости), нападающие на страдальцев, породили представления об ужасных **червях**, фалангах, удавах, грифонах, горгонах. С этими существами традиционно воюют мифические герои (рис. 8).

И. Лепёхин в 1772 отметил у ненцев представления, согласно которым «видом она (болезнь) подобна червяку, движения имеющему» [Цит. по Зеленин, 1936, с. 68].

Рис. 8. Рельеф на саркофаге из Тарента. Южная Италия. IV. в до н.э.

Вогулы прежде говорили, что злые духи, посылая людям болезни и эпидемии, превращают их в собаку, гагару или одно из «поганых» животных и птиц [Носилов, 1904, с.15].

У коми «шева», мнимый возбудитель болезни, «чаще имеет вид маленького животного, червяка, бабочки, ящерицы, жука и т. п.» [Зеленин, 1936, с. 72].

Навязчивое стремление **демонов, монстров демонстрировать** болезненные состояния имеет рефлекторную основу. Издревле с подобного рода демонами не особенно церемонились. При диагностике их побивали **пальцами**, которые были первыми **палицами**, первыми **плетями**. Аналогично поступали и с фетишами, изображавшими духов болезней. Так, например, известный английский археолог и этнограф *Дж. Лёббок* (1834—1913) в своей книге «Начало цивилизации» пишет, что у «индейцев имеются небольшие фигурки в форме четвероногих, птиц и рыб. Им приписывают все болезни. Отличие лишь в оригинальном способе распознавания, который именно из “идолов” причинил болезнь: при

всяком случайном заболевании, колумбийцы берут своих идолов и колотят их друг о друга: первый, у которого отскочит какая-нибудь часть тела, предполагается виновным» [Лёббок, 1876, с.243]. Очевидно, что прообразами этих фетишей были руки, пальцы пациентов и врачей.

Российский и советский этнограф *Д.К. Зелёнин* (1878—1958) в своей книге «Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов» также пишет: «Первоначально отношение людей к демонам совсем не было религиозным “преклонением” или “служением”, а состояло в идеологическом соглашении-сделке родового коллектива с демонами на равных началах, часто сопровождаясь бичеванием демонов-онгонов со стороны их “почитателей”» [Зеленин, 1936, с. 5]. Традиционно духами «делались главным образом те животные, которым люди приписывали и появление тех или иных своих болезней. С этими именно животными люди некогда заключили “тотемические союзы” на таких условиях: люди кормили животных тотемов и ничем их не обижали – не преследовали; живые тотемы не должны были за это причинять своим союзникам-людям тех болезней, возбудителями которых они считались; если же болезнь уже появилась у людей данного тотемного клана, то животное тотем должен был взять болезнь обратно себе. А если тотем этого не делал, то люди его наказывали, и только по миновании болезни союз-соглашение с животным-тотемом вновь возобновлялся. Во всяком случае, такого именно рода союзно-договорные отношения существовали у сибирского населения к онгонам, которых нужно признать прямыми преемниками прежних тотемов» [Там же. С. 29]. Чтобы отвлечь злобных демонов от больного, их можно угостить или наказать. Так, например, чтобы руки ребёнка не расчёсывали нарывы, их плотно пеленают или занимают игрушками, гостинцами.

Со временем наказывать и награждать стали обычных животных. Считалось, что человеческая болезнь может поселиться в этих животных. «Окаменелых пережитков этого архаического взгляда чрезвычайно много, как во всех языках, где очень многие болезни носят имена по разным животным, так и в религиозной идеологии – в народной медицине и верованиях» [Там же. С. 68]. «У нас нет никакого основания предполагать, что в таких случаях имеется случайное совпадение имён, полисемантизм или метафора; напротив, в непонятных теперь именах болезней мы должны сознательно искать, в качестве первичного значения, именно названия различных животных. В культурных языках Европы известно большое количество болезней, которые получили своё название от животных, например: рак, жаба-ангина, грудная жаба, свинка и др.» [Там же. С. 71].

Полёт наших птах при кашле может свидетельствовать о серьёзном заболевании. Нет ничего удивительного в том, что хевсуры на Кавказе прежде верили, что болезни приносят с собою перелётные птицы.

Рукотворные **лики**, **личины**, чисто рефлекторно накладываемые на раны, чтобы умерить боль, породили самые ранние представления о **лихе**, **лишениях**, а также о **лекарствах**, **лечении**. Породили они и представления о **ликантропах** – оборотнях. Чудесные животные, проецируемые на тело человека при манифестации боли, издревле рассматривались как маски. Эти маски, связанные с врачебной и воспитательной практикой, позволяют наиболее глубоко проследить связь оборотничества с врачебной практикой. В словаре «Русские суеверия» **М. Власовой**: «**ОБОРОТЕНЬ**, **ОБВЕРТЕНЬ**, **ОБВОРОТЕНЬ**, **ОБВОРОТЕНЬ**, **ОБЕРТЕНЬ**, **ОБЕРТНОЙ**, **ОБЕРТУН**, **ОБЁРТЫШ**, **ОВЕРТУН**, **ОВЁРТЫШ** – предмет, существо, обернувшееся (обернутое) чело-

веком, или, наоборот, человек, обратившийся, обращённый в кого-либо, во что-либо; колдун» [Власова, 2000, с. 367].

Мотив превращения людей в животных и наоборот один из самых распространённых в мировом фольклоре. Вера в оборотничество широко распространена среди самых разных племён и народов. Истоки этой веры уходят своими корнями в глубокую древность. **Ю.И. Семёнов** в своей книге «Как возникло человечество» пишет: «О глубочайшей архаичности веры в оборотничество свидетельствует её крайняя живучесть и универсальная распространённость. Нет на земном шаре ни одного племени, ни одного народа, у которого не была бы обнаружена в прошлом или даже в настоящем вера в оборотничество или пережитки её» [Семёнов, 1966, с. 325].

В верованиях палеонародов превращение людей в животных, птиц и наоборот происходит путём одевания и сбрасывания соответствующей маски, шкуры. Подобным образом происходит трансформация героев в фольклоре самых разных народов, в том числе и славянских. Так, например, **А.Н. Афанасьев** пишет: «Язык и предания ярко засвидетельствовали тождество понятий превращений и переодевания: слова оборотиться, обернуться (об-воротиться, об-вернуться) означают собственно: окутаться, покрыть себя платьем, а пре-вратиться – переодеться, изменить свою одежду (свой внешний вид), надеть её навыворот» [Афанасьев, 1983, с. 399]. Следует заметить, что первым **платьем**, которым человек чисто рефлексивно стремится прикрыть свою наготу, являются наши **пальцы**.

Афанасьев также пишет: «Сила околдовывания или заклятия превращает сказочных героев различными зверями (волком, медведем, рысью, конём, собакою, козлом, бараном), чудовищными змеями и гадами (жабою, лягушкой,

и пр.), и во всех этих метаморфозах главное значение принадлежит шкуре животного... По свидетельству народной сказки, царевна-лягушка освобождается от заклятия после сожжения её лягушачьей кожины; точно также предаются огню змеиная сорочка, свиной кожух и другие шкуры, в которые рялятся очарованные царевичи и царевны. На Руси хранится такое предание: красавица, превращённая мачехой ведьмою в рысь, прибегала к своему осиротелому ребёнку, сбрасывала с себя звериную шкуру и кормила его материнской грудью, а накормив – снова оборачивалась рысью и удалялась в дремучий лес; муж красавицы, уловив удобную минуту, схватил звериную шкурку, спалил её на огне и тем самым освободил свою подругу от волшебного очарования...» [Там же. С. 403—404]. Есть все основания соотнести в этом предании мачеху с маской. Пальцевую маску можно «напялить» и спалить («спялить»). Оборотничество не чуждо и эпическим героям.

Учение об оборотнях сохранилось в качестве предрассудка у цивилизованных народов вплоть до сравнительно недавних времён. Русский этнограф **М. Забылин** в своей книге «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» пишет: «Оборотни у Болгар Варколаки или Полтеники, у Малороссов Вовкулаки, в России в некоторых местностях Бука, у греков (υχράγυατοι) вообще возникли со времён язычества, а со времени введения христианства, вступили в область демонологии и сейчас существуют у всех европейских народов самые многочисленные разнообразные сказки об этих баснословных существах» [Забылин, 1992, с. 254—255].

По поводу истоков оборотничества исследователи высказываются далеко не однозначно. Большинство исследователей связывает эти истоки с охотничьей практикой. Так, например, **В.И. Авдеев** в своей книге «Происхождение теат-

ра. Элементы театра в первобытнообщинном строе» пишет: «Постоянно наблюдая, как в процессе охоты и в особенности во время исполнения охотничьей пляски и охотник сам, и его товарищи легко и быстро превращаются в животное, надевая шкуру, и, наоборот, снова становятся людьми, снимая шкуру, охотник приходит к убеждению, что этим путём он может якобы действительно стать животным» [Авдеев, 1959, с. 70]. Сходный взгляд на природу оборотничества высказывает и **Ю.И. Семёнов** [Семёнов, 1966, с. 325]. Следует заметить, что традиционно превращение человека в зверя вызывало ужас. Простой маскировкой объяснить этот факт не удаётся, поскольку маскировка в первобытных обществах традиционна. Со всеми её тонкостями первобытные охотники знакомятся с детства.

В Европе сказания об оборотнях дают наиболее полную картину развития представлений об оборотнях, начиная с древности до новейших времён. В этих сказаниях всячески подчёркивается тот факт, что раны, полученные зверем и человеком, скрывающимся в его образе, оказываются идентичными. Пуля, попавшая в зверя, оказывается в человеке. Следует также заметить, что оборотень всеми силами стремится скрыть полученную рану. Очень красочно поведение оборотня в подобных случаях описано **Н.В. Гоголем** в повести «Майская ночь, или утопленница»: «Привёз сотник молодую жену в новый свой дом. Хороша была молодая жена. Румяна и бела была собою молодая жена; только так страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, её увидевши; и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачеха. Настала ночь; ушёл сотник с молодою женою в свою опочивальню; заперлась и белая панночка в своей светлице. Горько сделалось ей; стала плакать. Глядит: страшная чёрная кошка крадётся к ней; шерсть на ней горит, и железные ког-

ти стучат по полу. В испуге вскочила она на лавку, – кошка за нею. Перепрыгнула на лежанку, – кошка и туда, и вдруг бросилась к ней на шею и душит её. С криком оторвавши от себя, кинула её на пол; опять крадётся страшная кошка. Тоска её взяла. На стене висела отцовская сабля. Схватила её и бряк по полу – лапа с железными когтями отскочила, и кошка с визгом пропала в тёмном углу. Целый день не выходила из светлицы своей молодая жена; на третий день вышла с перевязанною рукой. Угадала бедная панночка, что мачеха её ведьма и что она ей перерубила руку» [Гоголь, 1959, I, с. 62].

В балладе «Волки» *А.К. Толстого* повествуется о волках-оборотнях, которые рыщут по деревне в ночной тьме, пугая селян, наводя на них ужас. Возглавляет оборотней волк белой масти. Развязка сюжета, изложенного в балладе, характерна для повествований такого рода: пули, попавшие в волков, оказались в седовласых старухах, которые скрывались под видом кровожадных хищников [Толстой, 1981, с. 120–121]. Такого рода представления об оборотнях не являются отголоском комедийных действий или охотничьей маскировки. Они скорее свидетельствуют о сознательной борьбе с оборотничеством.

Факт идентичности раны у человека и зверя позволяет с высокой степенью вероятности разобраться в истоках веры в оборотничество. Исследователи выделяют вольных и подневольных оборотней. Для выявления истоков оборотничества особый интерес представляют невольные оборотни. Именно они позволяют выявить объективные причины, вызвавшие к жизни феномен оборотничества.

Следует заметить, что оборотничеством занимались не только взрослые чародеи, цирцеи. Маленькие дети издревле занимались оборотничеством. Особенно отличались на этом поприще «проклятые дети» [Забылин, 1992, с. 255]. Де-

тский вой и оборотничество крайне нервируют взрослых, а также побуждают их принимать самые решительные меры. Меры против оборотней могут быть предприняты самые разные. По этому поводу *М. Забылин* пишет следующее: «В народе говорят так: каждый оборотень, превращённый обаянием колдуна в волка, имеет полное сознание, что он человек, и не пользуется инстинктами животных, кроме одной внешности. При том говорят, что оборотню очень легко вернуть настоящий человеческий вид, если только надеть на него снятый с себя пояс, на котором должны быть сделаны узлы, при навязывании которых, нужно сказать каждый раз: “Господи помилуй”. Говорят будто бы при этом шкура спадёт и перед избавителем явится человек» [Там же. С. 255]. На наш взгляд, столь радикальная мера абсолютно необходима в случае эпилепсии, но совершенно избыточна в подавляющем большинстве случаев. Чтобы прекратить вой малолетнего «вовкулака» часто используется обычный родительский ремень, один вид которого способен устроить маленькое чудовище и вернуть ему человеческий облик.

Забылин не верили в рассказы об оборотнях, в возможность их укрощения. Он писал: «Кому пожелается сделать такой опыт! Это также мудро, как злодея вернуть на путь добродетели» [Там же. С. 255]. Между тем издревле царевичи и крестьянские дети, умные и дурачки не только укрощали, но и катались на белых волках, сивых бирюках, сивках-бурках, а также рассматривали их в качестве незаменимых помощников, консультантов, которые словом и делом обеспечивали решение жизненных проблем. Об этом свидетельствуют не только славянские сказки. Так, например, в хакасском народном эпосе «Албынжи» [Албынжи, 1975, с. 461–532] Ах-Пуур-Белый Волк изображается как постоянный помощник богатыря Албынжи:

*А встаёт Ак-Пуур-Белый Волк перед тобой,
Волк-Богатырь с гривой густой.*

Он вместо коня будет тебе,

Он верным помощником будет тебе [Там же. С. 499]

В примечании к эпосу **А. Петросян** отмечает, что «Ах-Пуур – букв. “белый волк” – традиционный помощник героя, нередко заменяет ему коня» [Там же. С. 556].

В татарской волшебной сказке «Белый волк» герой отправляется на поиски пропавшей матери и встречает тёмный лес. Этот лес охраняет Белый Волк. Продемонстрировав Белому Волку свою деликатность, герой с помощью Белого Волка освобождает свою пропавшую матушку. Не трудно догадаться, что Белый Волк, стоящий на страже томного лица матери, наверняка носил героя на себе, был его предводителем, наставником, тотемным предком. Есть все основания полагать, что грозные «вуки», «буки», которые вскармливают нас, учат нас, носят нас на себе, являются родительскими руками. Именно родительские руки учат нас пользоваться естественными масками, позволяющими манифестировать внутренние состояния.

Существуют объективные причины, которые могут побудить взрослого человека с самыми крепкими нервами быть волком, а также в обличи зверя носиться по селению, пугая население. Широко распространено поверье, что оборотни могут останавливать целые санные поезда и превращать всех в волков. Есть все основания полагать, что именно зверская боль является объективной причиной, которая превращает человека в зверя. Лишний раз убедиться в этом можно, если понаблюдать за посетителями стоматологического кабинета. Многие из них скрывают своё истинное лицо. Бирюки, на которых раскачиваются несчастные в разные стороны, являются своеобразными бирками, в который больной орган за-

ключён как в пробирку (рис. 9, 10). Держась за санки (челюсти), бирюки превращают целые санные поезда в оборотней.

Радикальным средством против оборотней является отнюдь не серебряная пуля, плотно забитая в ружьё, а пломба из пластичного металла и стоматологическое мастерство. Следует заметить, что пломбирование зубов практиковалось задолго до появления пуль, да и ружьём издревле называли нашу наличную собственность, наше естественное вооружение (рус. *ружьё* «наружность, внешность...» [Фасмер, 1971, с. 514]).

Абсолютная тождественность больного места у зверя и человека позволяет использовать сказочных зверей для диагностики. При деликатном обращении со сказочными зверями, с которыми связан животный код, исходные геометрические структуры, можно разобратсья и в горстях, и в горестях страдальцев.

Рис. 9. Оборотень.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 10. Василиса и Волк.
Реконструкция В.А. Воронцова

В работах [Воронцов, 2008а, 2011, 2012б] впервые показано, что соотнесение чудесных животных с руками позволяет на неограниченном по объёму материале доказать, что именно эти тотемные существа научили нас писать, считать, мерить, намереваться, думать, показывать (сказывать). Без них невозможны никакие писанные законы. Не следует удивляться тому, что символами евангелистов являются животные. Так, например, символом святого Луки является крылатый телец (рис. 11).

Рис. 11. Святой Лука и его символ – крылатый телец

Язык жестов, язык животных нашёл детальнейшее отражение в сказках, мифах. Приобщение к языку животных делает героев сказок, мифов пронизательными, мудрыми. Игнорируя изначальное жестовое **Слово, которое было и богом, и у бога**, являлось знаковым и терапевтическим средством, невозможно пролить свет на истоки знаковых систем, на истоки медицинской семиотики, на природу древних заговоров, которые должны были останавливать (заговаривать) кровь и не только. Автор книги «Мифологическая анатомия» **Л.Е. Этинген** упоминает о культуре руки, издревле олицетворявшем спасительные силы. Он также пишет: «В культуре руки, олицетворявшем спасительные силы, использовались различные магические формулы» [Этинген, 2009, с. 188].

Выводы: *с руками – естественными ликами, личинами связаны исходные представления о лихе, лишениях, а также о лечении, лекарстве. Пясти («пасти») рук породили представления о различного рода напастях, о зверской боли, а также о тотемных животных-предках, их языке, знакомство с которым делает человека мудрым, позволяет распознавать и лечить любую болезнь. С руками, тотемными существами связаны и представления о рукотворном универсуме, а также о сказочной стране нашего детства, которую мы осмысливаем изначалью. Руки, жестовая речь породили представление о божествах, о Слове, которое было у Бога, которое было Богом и породило рукотворный универсум. Игнорируя вещественное вещание, рукотворный универсум, сказочные страны, язык сказочных и мифических животных – тотемных предков невозможно пролить свет на смысл древних учений, проливающих свет на истоки медицинской семиотики, топографии, терапии.*

Г л а в а 2

ФАКТОРЫ, ВЫЗВАВШИЕ ПОТРЕБНОСТЬ В ПРОТОМЕДИЦИНЕ, РОЛЬ МАТЕРИНСКОГО ИНСТИНКТА В ЕЁ ЗАРОЖДЕНИИ, А ТАКЖЕ СВЯЗЬ ОСОЗНАННОЙ ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ С ОСНОВНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗА

У сына заболит пальчик, а у матери – сердце.

Русская пословица

2.1. Факторы, вызвавшие потребность в осмысленной заботе о здоровье

По современным представлениям эволюционные пути наших предков и предков ближайших родственников – современных африканских человекообразных обезьян – разошлись где-то в интервале от 8 до 4,5 млн. лет назад. В настоящее время принято выделять следующие основные этапы в эволюции человека: австралопитек – человек умелый – человек прямоходящий – неандертальский человек (палеоантроп) – неантроп (это уже человек современного типа, *Homo sapiens sapiens*). Уже образ жизни австралопитеков радикально отличается от образа жизни обезьян и напоминает образ жизни первобытных людей. Наземный образ жизни позво-

лил им освоить обширные пространства Африки и Азии. Рядом с костями австралопитековых часто находят большое количество раздробленных черепов павианов, расколотых трубчатых костей травоядных животных – видимо, наши далекие предки, чтобы добыть питательный костный мозг, приноровились раскалывать черепа и кости с помощью острых камней, палок и других подручных средств. Задолго до появления каменных орудий они научились не только противостоять крупным хищникам, но и отбивать у них добычу.

Вопрос о том, как миниатюрные существа, лишённые острых клыков и быстрых ног, ухитрились выжить в саванне, полной хищников, уже давно волнует исследователей. Наиболее эффективно данная проблема решается путем использования палки-копалки (копья). Именно эти естественные, а не искусственные орудия были изначально введены в культуру и стали использоваться осмысленно. **Ю.И. Семёнов** в своей книге «Как возникло человечество» с полным основанием пишет: «По мере перехода к наземному образу жизни акты самозащиты с использованием естественных орудий из случайных становятся правилом и, наконец, необходимостью. За палкой, камнем и другими им подобными предметами постепенно закрепляется функция орудий труда, орудий самозащиты. Предлюди уже не могут без них обходиться» [Семёнов, 1966, с. 125].

Лишая приматов традиционного убежища, пламя лесного пожара оставляет после себя огромное количество заостренных и закалённых на огне палок. Приматолог **Э.П. Фридман** пишет: «Любопытно, что при лесных пожарах, когда случайно поджариваются плоды, орехи или дичь, шимпанзе правильно постигают пользу огня и лакомятся “приготовленной” пищей» [Фридман, 1985, с. 175]. Заостренные и закалённые на огне палки могли оказаться очень эффек-

тивными не только при разгребании пепла. Они позволяли преодолеть тот технологический Рубикон, который отличает процесс добывания пищи тасманийцем или австралийцем от добывания пищи обезьяной.

Заостренная палка-копалка (копье) является весьма эффективным средством защиты и нападения. Это грозное оружие способно обеспечить безраздельное господство на суше и на море. Оно сделало своего владельца царём природы уже на самом начальном этапе антропосоциокультурогенеза, задолго до появления каменной индустрии. Вот что пишет по данному поводу известный шведский зоолог, а также знаток образа жизни первобытных племен **Я. Линдبلاد** (1932—1987) в своей книге «Человек – ты, я и первозданный»: «Вплоть до недавнего времени практически все народы первобытной культуры пользовались копьем, – и с каким успехом! Рассказывают, что пигмеи в одиночку убивали слона: бесстрашно и расчетливо они в сумерках леса подбегали сбоку к пасущемуся великану и вонзали ему копье прямо в сердце!» [Линдبلاد, 1991, с. 181]. Против копья не выстоит даже кит. О достижении господства над внешними врагами уже древнейшими предками человека **Б. В. Якушин** в своей книге «Гипотезы о происхождении языка» пишет: «И такого господства первобытный человек достигал. Разве не об этом говорит тот факт, что его становища часто находят не в пещерах, которые могли бы иметь оборонительное значение, а на "открытых" местах – в слоях песчаника, вулканического туфа, в глинистых отложениях на берегах рек. Именно в таких местах были сделаны почти все находки в Восточной и Южной Африке австралопитековых» [Якушин, 1984, с. 113]. Историк медицины **Т.С. Сорокина** пишет: «Археологические исследования последних лет показали, что уже ближайшие предки древнейших людей – австралопите-

ки – наряду с собирательством занимались охотой на мелких и крупных зверей» [Сорокина, 2006, с. 21]. Охотиться на крупных зверей невозможно без эффективного оружия. В этой связи глубоко ошибочны попытки представить первобытного человека неким беспомощным существом и связать истоки его духовности со страхом перед чуждыми ему стихиями. Подобного рода предрассудок глубоко укоренён в науке. Так, например, по мнению известного советского религиоведа **С.А. Токарева**, условие, поддерживающее веру первобытных людей в сверхъестественный мир, «это – бессилие человека: его беспомощность в борьбе с природой при первобытнообщинном строе...» [Токарев, 1986, с. 23]. Историки медицины также глубоко убеждены, что человек первобытно-общинного строя «вначале был совершенно беспомощен перед трудностями борьбы с природой» [История медицины, 1954, с. 29].

Поскольку оружие, которое сделало уже австралопитека царём природы, вовсе не придумано, а введено в культуру, глубоко ошибочны любые попытки связывать истоки антропосоциокультурогенеза с процессом придумывания и изготовления орудий, а также видеть в австралопитеках беззащитных существ. Следует заметить, что долгое время и шимпанзе представляли в образе миролюбивых существ, которым глубоко чужда кровожадность, однако, английский этолог **Д. Гудолл** открыла их хищнические наклонности [Лавик-Гудолл, 1974]. Жертвами шимпанзе, судя по многолетним наблюдениям в Танзании, были 15 видов животных и 9 видов пресмыкающихся. **Гудолл** уличила шимпанзе в каннибализме, в способности похищать даже человеческих детей [Там же. С. 185]. Исследователь отмечает, что мясо очень нравится шимпанзе, поэтому они жуют его долго с огромным наслаждением.

В процессе наблюдения за поведением обезьян (особенно обезьян Старого Света) в социальном контексте становится ясно, что психика этих животных способна инициировать непрерывные конфликты в стаде. Дело в том, что обезьян очень волнуют их положение в социальной иерархии и возможности повышения своего ранга. Для того чтобы способствовать продвижению «вверх» отдельных особей, формируются сложные альянсы и коалиции. В книге «Политика у шимпанзе» [De Wall, 1982] нидерландский приматолог и этолог **Ф. де Валь** показывает, что самыми заядлыми политиками (в прямом смысле этого слова) среди всех животных и людей являются шимпанзе. Шимпанзе-самцы живут в мире непрерывных политических интриг. Они могли бы потрясти самого **Макиавелли** хитростью, предательством и безжалостным стремлением к достижению и сохранению власти. Вспышки массовой жестокости у цивилизованных людей – это возврат к естественной кровожадности и естественному политиканству – из века в век подавляемым, но естественным свойствам наших предков.

Предки человека были не просто агрессивны, вероломны, властолюбивы, но и предельно жестоки даже к представителям своего вида. Проанализировав поведение более чем 50 видов, австрийский этолог **К. Лоренц** (1903—1989) в своей книге «Так называемое зло» [Лоренц, 2008] показал, что у сильно вооружённых видов эволюционный отбор выработал также сильную врождённую мораль – инстинктивный запрет применять все вооружение во внутривидовых стычках, в особенности, если побеждённый демонстрирует покорность. И наоборот, слабо вооружённые виды имеют слабую врождённую мораль, поскольку сильная врождённая мораль таким видам эволюционно ни к чему. Человек – это от природы слабо вооружённый вид. С обретением копья

человек стал самым вооружённым видом на Земле, а врож-
дённая мораль осталась на крайне низком уровне. Это и сде-
лало его предельно жестоким существом, предрасположен-
ным к каннибализму.

Постоянно вооружённый копьём зверь, не имеющий ес-
тественных ограничений на его использование, предельно
опасен для себя и ближайшего окружения. Появление эф-
фективного оружия у обезьян могло иметь самые катастро-
фические последствия для них. **Ю.И. Семёнов** в своей книге
«Как возникло человечество» с полным основанием пишет:
«Предлюди были хищниками, владевшими искусством уби-
вать довольно крупных животных дубинами из дерева, кос-
ти и камня. Несомненно, что эти орудия они должны были
пускать во время драк между собой. Использование дубин
и камней в драках имело следствием серьёзные ранения
и нередко вело к смертельному исходу» [Семёнов, 1966,
с. 132]. Вопреки орудийно-трудовой теории антропосоцио-
генеза, которой **Семенов** полностью доверился, он вынужден
констатировать, что орудийная деятельность способствова-
ла озверению наших предков, вела к расцвету зоологичес-
кого индивидуализма и представляла реальную угрозу их
существованию: «Непрерывные, непрекращающиеся драки
в стаде предлюдей подрывали систему доминирования. Пос-
ледняя не столько существовала в стае предлюдей, сколько
ломалась, нарушалась, перестраивалась. Зоологический ин-
дивидуализм в стаде предлюдей достиг своего наивысшего
развития и подрывал сам себя, ибо в большей и большей
степени становился угрозой самому существованию пред-
людей» [Там же. С. 133]. Историк медицины **А.М. Сточик**
также считает, что обуздание зоологического индивиду-
ализма «имело едва ли не решающее значение для коллектива
формирующихся людей» [Сточик, 1991, с. 5].

Вопреки заверениям *М.И. Семёнова*, зоологический индивидуализм не мог подорвать себя сам. Подорвать его мог только зоологический альтруизм, который был введён в культуру и породил сознательную заботу о чужом здоровье. Сознательная забота о здоровье вызвала к жизни антропосоциокультурогенез, истоки которого коренятся не в способности производить оружие, а *в способности не использовать естественное и искусственное вооружение при дележе пищи, самок, во время игр, выяснении отношений*. Эту способность, без которой немислимо даже сообщество каннибалов, могли ввести в культуру только существа, которые от природы склонны делиться, сочувствовать, сострадать, воспитывать. Такими существами у приматов являются матери.

2.2. Роль материнского инстинкта в зарождении медицины

Рассматривая в качестве главной движущей силы антропосоциокультурогенеза родительский инстинкт, родительскую заботу, следует соблюдать принцип историзма и не преувеличивать роль отцовского чувства, отцовских рук в становлении медицины и других феноменов антропосоциокультурогенеза. Глубоко права американский антрополог *Маргарет Мид* (1901—1978), которая в своей работе «Отцовство у человека – социальное изобретение» пишет: «Мужчинам нужно прививать желание обеспечивать других, и это поведение, будучи результатом научения, а не врождённым, остаётся весьма хрупким и может довольно легко исчезнуть при социальных условиях, которые не способствуют его сохранению. Женщины же, можно сказать, по самой своей природе являются матерями, разве что их

специально будут учить отрицанию своих детородных качеств» [Мид, 1991, с. 283]. Отцовство очень позднее женское изобретение. Авторитетный историк медицины **А.М. Сточик** с полным основанием пишет: «Элементы промискуитета долго сохранялись в обычаях практически всех народов в форме религиозных праздников, законов гостеприимства и даже в брачных отношениях» [Сточик, 1991, с. 9–10]. Есть основание полагать, что в основе основных феноменов антропосоциокультурогенеза, включая медицину, лежит чувство матери, которое побуждает её приобщать младенцев к профилактике травматизма, а также вводить в культуру гигиену, лечение. Окультуривая младенцев, матери формируют человеческое общество.

Исследователи уже давно заметили, что многие особенности воспроизводства нашего вида становятся понятными, если вспомнить об особенностях образа жизни наших далёких предков. Жизнь на деревьях – это такой способ существования, при котором сокращение числа одновременно рождаемых детёнышей повышает приспособленность к воспроизведению вида. Вот, что пишет по этому поводу **Дж. Харрисон** с соавторами в книге «Биология человека»: «Забота о новорожденных представляет особые трудности для животных, постоянно обитающих на деревьях. Поэтому можно думать, чем меньше численность потомства, тем больше шансов его вырастить. У всех приматов существует явная тенденция производить на свет одновременно не более двух или трех потомков, а у многих рождается только один» [Харрисон, 1979, с. 51]. Трудности сохранения детёнышей на деревьях приводят к тому, что только заботливые и предусмотрительные матери имеют шансы сохранить потомство, однако бесконечно более сложные проблемы возникли у предков человека, которые лишились традиционно-

го убежища, традиционной пищи. Родительский инстинкт в этих условиях должен был спровоцировать качественный скачок в заботе о потомстве.

К.Д. Ушинский в своём труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» пишет: «Что же касается до отличия инстинктивной материнской любви, общей всему живущему, от материнской любви женщины, то это различие заключается в том, что тогда как инстинктивная любовь прекращается... материнская, чисто человеческая любовь не знает себе предела» [Ушинский, 2001, с. 139]. Причины, вызвавшие к жизни этот Абсолют материнской любви, Абсолют духовности, не следует отождествлять с движущей силой антропосоциокультурогенеза, поскольку они разнонаправлены. Хотя сила действия всегда равна силе противодействия, однако канавы, ямы трудно спутать с двигателем автомобиля. Между тем факторы, которые способствуют исчезновению вида с лица земли, очень часто рассматриваются в качестве движущей силы, обеспечивающей прогресс этого вида, а о родительском инстинкте, борьбе за жизнь, медицине исследователи часто забывают.

Надо сказать, что не только материнская любовь, но и формы её проявления эволюционировали в ходе антропосоциокультурогенеза. Воспитание сливает социогенез, культурогенез и морфогенез в неразрывное целое. В воспроизводстве естественного социума, состоящего из кормящей матери и ребёнка, огромную роль играет не только материнское чувство, но и материнская телесность. В настоящее время в учениях об эволюции всё шире используется термин *коэволюция*, служащий для обозначения механизма взаимообусловленных изменений элементов, составляющих развивающуюся целостную систему. Возникнув в биологии, понятие *коэволюция* постепенно приобретает статус общенаучной

категории. В широком смысле термином *коэволюция* обозначается совокупная, взаимно адаптивная изменчивость частей в рамках любых биосистем (от молекулярного и клеточного вплоть до уровня биосферы в целом). Примером таких отношений служат, например, взаимные изменения видов-партнеров в экосистемах «паразит-хозяин», «мать-дитя» и т. д. В ходе общения с ребёнком мать вынуждена адаптироваться к потребностям своего чада, а также адаптировать их к своим потребностям. Это даёт основание выбрать естественный социум (мать-дитя или паразит-хозяин) в качестве исходной экосистемы при рассмотрении антропосоциокультурогенеза. В рамках этой системы формируются и реализуются потенции Абсолюта материнской любви.

Гармонизация отношений в экосистеме «мать-дитя, паразит-хозяин», сформированной материнским инстинктом, в решающей степени обеспечивается не только путём адаптации органов матери к уходу за ребёнком, но и надлежащим воспитанием ребёнка, эффективность которого во многом зависит от уровня развития средств общения. Если до недавнего времени биологическая и культурная эволюции считались разделёнными во времени (культурная эволюция касается верхнего слоя стратифицированной конституции человека и началась тогда, когда закончилась биологическая эволюция), то в последние десятилетия начало осознаваться взаимодействие между биологической и культурной эволюцией. Генно-культурная коэволюция является сложным взаимодействием, в котором культура генерируется и оформляется биологическими императивами, в то время как одновременно в генетической эволюции в ответ на культурные нововведения изменяются биологические свойства.

Регулярное использование заострённой палки смертельно не только для её владельца, но и для ближайшего окру-

жения. Особую опасность острые палки представляют для младенцев, которые склонны использовать их без всякого разума во время игры, ссор. Это актуализирует воспитательный процесс, нацеленный на профилактику травматизма, на культивирование сочувствия, сострадания, сознания, человечности. Материнский инстинкт должен был совершить революцию в формах своей реализации и перейти к осмысленной заботе о здоровье детей, к культивированию человеческих начал в общежитии, чтобы обезопасить малышей от стихийного использования столь опасного орудия. Именно эта революция вызвала переход от коэволюции к скачку в развитии наших предков и инициировала антропо-социокультурогенез.

Воспитание человека радикально отличается от воспитания животных. Животные побуждают своих детёнышей во время игры, демонстративного поведения пускать в ход зубы, когти, копыта, рога по всякому поводу и без повода. Дети животных оттачивают свои навыки владения оружием на своих близких: родителях, братьях, сестрах. Естественное вооружение используется животными во время ссор, при дележе добычи, самок, определении социального статуса. Совсем не сложно представить, чем закончится подобное воспитание, если животные попытаются ввести в культуру палку-копалку (копье). Пострадает при её освоении отнюдь не палка. Есть все основания полагать, что вовсе не забота о механических орудиях, которые **абсолютно** безучастны к человеческим проблемам и провоцируют кровопролитие, побудила матерей разработать способы культивирования людей, культурного социума (общества), **в котором запрещено свободное использование естественного и искусственного вооружения**. Есть все основания полагать, что уже первые антропоиды, которые регулярно использовали

палки-копалки (копья), были вынуждены культивировать альтруизм и располагали весьма эффективной знаковой системой. Факты подтверждают мысль о том, что антропосоциокультурогенез носил не эволюционный, а скачкообразный, революционный характер.

Стадо поголовно вооружённых копьями антропоидов, ведущее полуголодное существование, нуждается в воспитательном процессе предельно высокого уровня. Ведущий российский специалист по педагогической антропологии **Б.М. Бим-Бад** пишет: «В первобытно-родовых культурах ещё в доисторические времена, как свидетельствуют археология и этнография, возникло строгое образование» [Бим-Бад, 1998, с. 198]. Нигилисты и безбожники, воспроизводящие нигилистов и безбожников в сытых обществах, не используют и соотой части воспитательных приёмов, которые практикуются в архаичных социумах. Исторический опыт свидетельствует, что культ свободы, профанация воспитательного процесса, кризис моральных устоев, возврат к политиканству являются грозными предвестниками заката цивилизации. **Бим-Бад** по этому поводу пишет следующее: «Или воспитание решит величайшую по значимости задачу – помочь человеку в становлении сознания служения высшим целям и долга перед человечеством, или мир погибнет в позорных и грязных муках» [Там же. С. 249].

Творец современной классификации растений и животных **К. Линней** (1707—1778) с полным основанием включил человека в систему животного царства. Все люди были причислены к одному роду с видовым названием *Homo sapiens nasee te ipsum* (человек разумный, познай себя самого). Судя по названию, **Линней** прекрасно знал о спорах, которые испокон веков ведутся по поводу сущности человека. Затрудняясь выделить родовой признак Человека, он лишь

подчеркнул необходимость человечеству решить данную проблему и дать себе название. Без серьёзных оснований усечённая форма этого пожелания стала видовым названием человека – *Homo sapiens*. Следует заметить, что люди традиционно считают не блещущих интеллектом бессловесных существ братьями меньшими. Между тем далеко не все двуногие приматы, обладающие научными званиями, развитой речью, способностью производить и использовать высокоэффективное оружие, терпимы в человеческом обществе. Среди осуждённых Хабаровским и Токийским трибуналами японских военных преступников были видные учёные. Чтобы осуждать преступления против человечности, общество вынуждено рассматривать подобного рода субъектов как **нелюдей**, а представителей своего вида – как **Номо gumanus**. Ужасы прошедшего века, экологический кризис подорвали у многих людей пиетет перед разумом, орудийной деятельностью и побудили искать принципиально иные потенции человека, способные уберечь его от самоуничтожения.

Как показали недавние исследования [Lovejoy, 2009], на путь «общественного договора» и сознания долга вступили еще ардипитеки. Ардипитек (*Ardipithecus ramidus*) – один из самых ранних австралопитеков, который жил в раннем плиоцене примерно 5,8 — 4,4 млн. лет назад. Ардипитек имеет много общего с африканскими обезьянами, шимпанзе и гориллами, однако у самцов этого вида клыки не крупнее, чем у самок, а значит, они взаимодействовали друг с другом менее агрессивно, чем, например, современные шимпанзе, то есть имели какие-то иные способы решения социальных проблем. Далее в линии, ведущей к человеку, клыки уменьшаются еще более. Очевидно, что «общественный договор», предотвращавший разного рода конфликты в социуме, был

невозможен без совершенных знаковых систем, эффективного воспитательного процесса.

В начале 1980-х гг. в кенийском местонахождении Чесованья (Чесованджа, Chesowanja) в слое, надежно датированном возрастом в 1,4 млн. л. н., наряду с огромным количеством (1000 — 1500) орудий, были раскопаны десятки кусков обожженной глины вперемешку с костями охотничьей добычи. Исследование показало, что глина подвергалась термическому воздействию в 400°C, что соответствует средней температуре обычного костра [Хрисанфова, Мажуга, 1985, с. 62; 2, с. 5; 3]. Ввести в культуру огонь невозможно без эффективных форм знакового общения, высокой дисциплины, поскольку простое поддержание огня при отсутствии пил, металлических топоров и богатого древостоя является весьма трудоёмким процессом.

Воспитательный процесс позволил нашим предкам не только выжить, но и продемонстрировать высокий уровень духовной культуры. Известный австрийский психолог, психиатр и невролог **З. Фрейд** (1856—1939) в своей работе «Мы и смерть» писал: «После успешного завершения свирепствующей ныне мировой войны победоносные немецкие солдаты поспешат домой к жёнам и детям, и их не будет удерживать и тревожить мысль о врагах, которых они убили в рукопашном бою или дальнобойным оружием. Но дикарь-победитель, возвращающийся домой с тропы войны, не может вступить в своё селение и увидеть жену, пока не искупит совершённых им на войне убийств покаянием, подчас долгим и трудным» [Фрейд, 1994, с. 20]. Традиционная культура побуждает замаливать не только убийство врага. Даже поломка сучка или порубка живого дерева в традиционных обществах считается большим грехом и требует добровольного покаяния и искупления.

Цивилизация огрубляет человеческие чувства. Известный российский этнограф **В.И. Иохельсон** (1855—1937), которому довелось изучать культуру юкагиров, считавшуюся самой архаичной на территории Российской империи, писал: «Надо действительно удивляться стыдливости примитивного племени, семейная и общественная жизнь которого ещё протекала в условиях каменного века. От столкновения именно с более культурными народностями, якутами и русскими, стыдливость понизилась у юкагиров. Якут не знает стыда, говорят юкагиры. Древние же юкагиры, говорят последние в своих преданиях, помирали со стыда» [Иохельсон, 1900, с. XIII]. Ни русские, ни якуты не смогли приобщить юкагиров к разбою, развить у них вкус к разбойным песням, богохульству и т. д.

Против плоского эволюционизма в культурогенезе выступал ещё американский лингвист, этнограф, основоположник современной антропологии **Ф. Боас** (1858—1942). В своей книге «Ум первобытного человека» он писал: «Одна из существенных черт этой теории заключается в том, что вообще цивилизация развивалась путём перехода от простых форм к сложным, и что обширные сферы человеческой культуры развивались под влиянием более или менее рационалистических импульсов. В последние годы мы начинаем признавать, что человеческая культура не всегда развивается путём перехода от простого к сложному, но что по отношению ко многим сторонам перекрещиваются две тенденции, – одна к развитию от сложного к простому, другая – к развитию от простого к сложному.

Всего легче, быть может, прояснить это примером языка, представляющего во многих отношениях одно из важнейших свидетельств истории человеческого развития. Первобытные языки, в общем, сложны. Мелкие различия в точке

зрения выражаются посредством грамматических форм; и грамматические категории латинского, а тем более современного английского языка, кажутся невыработанными по сравнению со сложностью психологических или логических форм первобытных языков, — форм, совершенно неизвестных нашей речи» [Боас, 1926, с. 108].

2.3. Роль протомедицины в антропосоциокультурогенезе

Забота о естественной орудийной системе, врачевание в большей мере способствуют развитию интеллекта, форм общения, чем обтёсывание камня. Игнорируя этот факт, можно сколь угодно заблуждаться по поводу истоков языка, интеллекта. ***В настоящее время твёрдо установлено, что тип каменных орудий не имеет жесткой связи с эволюционным процессом.*** Так, например, олдувайские орудия делали и Homo habilis, и Homo ergaster и Homo erectus. Более того, есть основания считать, что «их творцами были австралопитеки» [Шер, Вишняцкий, Блендова, 2004, с. 51]. ***Не связана фабрикация каменных орудий и с началом гоминизации челюстной системы, с переходом к бипедии (прямохождению) и т. д.***

Против механицизма, плоского эволюционизма свидетельствуют факты, связанные с характером первых орудий, с помощью которых были изготовлены первые искусственные орудия. Лесные пожары случаются не часто, что побудило наших предков к искусственному воспроизведению заостренных палок-копалок и других изделий посредством своих естественных резцов, зубил, стамесок. ***Я. Линдبلاد*** в своей книге «Человек – ты, я и первозданный» свидетельствует, что современные индейцы окурило своими зубами

«очищают сучья от коры, обрабатывают заготовки для топищ» [Линдблад, 1991, с. 181].

Пренебрежительное отношение к подлинным человеческим зубилам сыграло презлую шутку над антропологами. В 1953 году произошло событие, которое нанесло сокрушительный удар по профессиональной репутации ведущих антропологов. Выводы трех независимых экспертиз, опубликованные Британским музеем, неоспоримо свидетельствовали о том, что некий злоумышленник подбросил обезьянью челюсть с подпиленными зубами в раскоп, а доверчивые антропологи умудрились скомпоновать её с черепом современного человека, который, по всей видимости, также был подброшен в данный раскоп злоумышленником. На протяжении 40 лет эта химера, названная по месту находки пилтдаунский человек, всерьёз воспринималась антропологами. Практически каждая книга, посвященная происхождению человека, содержала раздел о пилтдаунском человеке. Раскоп в Пилтдауне был объявлен «национальным монументом» Британии.

Разоблачение подделки вызвало громкий общественный скандал. Надо сказать, что третировать антропологов как абсолютных игнорантов в науке начали не депутаты и не пресса. За несколько лет до разразившегося скандала дантист **Т. Марстон** развернул кампанию по дискредитации пилтдаунской подделки. Представитель самой мудрой науки прекрасно разбирался в исходных человеческих зубилах, рубилах, резцах, ножовках и т. д. Статьи **Марстона** практически стали началом очищения антропологии от мёртвого археологического хлама, который часто фигурирует в качестве подлинных человеческих снастей, ценностей, древностей.

Скандал с пилтдаунской подделкой побудил антропологов обратить самое серьёзное внимание на подлинные

человеческие снасти, на подлинные человеческие ценности. В современной антропологии огромным авторитетом пользуется «Антропологическая одонтология», называемая также «Dental anthronology» – зубная антропология. Трудно переоценить ту роль, которую играет эта наука при анализе палеонтологических находок, во внутриродовой систематике рода *Номо*, а также в выявлении взаимоотношений таксонов в пределах семейства гоминид. Так, например, долгое время многие исследователи не признавали австралопитеков гоминидами. В 50-е годы глава английских анатомов **Ле Гро Кларк** решил раз и навсегда решить данную проблему. Он составил список, содержащий одиннадцать явных и постоянных отличий зубной системы человека и человекообразных обезьян. Проанализировав костные останки австралопитеков, **Кларк** установил, что их челюстные системы сближают их с человеком, а отнюдь не с обезьянами. Так сугубо биологические критерии позволили навсегда перечеркнуть сомнения в том, что австралопитеки были именно гоминидами, а не некой разновидностью прямоходящей обезьяны.

Судить о прогрессе и регрессе антропоидов по их челюстям есть много оснований. Дело в том, что челюстно-лицевые органы непосредственно связаны с нашей черепной коробкой. Отношение между объемом головы и объемом тела у человека и гориллы примерно одинаково, поэтому больший объём черепной коробки у человека является следствием миниатюризации его челюстно-лицевых органов. Миниатюрная, подвижная, с рядами ровных зубов челюстно-лицевая система человека позволяет развивать огромные перекусывающие усилия, и легко перегрызать грубые волокнистые материалы. Гипертрофию челюстно-лицевых органов антропологи не без основания рассматривают как

дегенеративный признак. Также не без основания они связывают начальный этап в эволюции человека именно с гоминонизацией челюстно-лицевых органов.

Уже у рамапитека челюсти отличаются от типично обезьяньей челюсти дриопитека укороченностью зубной дуги, имевшей, как полагают параболическую, а не П-образную форму. Уменьшенные клыки не выступают из зубных рядов. Отсутствуют диастемы – промежутки в зубном ряду для захождения крупных клыков. Причины для столь радикальной перестройки челюстной системы до сих пор являются загадкой для исследователей, игнорирующих производственные функции наших естественных органов.

В работе «Название цен в разносистемных языках» [Воронцов, 1990, с. 94—96] впервые показано, что преувеличивать естественный характер нашей наличной собственности нет серьёзных оснований. Челюстно-лицевые органы обезьяны способны породить массу проблем при переходе к потреблению грубого подножного корма. Особые проблемы должны были возникнуть у детей. Перегрызать волокна им мешали не только выступающие клыки, но и смена зубов. Подобного рода проблемы не могли не породить заботу матерей о наружности (орудийности) своих чад. Именно матери были вынуждены, **переживая** за детей, **пережёвывать** грубый подножный корм. Всё это способствовало выработке широчайшего комплекса представлений о вкусе, прикусе, наружности (орудийности), красоте. Уже очень давно опытные мамы с помощью нехитрых технологий научились радикально влиять на форму черепа, челюстно-лицевых органов младенцев. Такая практика позволяет устранить неприемлемый оскал (волчье лицо), добиться прикуса, минимизирующего нагрузки на зубы. Именно древние обычаи менять по своему усмотрению с помощью тугих повязок,

вкладышей наружность побудила современных стоматологов развивать соответствующую технику.

В работе автора «К вопросу обоснования и исследования палеопсихологии [Воронцов, 1994, с. 37—48] впервые показано, что именно забота о детях побудила матерей ввести в культуру наружность, разработать критерии красоты, которые, начав регулировать половую активность, вывели процесс эволюции из-под контроля естественного отбора. В этой связи глубоко ошибочны попытки рассматривать эволюцию челюстно-лицевых органов человека, игнорируя родительский инстинкт, родительскую заботу о наружности детей. Такие древние обычаи, как трансформация челюстей, выбивание, подпиливание резцов, клыков при инициации могут получить разумное объяснение в свете этих фактов.

У исследователей отсутствует единство взглядов на причины, которые вызвали к жизни у наших предков бипедию, редукцию волосяного покрова, гоминизацию челюстно-лицевых органов. Большинство исследователей именно бипедию связывают с истоками антропогенеза. Осмысление этих истоков породило массу гипотез, а также острую полемику между исследователями. Ориентируясь на одну из гипотез, историк медицины **Т.С. Сорокина** пишет: «Прямохождение формировалось у австралопитеков в результате приспособления к жизни в открытой местности. Позднее оно создало предпосылки для развития трудовой деятельности и, таким образом, явилось решающим признаком гоминид» [Сорокина, с. 19]. Серьёзность данной гипотезы ставит под сомнение то обстоятельство, что в открытой местности обитает великое множество четвероногих существ, которые даже не предпринимают попыток освоить бипедию.

При анализе истоков бипедии следует учитывать ряд обстоятельств, который до сих пор не попал в поле зрения

исследователей. «Когда у обезьяны рождается детёныш, он рефлекторно сжимает всеми четырьмя конечностями шерсть на теле матери и повисает под её грудью, спиной книзу. В таком состоянии детёныш остаётся и тогда, когда спит, и тогда, когда бодрствует» [Выготский, 1983, с. 272]. В работе «О природе вещей и педагогической археологии» нами показано, что «перемещение на четырёх конечностях с зажатой в руке острой палкой требует крайней предусмотрительности и очень быстро приводит к трагическим последствиям. Больше всего на начальном этапе освоения заострённой палки-копалки страдали малыши, висевшие под грудными клетками матерей, держась за густую шерсть» [Воронцов, 2009, с. 35]. Забота о детях должна была стимулировать прямохождение, которое должно было войти в культуру уже при первых попытках освоить заострённую палку. Переход к прямохождению произошёл за миллионы лет до появления каменной индустрии. По вполне объяснимым причинам этот переход носил не эволюционный, а революционный характер.

Острой палкой, взятой по мышку, можно заколоть младенца, даже если он висит за спиной. Естественно, что и более короткошерстные мамы имели больше шансов вырастить потомство. Это не могло не привести к редукции волосяного покрова. Таким образом, даже такие тайны антропогенеза, как гоминизация челюстной системы, редукция волосяного покрова, бипедия можно успешно освещать в рамках экосистемы «мать-дитя», сформированной материнским инстинктом.

Надо сказать, что заостренная палка отнюдь не исключает специализации пользователей. Она может использоваться хищниками, растительоядными и всеядными существами при выкапывании корней, добывании плодов, рыбы,

дичи. Нет ничего удивительного в том, что различия в питании и среде обитания были обнаружены уже у ранних австралопитеков.

В современной литературе высказываются самые различные взгляды на природу сознания, самосознания, а также о времени их становления. Так, например, известный советский философ **А.Г. Спиркин** (1918—2004) в книге «Сознание и самосознание» пишет, что «элементарного уровня самосознания» наши предки достигают лишь на стадии родовой общины. «У родового человека, – говорит он, – самосознание находилось в зародыше и развернулось в действительное самосознание в период формирования классового общества» [Спиркин, 1972, с. 168].

Более аргументированы взгляды авторитетного психолога **И.С. Кона** (1928—2011), который полагает, что «определённая степень самосознания присуща уже животным». В своей книге «В поисках себя: Личность и её самосознание» он пишет: «Высшие животные легко усваивают собственные имена, а шимпанзе, обученные языку глухонемых, могут даже говорить о себе в первом лице, используя знак “я” и в какой-то мере описывать свои эмоциональные состояния. Хотя это – результат обучения, многие учёные считают, что можно говорить о наличии у приматов зачатков или элементов самосознания» [Кон, 1984, с. 29].

Прежде чем говорить о сознании и языке приматов, включая человека, следует вспомнить о характере их познаний. Ситуативное знание как содержание стихийно складывающегося опыта свойственно всем приматам. Ситуативное знание – это исходное стихийно складывающееся знание, основанное на участии примата в различных ситуациях, которые укладываются в памяти в типичные или обобщённые ситуации.

Склонность животных общаться в рамках складывающейся ситуации позволяет им обходиться минимальным количеством знаков. **Б.В. Якушин** в своей книге «Гипотезы о происхождении языка» пишет: «Острая необходимость в развитой знаковой системе могла возникнуть лишь в том случае, когда потребовалось сообщить нечто о ситуации, которой не было в наличии, т. е. в условиях воображаемой ситуации» [Якушин, 1984, с. 124]. **Якушин** глубоко прав, полагая, что освоить орудийную деятельность наши далёкие предки могли молча. Гораздо сложнее приобщить детей к осознанию процессов, ситуаций, которых не должно быть в их жизни. Культивировать профилактику травматизма, заболеваний возможно только при использовании знаковых систем, обеспечивающих моделирование широчайшего спектра опасных, губительных ситуаций. Теоретическое знание, знакомство с техникой безопасности при освоении смертельно опасных орудий должно предшествовать практике. Это хорошо известно и врачам, и производственникам.

Человеческое сознание невозможно также без осмысления бесконечно сложной говорящей, самодвижущейся, страдающей, гибнущей системы органов, снастей, ценностей. Забота о человеческих органах привела к появлению не только развитой техники безопасности, но и знаковой системы, способной отразить ценнейший и сложнейший объект, а также обезопасить его. В своей книге **Якушин** также отмечает: «Вопрос о совершенстве языка малокультурных народов остаётся до сих пор одним из самых таинственных. Здесь едва ли можно говорить о вырождении таких племён, об упрощении форм их поведения и культуры при сохранении богатства языка» [Там же. С. 35].

Предлагаемый нами взгляд на социогенез позволяет более конкретно говорить о сознании и самосознании наших

предков. Прямохождение австралопитеков, их способность выжить в условиях саванны, кишасей хищниками, весьма сильный аргумент в пользу того, что они ввели в культуру копьё. Это возможно только при высоком уровне сознания и самосознания, а также при наличии эффективных моделирующих знаковых систем. «Особенно важно для нашей темы, что на эндокранах австралопитеков (*A. africanus*) намечаются выпуклости в некоторых из тех областей, где у людей находятся основные речевые центры» [Tobias, 1998, p. 74]. Интересное возражение, против мнения, что будто язык сложился лишь с переходом к верхнему палеолиту, выдвинут приматологом **С. Сэвидж-Рэмбо**. По её мнению, постулат, что орудийная деятельность предшествует языку, трудно совместим с тем фактом, что дети начинают говорить раньше, чем конструировать простейшие орудия [Savage-Rumbaugh, 1994, p. 15].

Занятые копалкой и младенцем руки крайне затрудняют транспортировку собранной пищи. Решить данную проблему может только коллективное воспитание. Коллективное воспитание, а не обработка камня, породило разделение труда, специализацию, а также коллективное потребление. Коллективы матерей существуют и у современных шимпанзе. Авторы книги «Биология человека» по поводу различных группировок у шимпанзе пишут: «Функционально эти группы можно дифференцировать следующим образом. Группы взрослых самцов обычно очень подвижны, создают много шума и стремятся первыми обнаружить в лесу источники пищи. Группы матерей, напротив, относительно инертны, стараются не создавать шума и обычно остаются на одном месте, переход на новую стоянку, которую они выбирают, ориентируясь по крикам других животных, совершается быстро и почти бесшумно» [Харрисон, Уайнер, Теннер и др.,

1979, с. 115—116]. Именно на основе таких групп матерей и таких стоянок должны были возникнуть первые материнские коммуны, обеспечившие пропаганду родительского чувства, альтруизма, сознательной заботы о здоровье, что придало процессу воспитания принципиально иной характер. Самцы, становясь взрослыми, не теряли духовных качеств, навыков общения, полученных в материнских коммунах. Способность договариваться, техника безопасности уберегали их от самоистребления.

Коллективное воспитание детей способствует укреплению кровнородственных связей. Дело в том, что матери чисто психологически легче оставить ребёнка на попечении своей матери, сестры, дочери. В традиционных обществах ребёнок в 6 — 7 лет часто сам становится воспитателем младших сестёр и братьев в социуме. Всё это стимулирует развитие и укоренение навыков социализации и инкультурации, а также эффективных форм общения.

Исследователей уже давно волнует проблема обуздания полового инстинкта, без решения которой становление человеческого общества весьма и весьма проблематично. Так, например, **Ю.И. Семёнов** в своей книге «Как возникло человечество» с полным основанием указывает на него «как на самый антиобщественный и разрушительный из всех животных инстинктов, ограничение и подавление которого является необходимым условием существования общества» [Семёнов, 1966, с. 282–283].

Необходимо отметить, что подавление полового инстинкта является предпосылкой возникновения не только культурных, но и естественных социумов. Так, например, пчелиная матка держит в повиновении всю свою огромную семью с помощью особого вещества, способного нейтрализовать половой инстинкт у рабочих пчёл. Если матку изолировать

от рабочих пчёл, то «они, не получая приказов матки, освобождаются от её деспотизма и сами начинают откладывать яйца, из которых вырастают трутни» [Сергеев, 1995, с. 179]. Нет ничего удивительного в том, что сочинения на тему первобытного общества традиционно содержат разделы, в которых приводятся занятные истории о том, как первые коллективы наших далеких предков научились посредством морали контролировать половой подбор. В возможность проверки этих историй не верят сами авторы этих историй. Предлагаемый взгляд на антропосоциокультурогенез позволяет решать эту проблему, привлекая факты. Вот, например, что пишет по поводу половой активности мамаш у народов первобытной культуры **Я. Линдبلاد** в своей книге «Человек – ты, я и первозданный»: «У племени кунг выявлен важный фактор, сдерживающий сексуальную активность: женщина дает ребёнку грудь, приостанавливая тем самым овуляцию, долго после того, как кончилось молоко. Сознательно или бессознательно – это избавляет её от дополнительных тягот. Она не может одновременно ухаживать за двумя детьми, не может, таская за собой двух малюток, собирать растительную пищу и выполнять прочие обязанности. Будь она непрестанно заманчивым сексуальным партнёром, ей был бы обеспечен гораздо более высокий социальный статус» [Линдبلاد, 1991, с. 175]. Таким образом, родительский инстинкт способен поставить под контроль половой инстинкт.

Во многих языках слова *род*, *племя*, *пол* являются синонимами. Так, например, в арабском языке *جنس* `род`, `племя`, `народность`, `пол` и т. д. [АТРС, 1965, с. 765]. Это подтверждает мысль о том, что издревле роды формировались по признаку пола. Наличие представителей двух полов в стаде способно пролить свет на истоки дуальной организации родов, на природу амазонок. При этом существует реальная

возможность отстроиться от множества спекуляций по данной проблеме, которые не имеют фактической основы.

Коллективное воспитание позволяет не только выявлять детей с явными психическими отклонениями, но и стимулирует их отсев. Матери, боясь за своих чад, всегда найдут повод и средство избавить общество от психопата. Дети видят отношение взрослых к подобного рода субъектам, что, безусловно, способствует их самоконтролю и росту самосознания.

Выводы: адаптация к наземному обитанию предков человека потребовала введения в культуру эффективных средств защиты и добывания пищи. В качестве такого средства могла быть использована палка-копалка (копье), которая позволила преодолеть технологический Рубикон, отделяющий способы добывания пищи обезьяной и человеком. Отсутствие инстинкта, ограничивающего применение копья, могло самым негативным образом сказаться на выживаемости вида, который начал систематически использовать столь опасное оружие. Особую опасность острая палка представляет для маленьких детей, которые склонны использовать её без всякого разума. Материнский инстинкт побудил матерей ввести в культуру заботу о здоровье. Эта культура неразрывно связана культивированием человека, общества и лежит в основе антропосоциокультурогенеза. Таким образом, материнский инстинкт, воспитательный процесс, а не навыки фабрикации механических орудий, породили сознательную заботу о здоровье, лежащую в основе антропосоциокультурогенеза.

Г л а в а 3

ИСХОДНЫЙ ЯЗЫК МЕДИЦИНЫ И ЕГО РОЛЬ В АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ

Боль без языка, а сказывается.

Русская пословица

3.1. Анализ учений о глоттогенезе (становлении языка)

Огромную роль в становлении медицины сыграл язык, позволивший ввести в культуру профилактику травматизма, передавать по наследству опыт врачевания, культивировать человечность, поэтому крайне актуально для истории медицины произвести реконструкцию этого языка, установить время, когда он возник, а также причины, вызвавшие его к жизни. Истоками языка занимаются философы, антропологи, психологи, лингвисты, этнологи, этологи, педагоги, однако актуальное приобщение человека к языку оказывается зачастую вне поля зрения этих исследователей. Известный советский археолог и палеопсихолог **Б.Ф. Поринев** в своей книге «О начале человеческой истории» с полным основанием пишет: «Возникновение человеческой речи – одновременно и “вечная проблема” науки, и проблема, всегда остававшаяся в стороне от науки: на базе лингвистики, пси-

хологии, археологии, этнографии, тем более спекулятивных рассуждений или догадок, даже не намечалось основательного подступа к этой задаче» [Поршнев, 1974, с. 124]. С этим трудно не согласиться.

Известно, что именно в рамках медицины было выработано такое понятие, как семиотика, однако при изучении истоков знакового общения принято игнорировать самую древнюю науку. Традиционно игнорируется и тот факт, что именно медицина, а не обработка камня нуждается в обозначении и описании всего, что воздействует или способно воздействовать на человека. Это самым негативным образом сказывается на обоснованности высказываемых гипотез относительно глоттогенеза. Широко известны следующие гипотезы о происхождении языка гоминид:

- 1) гипотеза божественного происхождения языка;
- 2) гипотеза ручных жестов;
- 3) гипотеза людей-изобретателей языка;
- 4) гипотеза случайного изобретения языка;
- 5) гипотеза жизненных шумов;
- 6) гипотеза звукоподражания;
- 7) гипотеза аффекта

[Дерягина, 1999, с. 180-181].

Обоснованность подобной классификации не может выдержать серьёзную критику. Так, например, её создатели не приняли во внимание тот факт, что гипотеза о примате языка жестов может не конкурировать с целым рядом указанных гипотез, а конкретизировать их. Так, например, она делает более убедительными гипотезы аффекта или случайного, непреднамеренного изобретения языка, поскольку рефлексорные жесты обладают большой выразительностью, содержательностью, архаичностью и непреднамереннос-

тью. Не противоречит она и гипотезе божественного происхождения языка, поскольку именно жесты рук породили представление о божествах, творцах, подателях всех благ. Опровергать божественное, сверхъестественное происхождение языка, а также высказывать альтернативные взгляды, можно только имея твердые представления о природе богов, сверхъестественного, чудесного. Сверхприбыль – прибыль, сверхразум – разум, **сверхъестественное – естественно**. Трактовка сверхъестественного как неестественного позволяет весьма вольно оперировать такими понятиями как «чудо», «божество», предельно мистифицируя их, подрывая доверие к традиционным учениям о природе изначального жестового (божественного) Слова, неразрывно связанного с творением, воспроизводством культуры, человека, социума.

Согласно представлениям многих народов, проживающих в различных частях ойкумены, язык создан божественным началом и неразрывно связан с творчеством, космогенезом. В ведийской мифологии «установление имен» равнозначно акту творения. Поэтому в «Ригведе» божественный творец Вселенной Вишвакарман – одновременно и Всеобщий ремесленник, и Господин речи [МНМ, 1991, I, с. 237–238]. В Евангелии от Иоанна истинная связь языка с богом, творением выражена в своей предельной форме: «В начале было Слово, и слово было у Бога, и слово было Бог» [Евангелие от Иоанна I, 1]. Попытки подправить евангелиста и поставить в начале дело не имеют серьезных оснований. Божественное Слово изначально было действенным, а вещание – вещественным. Наши кумиры, **демоны, монстры демонстрировали** дюймы, меры, миры, мироздания в гробовой тишине. Интересно отметить, что в средненемецком языке **Daumen** – «большой палец». Большой палец руки (Властелин колец, мер, миров) способен продемонстрировать не

Рис. 12. Властелин колец
(большой палец).
Реконструкция В.А. Воронцова

только все первые количественные представления, все рукотворные кольца, все первые единицы (соло), но и все первозданные слова (рис. 12). Все эти соло, слова могли улавливаться в кулак. Интересно отметить, что в тюркских языках, например в казахском, *сөйлеу* `говорить`; *құлақ* `ухо` [КРС, 1954]. Сэр **Исаак Ньютон** был прав, когда сказал: «При отсутствии иных свидетельств, один только большой палец убедил бы меня в существовании Бога» [Цит. по: Онипко, 2009, с.5]. Следует заметить,

что в древненемецком *buog* «сустав» [Семереньи, 1980, с. 48].

А.В. Зиновьев в своей книге «Магия Апокалипсиса» пишет: «Чтобы проникнуть в святая святых библейской мифологии, надо сквозь призму древнего Слова увидеть скрытое Число. Выявить тайную логико-математическую систему. Именно эта эзотерическая арифметика, сокровенная геометрия, как пронзительно подметил Фридрих Энгельс, и составляет основное содержание Откровения Иоанна» [Зиновьев, 1990, с. 4].

В Библии ничего не говорится о том, каким было первое вещание, первое слово, первое божество: жестовым, печатным, звуковым и т. д., хотя и известен случай общения божества с людьми посредством письменных знаков. По

преданию, которое нашло отражение как в Библии, так и у древнегреческих авторов (Геродота, Ксенофонта), в ночь взятия Вавилона персами был устроен «валтасаров пир». В разгар пира, на котором в качестве чар для питья использовались священные сосуды, захваченные из иерусалимского храма, и прославлялись вавилонские боги, таинственная рука начертала на стене надпись «МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН». Иудейский мудрец Даниил истолковал эту надпись, как предрекавшую гибель.

Истолкователи Библии традиционно полагали, что Адам с Богом общались на звуковом древнееврейском языке. Вместе с тем издревле предпринимались попытки экспериментально установить язык, который дан нам от Бога. Так, например, в «Общей истории империи моголов» по поводу подобного эксперимента говорится следующее: «Акбар захотел узнать, каким языком стали бы говорить дети без всякого обучения, так как он слышал, что еврейский язык был естественный язык тех, которые не были научены ни какому другому. Для этого он взял двенадцать грудных детей, заключил их в замок, в шести милях от Агры, и отдал их на воспитание двенадцати немых кормилицам. Привратнику, который также был немой, запрещалось под страхом смерти отворять ворота замка. Когда они достигли двенадцатилетнего возраста, то он велел привести их к себе и призвал в свой дворец людей, знающих все языки. Один Еврей, находившийся в Агре, должен был судить, по-еврейски ли будут они говорить. Было не трудно отыскать в столице также Арабов и Халдейцев. С другой стороны, Индийские философы утверждали, что дети заговорят на Санскритском языке, который у них заменяет Латинский и который в употреблении только у ученых, изучающих его для того, чтобы понимать древнеиндийские философские и богословские книги.

Но когда дети предстали перед Царем, все были поражены удивлением, они не говорили вовсе ни на каком языке. Они научились от своих кормилиц обходиться без всякого языка и выражали свои мысли одними жестами, которые им заменяли слова» [Цит по: Тэйлор, 1868, с. 105–106].

То, что попавшие в звуковую изоляцию дети не говорили на древнееврейском языке, было настоящим потрясением для ортодоксальных иудеев, христиан, мусульман. Они не допускали мысли, что язык от Бога может быть жестовым и общепонятным, хотя религия такой возможности не исключает. На обширных территориях Азии и Африки, где не прервана нить традиций, люди понимают жесты своих многоруких божеств (рис. 13). Многорукость статуй отражает полифункциональность этих органов – естественных

Рис. 13. Великая мать – Дурга. Индия. Глиняная заготовка фигуры богини для праздника Дасара

Рис. 14. Так брахманы изучают Веды

защитников, спасителей, подателей всех благ. Канонические жесты-мудра каждый индеец заучивает с ранних лет (рис. 14). Они играют фундаментальную роль при осмыслении древних мифов, древней словесности. Эти жесты играют огромную роль в йоге. Они служат средством общения между адептом учения и божеством. Каждая молитва, каждая медитация сопровождаются строго определёнными жестами, полная система которых насчитывает 108 мудр, а с модификациями – несколько сот. Так, утренняя молитва ведантистов содержит их 24, а они изображают столько же видов Вишну. Обращение к рукам во время молитвы характерно не только для индусов.

Очевидно, что нашим божествам, нашим пенатам (греч. *penta* 'пять'), которые приведены на рис. 15, присущ язык жестов. Пенаты позволяют пенять весьма красноречиво, ис-

Рис. 15. Древние божества.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 16. Венера из Долни-
Вестонице (Чехия)

Рис. 17. Хамса

гое название – «рука бога». Слово *хамса* имеет семитские корни и значит «пять». В христианской традиции рука символизирует Бога Отца.

Понять природу индийских многоголовых божеств, при-

Рис. 18. Брахма и его супруга Сарасвати

пользуя пантомиму. Суставы (бабки) послужили прообразом первых антропоморфных скульптур. На рис. 16 приведена древнейшая известная науке керамическая статуэтка, получившая название Вестоничская Венера, которая подтверждает эту мысль.

Рука как символ божества, защиты присутствует в культуре самых разных народов. Так, например, Хамса – защитный амулет в форме ладони, которым пользуются евреи и арабы (рис. 17). Друг-

ое название – «рука бога». Слово *хамса* имеет семитские корни и значит «пять». В христианской традиции рука символизирует Бога Отца. Понять природу индийских многоголовых божеств, приведённых на рис. 18, можно, если соотнести их с пальцами руки. С нашими пальцами («пастями») связаны и представления о мифических животных и птицах, которые также традиционно рассматривались в качестве первопредков, божеств. Об этом

свидетельствует изображение, приведённое на рис. 19. Следует заметить, что эти божества способны породить не только счёт, язык жестов, но и звуковой язык. Щёлкающие звуки, которые до сих пор используются при общении, в ритуальных танцах, считаются весьма архаичными.

Рука может пригрозить, указать, наказать, наградить. Таковыми были и языческие божества, породившие исходный язык, исходное **Слово**. **Вач** в древнеиндийской мифологии богиня речи, персонафикация вещания. Вместе с тем, «она владычица и собирательница богатств, наделяет ими всех».

Вач «порождает споры между людьми и насыщает тех, кто слышит сказанное ею. В. Многообразна. Она несёт Митру, Варуну, Индру, Агни, Ашвинов, Сому, Тваштара, Пушана и Бхагу; вместе с нею – Рудра, Васу, Адити, все боги. Её называют божественной, царицей богов» [МНМ, 1991, с. 219–220].

Следует заметить, что европейские божества стали молчаливыми далеко не сразу. Так, например, издревле любили общаться с людьми греческие боги, которые зачастую трапезничали за одним столом с простыми смертными. Этот процесс общения засвидетельствован во многих мифах,

Рис. 19. Воспроизведение мифических существ. Из раскопок чуских могил в районе города Чанша (Провинция Хунань), V-III в.в. до н.э.

легендах, а также исторических источниках. Эти трапезы продолжают до сих пор, сохраняется и язык божеств, который мы широко используем, но который исследователи предпочитают просто не замечать.

Проблемы у исследователей возникают не только при осмыслении истоков глоттогенеза, но и при вычленении той дисциплины, которая должна стать ведущей при решении данной проблемы. Способность лингвистики постигать природу языка всегда вызывала сомнение даже в эпоху наибольших успехов компаративистики. «Целый ряд видных языковедов конца XIX и начала XX в. заявляли, например, что лингвистика не может заниматься, скажем, проблемой происхождения языка, что этой проблемой должны заниматься философы. Задача же лингвистов заключается в том, чтобы описывать и систематизировать языковые факты. Эти мысли особенно категорично высказывал один из виднейших представителей младограмматизма – Г. Пауль» [Амирова, Ольховников, Рождественский ..., 1975, с. 479]. В недавно вышедшем учебнике, принадлежащем перу одного из самых авторитетных специалистов в области компаративистики **С.А. Старостину** и его ученице **С.А. Бурлак**, говорится: «Вопрос о происхождении человеческого языка, строго говоря, не относится к компетенции компаративистики, но обращают его обычно именно к ней» [Бурлак, Старостин, 2001, с. 173].

Всё больше исследователей (философов, антропологов, этнографов, психологов, лингвистов) начинает осознавать, что **подлинная теория глоттогенеза** занимается изучением исходной (незвуковой) семиотической системы гоминид, которая лежит в основе и объясняет происхождение вторичных знаковых систем: звукового языка, звуковой сказки, мифа, обряда и т. д. Есть все основания полагать, что ком-

петентно судить об исходном языке, о природе сказочной и мифологической образности можно, только располагая соответствующими познаниями в области образных языков, роль которых в жизни общества трудно переоценить. Так, например, геометрия, черчение играют фундаментальную роль в сфере материального производства. Основы начертательной геометрии, черчения традиционно изучались в гимназиях, в советской школе и способствовали развитию пространственного воображения. Жизненно важен и язык жестов, который используется в диагностике, а также для установления контакта с младенцами и развития у них сочувствия, сострадания, сознания.

Авторы книги «Происхождение знакового поведения», игнорируя жизненную значимость исходного образного языка, пишут: «Время, когда у человека или его эволюционных предшественников зарождалось и складывалось знаковое поведение безвозвратно ушло в прошлое» [Шер, Вишняцкий, Блендова, 2004, с. 8]. Между тем, ещё римский поэт и философ *Лукреций Кар* (ок. 99–55 до н. э.) протестовал против отчуждения глоттогенеза. В своей поэме «О природе вещей» он писал:

*Невелико тут различие с тем, что и ныне мы видим.
Именно: немощность речи детей заставляет прибегнуть
К телодвижениям и на предметы указывать пальцем*

[Лукреций, 1933, с. 146]

Французский философ *Э.Б. де Кондильяк* (1714–1780) в своей книге «Опыт происхождения человеческих знаний» придерживался мнения, что изначально предки всех людей (включая евреев) пользовались жестовым языком, поскольку «орган речи был настолько негибким, что с лёгкостью воспроизводил только несколько очень простых звуков»

[Кондильяк, 1980, с. 185]. По его мнению, стремясь понять «томимого потребностями» ребенка, его родители учили «его сообщать свои мысли жестами и выражаться таким способом, при котором чувственные образы были гораздо более доступны ему, чем членораздельные звуки» [Там же. С. 185–186]. Как и *Луcretий Кар*, *Кондильяк* ориентируется при решении сложнейшей проблемы антропосоциокульту-рогенеза на исходные проблемы **воспитательного процесса**, на **медицинскую семиотику**, а не на умозрение.

Кондильяк отнюдь не первый заговорил о примате жестового языка. Так, например, итальянский философ, социолог, юрист *Д. Вико* (1668—1774) в своей книге «Основания новой науки об общей природе наций» попытался доказать, что каждый народ проходит в своем развитии три эпохи: божественную, героическую и человеческую, причем язык в своем развитии также проходит три стадии. По мнению *Вико*, первым был «божественный умственный язык посредством немых религиозных движений, т. е. божественных церемоний; от него сохранились в Гражданском праве у Римлян *acta legitima*, сопровождавший все их граждански-полезные дела. Этот язык подобает Религиям на основании того вечного свойства, что для них важнее то, чтобы их почитали, чем то, чтобы рассуждали о них. Он был необходим в те первые времена, когда языческие люди не умели ещё артикулировать» [Вико, 1940, с. 386]. Взгляды *Вико* на истоки языка были шагом вперед, поскольку порывали с традицией выдавать звуковой язык за исконный язык человечества. Вместе с тем суждения *Вико* грешат плоским эволюционизмом. Так, например, он игнорирует тот факт, что процесс развития общения предполагает накопление знаковых систем, а не их смену. Он также не учитывает, что звуковой язык может господствовать только в непроизводственных

сферах, в ненаучной литературе. Без геометрии, графики сложно представить подлинную науку, осмысленное производство. Без предварительных геометрических построений, **измерений** труд становится животным, рефлекторным (**ненамеренным**).

В 1644 выходит в свет книга *Дж. Балвера*, в которой находят отражение жесты, связанные с самыми разными сферами человеческой деятельности: риторика, медицина, психология, педагогика, искусство, физиогномика, хирология и хиромантия [Bulwer, 1974]. По *Балверу*, именно **язык жестов является естественным**, в отличие от придуманного звукового языка, и уже потому достоин самого серьёзного изучения. Вслед за *Балвером* многие стали считать язык жестов универсальным, избежавшим «Вавилонского смещения языков». Этот язык прост в использовании, нагляден и удобен в общении, поэтому его все знают и понимают, а звуковые языки породили разноязычие, отчуждённость, войны. Это разноязычие, согласно библейскому учению, трактовалось как наказание Божие. Не следует думать, что подобный взгляд на звуковые языки канул в Лету. Вот, например, что пишет по этому поводу основоположник информатики, Президент Международной Академии информации, официальный представитель Академии в ООН *И.И. Юзвизин* в своей книге «Информатология или закономерности информационных процессов и технологий в микро- и макромирах Вселенной»: «Известно, что более 95% информации воспринимается человеком зрительно. Через органы зрения информация воспринимается в сотни раз быстрее, чем через слуховые каналы» [Юзвизин, 1996, с. 175–176]. То, что молчание – золото, свидетельствует весь опыт человечества. Устное слово может помешать не только на рыбалке, охоте. Не случайно в конструкторских бюро царит мёртвая тишина,

поскольку любое слово, любой звук мешают мыслить, творить. Для удовлетворения духовной жажды также крайне важно абстрагироваться от звукового языка и приобщиться к медицинской семиотике. Вот как образно описывает этот процесс **А.С. Пушкин** в своём широко известном стихотворении «Пророк»:

*И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.*

В. Вундт (1832—1920) был не только крупным философом, но и авторитетом в области физиологии и психологии. Он является первым специалистом-психологом, который предпринял исследование глубинных процессов, связанных с функционированием языка. В книге «Физиология языка» **Вундт** утверждает, что происхождение языка может быть объяснено только в рамках психологии, поскольку «язык есть всякое выражение чувств, представлений или понятий посредством движений» [Вундт, 1868, с. 33].

По мнению **Вундта**, в становлении вторичных знаковых систем огромную роль сыграл безусловный язык, который не требует предварительной договорённости подобно вторичным языкам. Только соотнесение первичного безусловного наглядного общепонятного **образного** языка с вторичным звуковым, **безобразным**, условным языком смогло придать последнему смысл. **Вундт** трактовал артикуляцию как **внутренние жесты, которые копируют внешнюю жестикуляцию.**

Идея **Вундта** о внешних и внутренних формах жестикуляции предельно глубока. Она получила своё дальнейшее

развитие и конкретизацию в исследованиях *Р. Пэджета*. В журнале «Тетради по мировой истории» в 1956 г. он опубликовал статью, в которой утверждается, что звуковой язык возник из пантомимических движений рук, которым бессознательно подражает рот, а движения последнего коррелируют с горловыми звуками [Paget, 1956, p. 399–426]. Таким образом, наша пясть («пасть»), наша **щепоть** способны продемонстрировать первичные слова, изначальный беззвучный **шёпот**.

Изначальное Слово наглядно, действенно. Оно могло не только указать, приказать, но и наказать. Преобладающее щёлкающее Слово породило представление о Слове-разбойнике, которое со временем трансформировалось в Соловья-разбойника.

Наша щепоть может не только беззвучно шептать. Она способна воспроизвести также первые звуковые слова, реконструировать исходный звуковой язык, который отнюдь не канул в Лету. Пальцы рук могут издавать щёлкающие звуки, которые мы используем при просчёте, сопровождая указательные жесты, для привлечения внимания, выражения досады, задания ритма. Мы щёлкаем пальцами, когда затрудняемся подобрать звуковое слово или пытаемся срочно вспомнить нечто актуальное. Эти щелчки мы часто сопровождаем щёлкающими звуками языка. Так мы поступаем, например, когда маним животное. Щёлкающие звуки пальцев широко используются в ритуальных танцах, что свидетельствует об их глубокой древности.

Надо сказать, что древность щёлкающих звуков признают даже лингвисты, которые занимаются исключительно звуковыми языками и принципиально игнорируют язык, на котором говорит наша природа. Так, например, известный лингвист *С. Старостин* (1953—2005) в статье «У человечес-

тва был один праязык» полагает, что этот протоязык был замечателен тем, что имел «класс согласных, которых больше нет нигде в мире. Это – кликсы, щелкающие согласные» [Старостин, 2003, с. 43]. По мнению *Старостина*, Центральная Африка – место где «возникает язык, а потом происходит и первое его деление, и дальше некликсовая ветвь расходится по всему миру» [Там же. С. 43].

Принято считать, что цокающее-щёлкающие звуки утрачены в языках абсолютного большинства народов. Между тем в изданном в 1890–1907 годах в Санкт-Петербурге «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» в статье «Щёлкающие звуки» говорится, что щёлкающий звук имеется и в русском языке, частью в виде междометия легкой досады, частью, в детском языке и у взрослых, разговаривающих с маленькими детьми, не владеющими еще речью, в особом междометии, выражающем удовольствие, восхищение и т. п. [Энциклопедический словарь..., 1904]. Стремление родителей говорить с младенцами на щёлкающем языке (цацкаться с ними) также свидетельствует о его древности.

Изначальные жестовые щелчки и их поддержка внутренними жестами развивали те зоны мозга, которые обеспечили становление артикуляционного процесса. Таким образом, именно гипотеза о примате языка жестов позволяет пролить свет на истоки звуковой речи. Исходный щёлкающий звуковой язык не способен конкурировать в выразительности и содержательности с образным языком жестов. Нет оснований также считать, что он способен пролить свет на причины, вызвавшие к жизни медицину, глоттогенез, психогенез, социогенез, мифогенез.

Л. Леви-Брюль, ориентируясь на опыт американского археолога и этнолога *Ф. Кашинга (Кэшинга)* (1857–1900), установившего связь между языком жестов и звуковым язы-

ком у индейцев «зуньи», пишет, что «для того, чтобы воспроизвести мышление первобытных, нужно вновь найти те движения рук, в которых язык и мысль были ещё нераздельными. Отсюда и берётся смелое, но знаменитое выражение “ручные понятия”. Первобытный человек, который не говорил без помощи рук, не мыслил также без них...

Говорить руками – это в известной мере буквально думать руками. Существенные признаки “ручных понятий” необходимо должны, следовательно, быть налицо и в звуковом выражении мысли» [Леви-Брюль, 1994, с. 127–128].

Надо сказать, что сам *Леви-Брюль* не воспользовался методом *Кэшинга*. Он не попытался отыскать следы ручных понятий при звуковом выражении мысли, поскольку полагал, что опыт *Кэшинга* уникален. Между тем для проектирования звукового языка на язык жестов вовсе не требуется знание жестового языка, характерного для того или иного сообщества. Такого рода жестовые языки зачастую моложе звуковых языков. *С методологической точки зрения более правильно звуковой язык соотносить с естественной системой жестов, которая хорошо знакома всем людям на земле и универсальна.* Именно эта система должна пролить свет на исходную сеть категорий, на исходные представления, на природу сказочных и мифологических универсалий, а также убедиться в неразрывном изначальном единстве языка и мысли. Так, например, когда мы мнём беспокоящий участок тела, мы предельно красноречиво выражаем своё мнение. Именно с подобного рода мнением связаны истоки таких понятий, как мнительность, ментальность и т. д.

В. Вундт и его последователи зафиксировали фундаментальную роль языка жестов при общении с животными. В 1969 г. в международном журнале «Science» появилась ста-

тъя американских зоопсихологов *Беатрис* и *Аллена Гарднер* под названием «Обучение шимпанзе языку знаков», в которой говорилось о том, что обезьяны способны использовать язык жестов в качестве средства общения [Gardner, Gardner, 1969]. До появления этой статьи подавляющая часть исследователей была глубоко убеждена в том, что обезьяну в принципе невозможно научить языку, поскольку она лишена возможности звукового подражания. При этом исследователи руководствовались догматическими представлениями о языке, против которых столь решительно и аргументированно выступил в свое время *В. Вундт*. Большой объём информации, полученной в ходе наблюдения за общением человекообразных обезьян в природе, а также в ходе экспериментов по обучению их языкам-посредникам, приведён в работах [Васильев, Дерягина, 1991; Бутовская, 2004; Зорина, Смирнова, 2006].

Аргументы в пользу гипотезы о примате языка жестов, представленные супругами *Гарднер*, привели к падению доверия к гипотезам, которые вступают с ней в конфликт. Воспроизводить сознательно даже присущие им от природы звуки обезьяны не склонны, ни при каких обстоятельствах. Глубоко правы исследователи, которые считают, что изначально в культуру были введены произвольные рефлексорные жесты, воспринимать и осмысливать которые животные могут мастерски без всякого научения. Один из основоположников науки о поведении животных – этологии *К. Лоренц* (1903—1989) в своей книге «Кольцо Соломона пишет»: «Многие животные могут воспринимать тончайшие жесты, ускользающие от внимания человека. У собаки же вся сила сосредоточенности направлена на служение хозяину, она буквально “ловит на лету каждое его слово”, и в этом случае способность к пониманию настроений находит

своё наивысшее выражение. Лошади также достигают больших успехов на этом поприще» [Лоренц, 1973, с. 91–92].

Естественные формы жестового языка связаны с первой сигнальной системой и являются сигналами сигналов – естественной формой второй сигнальной системы. **Я.В. Чеснов** в своей работе «Шаг Майтрейи: некоторые аспекты изучения кинесики» с полным основанием пишет: «В отношении кинесики подчёркивание её интериоризированного внутреннего аспекта может показаться неожиданным. Между тем основная функция кинесики лежит в сфере автокоммуникации. Действительно, все проявления эмоционально-личностного отношения к жизни охвачены кинесикой» [Там же. С. 129]. **Чеснов** отмечает также большую степень произвольности автокоммуникации, её порой досадное выскальзывание из-под контроля сознания. И без контроля, и под контролем сознания язык жестов продолжает играть огромную роль в медицинской семиологии.

Различные сценарии возникновения и эволюции языка жестов до звукового языка были предложены в работах целого ряда лингвистов, приматологов, антропологов [Brown, 1981; Якушин, 1985; Васильев, Дерягина, 1991; Kendon, 1991; Milo, Quiatt, 1993; Corballis, 2002, 2003; Tomasello, 2008 и др.]. Общим для всех этих работ является то, что их авторы глубоко уверены, что исходный жестовый язык уже давно потерял свою актуальность, вышел из употребления, забыт, нуждается в реконструкции и т. д. Превосходные замечания **Г. Мальри** уже давно показали надуманность подобных представлений. Он пишет: «Желания и эмоции детей в самом раннем возрасте выражаются очень небольшим числом звуков, но множеством разнообразных жестов и выражений лица. Жесты ребёнка разумны задолго до того, как становится разумной его речь... Он выучивает слова по мере того,

как ему их сообщают, и выучивает их при помощи жестов, которым его не обучают. Ещё долго спустя после того, как он освоится с речью, он следит за выражением лица и жеста-ми родителей и няньки, стараясь найти в них объяснение их словам. Эти факты имеют большое значение по отношению к биологическому закону, что порядок развития индивида одинаков с порядком развития вида...» [Цит. по: Романес, 1905, с. 198].

Любая мать на опыте быстро убеждается, что без языка жестов, без показа невозможно наладить с младенцем контакт, приобщить его к профилактике травматизма, к гигиене, пробудить в нём сочувствие, сострадание. В этой связи глубоко ошибочны попытки связывать истоки человеческого сознания со звуковыми языками. К подобного рода заблуждениям следует отнести гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно которой именно звуковой язык навязывает человеку нормы познания, мышления и социального поведения. Авторы этой гипотезы американские лингвисты **Э. Сепир** (1884—1939) и **Б.Л. Уорф** (1897—1941) считают, что мы можем познать, понять и совершить только то, что заложено в нашем звуковом языке, который отнюдь не универсален. Между тем, ещё один из основоположников этнографии – **Ф. Боас** в своём фундаментальном и не потерявшем актуальность труде – «Ум первобытного человека» писал, «что не только эмоции, ум и воля человека повсюду сходны, но между различнейшими народами оказывается гораздо более значительное сходство, относящееся к деталям мышления и действий. Это сходство, очевидно, касается таких деталей и оказывается настолько значительным, что Бастиану пришлось говорить об ужасающей монотонности основных идей человечества во всём мире» [Боас, 1926, с. 86]. Нет ничего удивительного

в том, что гипотеза Сепира-Уорфа, игнорирующая универсальный общечеловеческий язык, с поразительным единодушием отвергнута исследователями.

Исследователи детской речи обратились к дословесной системе коммуникации с целью найти семантические, грамматические, прагматические предпосылки речи в дословесных актах общения ребёнка. Именно эта система в настоящее время рассматривается актуальными исследователями глоттогенеза в качестве протоязыка. Так, например, известный российский психолог **Е.И. Исенина** в своей книге «Дословесный период развития речи у детей» пишет: «Протоязык – это смысло-семантическая дословесная система средств коммуникации...» [Исенина, 1984, с. 150]. Становление знакового общения представляется как формирование у ребёнка ряда коммуникативных навыков, выражаемых изначально с помощью действий, жестов и лишь впоследствии с помощью звуковых слов.

Жестовый язык является важнейшим подспорьем при изучении других знаковых систем. Об этом свидетельствуют, например, народные игры с пальцами. В процессе подобных игр, а отнюдь не в ходе обработки камня, ребёнок приобщался к счёту, усваивал социальные термины, звуковой язык и т. д. Следует отметить, что гипотеза о примате кинетической речи отнюдь не решает проблему глоттогенеза. Она в этом случае сводится к установлению причины, которая побудила наших предков ввести естественные жесты в культуру, выявлению инициаторов этого культурологического процесса, а также к реконструкции методов и средств культивирования языка жестов. Решить данную проблему комплексно можно только в рамках *общей теории антропосоциокультурогенеза*.

3.2. Исходный язык медицины и его роль в антропосоциокультурогенезе

Осмысление генезиса языка предполагает рассмотрение предельно архаичной и предельно актуальной знаковой системы, которая дана нам от природы и вводится в культуру на самых ранних этапах антропосоциокультурогенеза. Широко известно высказывание *Г. Галилея* (1564—1642): «Природа говорит языком математики: буквы этого языка – круги, треугольники и иные математические фигуры». Если *Галилей* прав и язык математики является естественным, нет оснований говорить о его изобретении. Можно говорить только о времени и методах введения его в культуру, а также о целях, которые при этом преследовались. Мысль о том, что человеческая природа говорит на языке геометрии, которая вводится в культуру в качестве исходной знаковой системы и играет фундаментальную роль в медицине и антропосоциокультурогенезе, не получила развития в науке. Между тем роль геометрии в жизни социумов трудно переоценить. Факты свидетельствуют, что геометрия стала впервые осознанно использоваться отнюдь не предками человека. Так, например, расшифровка танцев пчёл показала, что в них закодирована геометрическая информация (рис. 20). Благодаря этой информации естественный социум оказывается способным консолидировать усилия своих членов в нужной точке с математической точностью. Нет оснований считать, что в жизни культурного социума (человеческого общества) геометрия менее актуальна, а также полагать, что телесность приматов менее приспособлена для передачи геометрической информации, чем телесность пчёл. В книге «Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе» [Воронцов, 2015] впервые показано, что наша консти-

туция позволяет производить измерения и строить геометрические модели разного уровня сложности чисто механически. Так, например, при переносе таза с водой или охапки дров наши руки независимо от нашего сознания измеряют, воспроизводят и манифестируют размеры этих объектов. Сильная боль побуждает нас рефлекторно **сетовать**: нанести координатную или **мерную сетку** из пальцев рук (рис. 1) на больное место, чтобы **умерить** боль.

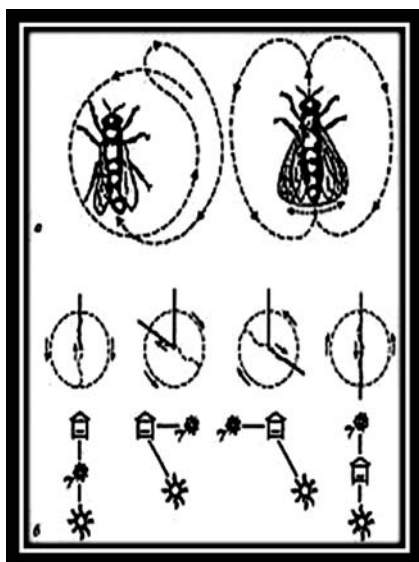

Рис. 20. Семантика пчелиного танца

Рефлекторно умеряя боль, мы чисто рефлекторно определяем эпицентр боли, её границы, размеры. Естественное **мерило**, естественная **марля** из пальцев, которые наносятся на рану, крайне актуальны при констатации истоков не только протогеометрии, но и прототерапии, протодиагностики.

Прототерапия, протодиагностика бесконечно архаичнее каменной индустрии, поскольку имеют рефлекторные формы. Следует заметить, что латинский глагол *medico* (лечу, исцеляю) в своей основе имеет праиндоевропейский корень **med* (измерять). Всё это свидетельствует о неразрывной связи между становлением медицины и становлением математики.

Естественная координатная или мерная сетка позволяет умерять боль, размечать свой стан и моделировать психичес-

кие состояния (первую сигнальную систему) даже маленьким детям. Она играет большую роль в профилактике травматизма. Матери традиционно предупреждают своих детей о грозящей опасности, демонстрируя жестами болевой шок, который может вызвать неосторожный поступок, прикосновение к опасному объекту. Прижатые к больному месту руки (греч. χείρ «рука») проливают свет на происхождение таких слов, как *хиреть*, *захиреть*. Руки способны обозначить и конкретный орган (нем. Herz `сердце`), причём без использования звукового языка. **Пальцы, ладошки** позволяют обозначить **плечи, лодыжки** молча. Проецируя ту или иную область человеческого тела на естественную координатную **сеть** из пальцев можно не только **сетовать** – жаловаться, но и манифестировать весь спектр человеческих чувств: благоговение, ненависть, сердечную страсть, обиду, чувство вины, стыд, холод, раскаяние, желание и т. д. При этом не требуется выходить за рамки предельно абстрактной и предельно наглядной геометрической символики. Абстрактные, но предельно понятные геометрические модели играют фундаментальную роль на исходной ступени социализации и инкультурации младенца. Матери испытывают огромное облегчение, когда младенцы начинают обозначать беспокоящие их органы, а также чувства, желания посредством жестов, понимать состояния матери, вызванные тем или иным поступком, теми или иными обстоятельствами. Это моделирование играет фундаментальную роль при культивировании сочувствия, сострадания, сознания, человечности (рис. 21), поэтому нет оснований утверждать, что первоначальное применение координат связано с астрономией и географией, а не с описанием наших внутренних состояний и нашей фигуры. Есть все основания полагать, что истоки **нумерации** связаны с естественной **мерной** сетью.

Геометрические модели являются не только мощным социализирующим фактором. В народе говорят: «Семь раз отмерь...», поэтому есть все основания считать измерение самой распространённой технологической операцией, лежащей в основе культуры производства. Предварительные геометрические построения позволяют различать культурные и инстинктивные формы труда.

Без умения оценивать и соотносить объёмы понятий невозможно логическое мышление, поэтому геометрия имеет фундаментальное значение не только для культуры чувств, культуры производства, но и для культуры мыслительного процесса.

Мерить, намереваться, думать, показывать (сказывать) человек учится задолго до приобщения к звуковому языку, к производству орудий. Детей учат сознательно сетовать, различать большое и малое, а также оценивать и показывать размеры («вот такой ширины, вот такой ужины...») задолго до приобщения к счёту, числу, хозяйственной деятельности. Маленьких детей приучают связывать социальные функции с ростом (размером). В 6 — 7 лет в традиционных обществах дети сами становятся воспитателями, поскольку их потенции позволяют заботиться о младших членах общества. Всё это актуализует попытки связывать истоки математики, ис-

Рис. 21. Сетующая мать.
Графика В.А. Воронцова

токи сознания с заботой о человеке, а не с заботой о камне, бронзе, железе, а также побуждает рассматривать истоки математики в контексте тотальной **НАУКИ** – медицины.

Естественные геометрические структуры, предельно выразительно отражающие наши внутренние состояния, составляют естественную основу второй сигнальной системы. Вопреки очевидным фактам язык геометрии считается искусственным, а звуковой язык, который не воспроизводится рефлекторно и осваивается не всеми людьми (вспомним Герасима из «Муму»), – естественным. Попытки связать становление математики со звуковым языком, числительными, счётом вошли в традицию. Так, например, **Г.Г. Цейтен** в своей книге «История математики в древности и в средние века» пишет: «Чтобы осветить мрак *пред-истории* математики, надо спросить у филологов, какова древность слов, обозначающих простейшие числа, и какими средствами пользуются в разных языках для выражения группировки чисел по десяткам, двадцаткам и т. д. или каким-нибудь иным способом, пригодным для деления мер или монет (двенадцатиричная, шестидесятиричная и т. д. системы) [Цейтен, 1938, с. 18]. В книге **В.Л. Чечулина** «Истоки математики, культуры, искусства (структура, периоды, новообразования)» [Чечулин, 2013, с. 12] читаем: «Первое понятие, появившееся в истории математики, – понятие конкретного числа...». Факты побуждают сторонников подобного рода взглядов констатировать, что счёт у первобытных народов не в ходу. Так, например, **Л. Золотарёв** в своей книге «Как люди научились считать» пишет: «Ещё недавно были дикари, которые умели считать только до трёх; дальнейший счёт, т. е. более трёх, настолько затруднял их, что они прямо говорили: “много”» [Золотарёв, 1910, с. 5]. Более того, есть народы, в языке которых нет числительных, что вовсе не отнимает у них умения мерить, действовать на-

мерно (сознательно). Отвлекаясь от истоков измерения, мы абстрагируемся и от истоков сознания.

Не имеют серьёзных оснований также попытки исследователей связать истоки геометрии с земледелием. Подобного рода попытки имеют давнюю историю. Так, например, ещё древнегреческий учёный *Эвдем Родосский* (IV в. до н. э.) писал: «Геометрия была открыта египтянами и возникла при измерении земли. Это измерение было им необходимо вследствие разлития реки Нила, постоянно смывавшего границы». [Цит. по «Математика, её содержание...», 1956, с. 20–21]. Исследователи склонны игнорировать тот факт, что **мать** реально является материальным, а также духовным миром, который осваивается, структурируется, измеряется, размечается, описывается, оценивается, осмысливается людьми изначально и порождает **математику**. Именно телесность матери лежит в основе образа Матери Земли (лат. Теллус), в основе мифологического сознания. Мамашины руки являются первыми машинами, биокомпьютерами, материнскими платами, палатами, в которых мы изначально обитаем, которые мы изначально изучаем. Рукотворный разумный космос, исходные миры, меры, камеры, размеры, примеры, номера, кумиры, химеры, манифестируемые матерями в ходе обучения своих чад, неразрывно связаны с конституцией матери. Они играют фундаментальную роль в становлении геометрии, медицинской семиотики, медицинской топографии, а также нашего интеллекта, который является **искусственным**,

Рука матери, прикрывающая рану или имитирующая смертельную травму, способна убедить младенца задолго до освоения им звукового языка, что пролитие родной крови порождает проблемы не только у матери. По вполне очевидным причинам такое пролитие приводит к тому, что ребё-

нок становится изгоем, поскольку его исконная обитель оказывается заполненной кровью. Пясть («пасть») матери, напитавшись крови, перестаёт кормить его, поскольку теряет свою силу. Подобного рода убеждения породили массу мифов, в которых и кровь, и земля наделены знаковыми функциями и ведут себя как живые. В библейском рассказе Бог говорит Каину: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата своего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не будет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». Всё это побуждает связывать истоки исходных представлений о земле, с ручными моделирующими системами, с медицинской семиотикой, с языком жестов, которые культивируются матерями на самых ранних этапах социализации, инкультурации младенцев, задолго до приобщения к звуковому языку.

Без осмысления человеческой телесности, без медицинской семиотики, медицинской топографии невозможна самая древняя и самая мудрая наука – медицина. Факты свидетельствуют, что различные образы первобытный человек склонен воспроизводить не на окружающей территории, а на своём теле (рис. 22), поэтому нет оснований считать, что истоки подобной практики связаны с обработкой земли, а не с медициной, лежащей у истоков сочувствия, сострадания, сознания, социальности, духовности, человечности.

Традиционные взгляды на истоки медицины, математики, на истоки всей человеческой культуры детально отражены в архаичных мифологических системах. Эти истоки восходят к первым временам человеческого бытия и связаны с нашим пребыванием в разумном рукотворном мире. Это вполне объяснимо. Пребывая на родительских руках,

мы знакомимся с предельно динамичным и содержательным рукотворным, разумным миром, с предельно сложной и совершенной орудийной системой, а также с фундаментальными основами предельно актуальной и предельно выразительной знаковой системы – математики. Игнорируя человеческую конституцию, исконную орудийную систему, врачебную практику, можно составить самое превратное представление о мифологическом космогенезе, Космическом Разуме, истоках геометрии, природе её инструментария: Геракле (циркуле), мировом древе (линейке), бесплотных пламенных ангелах (углах), порождённых пальцами (палами) руки, которые являются естественными транспортирами, естественными циркулями. Эти транспортиры, эти пламенные ангелы транспортируют, возносят чад (нас) к небесам, пока мы не отбились от рук и безгрешны. Три ангела породили триангуляцию.

В работе автора «К вопросу объяснения и исследования палеопсихологии человека» обоснована необходимость связать истоки целесообразной деятельности с целительством, с сознательной заботой о человеке. В статье показывается, что «гуманнейшая из профессий имеет дело с бесконечно сложным объектом, познание которого требует сочувствия, сознания, развитой системы понятий, языка, способно-

Рис. 22. Древний ритуал раскрашивания рук – Mehdi (Индия)

го отразить тончайшие переживания. Далеко не случайно, что высшая мудрость (мудрость змеи) традиционно приписывается медицине, а не обработке камня» [Воронцов, 1994, с. 47–48]. В работе «Природа языка и мифа» [Воронцов, 2008б] предложено рассматривать в качестве исходного универсального общечеловеческого языка систему жестов, вызванных болезненными процессами, протекающими в организме, которая была введена в культуру в медицинских и педагогических целях и сыграла фундаментальную роль в антропосоциокультурогенезе. Есть все основания полагать, что сознательное воспроизводство естественных **реакций** организма позволило нашим предками впервые **говорить** (прасл. *rekti* – ‘говорить’) сознательно и понимать **изрекаемое** без предварительной договорённости.

Естественные геометрические структуры (рис. 1) позволяют констатировать не только эмоции. Они могут накладываться на другие системы, структурируя их. Естественная система координат является и членораздельной, и членоразделительной. Она может функционировать без звукового языка, поскольку пальцы пациента сдавливают болезненные участки с повышенной силой и по-разному реагируют на их надавливание. Её использование может также сопровождаться звуковыми сигналами, поскольку первые слова были и первыми клавишами, позволявшими извлекать звуки из пациента при надавливании на них.

Надо сказать, что пальцы (**палы-штыри**) являются не только естественной знаковой системой, но и естественным **пластырем** – лечебным средством. Диагностические и терапевтические функции вещественного вещания не могут быть переоценены. О тесной связи вещания, лексики с лекарской практикой писал корифей российской филологической науки **Ф.И. Буслаев** (1818—1897), который широ-

ко практиковал этимологические изыскания при решении проблем фольклористики. В работе «Эпическая поэзия» он писал: «От глагола *ба-ять* происходит *балий*, уже в фрейзингенской рукописи употребляющееся в значении врача, а потом это слово получило смысл колдуна; так в “Азбуковнике” объясняется: “*балия* ворожея, чаровник; *бальство* ворожба”. И наоборот, корень *вед*, откуда произошло слово *ведьма*, у сербов получает название лечения: *видати* – лечит, *видар* – лекарь, точно так же, как от глагола *вещать*, то есть говорить, у сербов *виештац* – колдун и виештица – колдунья, а у нас в Вологодской губернии, *вещетитинье* уже лекарство. Точно также и *врач* у сербов и болгар получил смысл колдуна, предсказателя, как у нас в старину *врачевать* значило колдовать, и, наконец, *лекарь* (от корня *лек* – значит лекарство), уже у Ульфины встречающееся в том же значении (*leikeis, lekeis*) и распространившееся по всем, как немецким, так и славянским наречиям, имеет при себе и значение колдуна...» [Буслаев, 2003, с. 23–24].

В татарском языке слово *им* ‘лекарство’, ‘целительное средство’, ‘заговор’, ‘заклинание’ [ГРС, 1966, с. 167].

В санскрите связь гаданий, речи с болезнью отражена предельно ярко:

I gada 1) речь, разговор 2) изречение.

II gada – болезнь, недуг [Кочергина, 2005, с. 188].

Исконная связь сказаний с показом, жестом до сих пор может быть обнаружена в самых разных языках. Так, например, в тюркских языках:

А:ЙА – ‘ладонь’,

АЙ – ‘говорить’,

АЙТ – ‘говорить’ [Севортян, 1974, с. 761–762].

В китайском языке *bào* – ‘извещать’, ‘обнимать’, ‘охватывать руками’ [Котов, 2004, с. 16–17].

Связь наших горстей с горестями, с разметкой, измерением, смертельной болью может быть продемонстрирована чисто формально на примере разных звуковых языков, которые продолжают сохранять свою исконную связь с жестами. Так, например, в венгерском языке:

mag-mag – `вот-вот`;

marek, marok – `горсть`;

martir – `мученик` [Хадрович, Гальди, 1971, с. 502–503].

В татарском языке:

карыш – `пядь`, `вершок`;

карышу – `сводит судорогой`;

карышлау – `мерить` [ГРС, 1966, с. 238].

В тюркских языках:

өл – `умирать`;

өлч – `измерение` [Севортян, 1974].

В китайском языке:

shi – `померить`;

shiti – `мертвец` [Котов, 2004, с.120].

В индоевропейских языках связь смерти с мерой, долей настолько очевидна, что об этом факте говорят уже не только лингвисты. Так, например, в «Словаре русских суеверий» **М. Власовой** говорится: «Семантику наделенности долей может иметь и слово “смерть”, восходящее к индоевропейскому ряду meг- / moг- / mг-, который ставится в связь с такими “культурными словами”, несущими значение “части”, как греческое «мойры» и восточнославянское Мара» [Власова, 2000, с. 482].

Есть множество оснований считать, что исходный телесный человеческий язык, как и телесный язык пчёл, рассчитан на передачу геометрической информации. Язык геометрии является системой, которая позволяет описывать всё и вся универсальным образом, а также концентрировать вни-

мание социума на жизненно важных проблемах. Нет ничего удивительного в том, что геометрическая символика крайне архаична и неразрывно связана не только с мыслительными, но и с духовными процессами. Не может вызывать сомнений, что именно язык жестов, язык телесности позволяет наиболее адекватно передавать исходные математические представления, лежащие у истоков мыслительного процесса, сознания. Исследования этнологов, психологов, педагогов свидетельствуют, что и в филогенезе и в онтогенезе человек учится мерить, считать, намереваться, думать посредством жестов.

Научившись выражать свои внутренние состояния геометрически, дети становятся великими мастерами отражать посредством геометрических зависимостей всё и вся, включая социум. Так, например, большая книжка или стакан у них – папа, поменьше – мама, ещё меньше – сыночек или дочка. Очевидно, что это всё плоды не простого манипулирования механическими предметами или звуками, а продукт приобщения к геометрическому моделированию. Действовать сознательно – значит действовать **намеренно**, поэтому естественные **меры**, исходные рефлекторные формы **измерения**, а не зондирование мозга, позволяют постигать истоки сознания.

Изначальная связь между звуковым языком (метаязыком), отразившим исходный язык жестов (протоязык), позволяет проследивать глубинные семантические связи звукового языка. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим следующий пример, демонстрирующий изначальную связь звукового языка с рефлекторными жестами. При падении мы чисто рефлекторно вытягиваем перед собой руки, поэтому вполне естественны следующие соответствия в звуковом языке, отразившем этот жест:

руки – рухнуть;
пяди – падение;
пять – пасть;
пальцы (палы) – пал, упал и т.д.

Проецируя звуковой (безобразный) язык на исходный образный язык жестов, мы возвращаем языку исходную образность, выразительность. Ручная речь, вещественное вещание позволяют реконструировать древние учения, познаться с первозданными чудесами, спасителями, божествами, демонами, демиургами, познать особенности мифологического мышления, игнорируя которые невозможно пролить свет на истоки математики, медицинской семиотики и множества других знаковых систем.

Важную роль в выявлении исходной системы корней звукового языка и проецировании этой системы на исходную систему жестов играет широко используемый лингвистами метод изосемантических рядов *С. Майзеля*, который позволяет осуществить радикальную редукцию корней в звуковом языке, а также понять их изначальный смысл. Сущность этого метода можно прояснить на примере двух рядов слов: *смерить* и *смерть*; *померить* и *помереть*. Близость звуковых оболочек в этих рядах кажется совершенно случайной, пока не обратимся к разносистемным языкам, в которых звуковые оболочки иные, но близость или тождество звуковых оболочек в указанных рядах сохраняются. Это свидетельствует в пользу общности корней столь различных по своему значению слов.

Жесты страдальцев, проливающие свет на истоки медицинской семиотики, топографии, орнамента, живописи, театра, предельно выразительны. Они способны вызвать переворот в сознании даже у субъектов, практикующих убийство ради убийства. Об этом свидетельству-

ют откровения английского капитана *Джонсона*, который поведал о подстреленной им обезьяне. Эта обезьяна «вдруг остановилась, спокойно приложила руку к ране, покрытой кровью, и протянула её потом, чтобы показать мне. Я почувствовал такую жалость, что этот случай оставил во мне неизгладимое впечатление, и я с тех пор никогда больше не стрелял животных этой породы» [Цит. по Романэс, 1905, с. 142]. Манифестацию *ран* с использованием методов начертательной геометрии, черчения следует отнести к самым *ранним* повествованиям.

Начертательная геометрия – раздел геометрии, в котором объекты изучаются по их плоским изображениям – чертежам. Чертежом называют изображение предмета, построенное с помощью чертёжных инструментов или машины. В нашем случае в качестве машины выступают кисти рук. На них при захвате ран получают образмеренные изображения, которые можно рассматривать в качестве первых чертежей. Чертёж в настоящее время трактуется как язык техники. Начертательная геометрия служит грамматикой этого языка, так как она учит нас правильно читать чужие и излагать наши собственные мысли, используя в качестве слов геометрические образы. Эффективность начертательной геометрии предопределена тем, что лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. Без естественных чертежей невозможно постигнуть природу чертей рогатых и чертовщины, которые так богато представлены в сказках и мифах.

Начертательная геометрия занимается двумя основными вопросами:

1. Изучением методов построения изображений пространственных форм на плоскости.
2. Изучением пространственных форм по их плоским изображениям.

Для получения изображений используют метод центрального и плоскопараллельного проецирования точек предмета на картинную плоскость. При плоскопараллельном проецировании проецирующие лучи параллельны между собой. Именно плоскопараллельное проецирование реализуется при попытках зажать рану.

Рана, расположенная под рукой (до руки), является исходной типографией, которой человечество обязано сокровенной печатью, таблицами судеб, книгами мёртвых и т. д. Кровавые оттиски, орнаменты могут быть получены чисто рефлекторно, что свидетельствует об их глубокой древности. Вот как описывает этот жуткий процесс *Лукреций Кар* в своей поэме «О природе вещей»:

*Те же, которые с телом изгрызенном бегством спасались,
Голосом, ужас вселяющим, Оркуса мрак призывали
И прижимали ладони дрожащие к ранам, покуда
Жадные черви не освобождали несчастных от жизни*

[Лукреций Кар, 1933, с. 145].

Надо сказать, что Орка призывать в таких случаях совершенно излишне. Дело в том, что он под руками страдальцев. Убедиться в этом можно не прибегая к услугам оракулов.

При великом изобилии гипотез, истоки языка до сих пор не принято связывать с начертательной геометрией, печатным процессом. Игнорирование естественных форм **печати**, **прессы** исключает всякую возможность разобраться в исходных человеческих **впечатлениях**, в истоках **экспрессии**, а также увидеть естественные истоки геометрии, оценить её роль в становлении знаковых систем, в становлении медицинской семиотики. Изучение естественных форм печатного процесса создает реальные предпосылки для детального изучения истоков знакового общения, исходных форм сло-

весности. *Изучение этих форм позволяет увидеть самые древние знаки, книги, матрицы, стихи, кисти, красители, орнаменты, татуировки и т. д., осмысление которых потребовала не обработка камня, бронзы, железа, а сознательная забота о здоровье.*

Существуют образцы печатной продукции, свидетельствующие о глубокой древности печатных знаковых систем. К таким образцам относится, например, отпечатки рук на стенах пещер (рис. 23). Очевидно, что самые древние отпечатки подобного рода были получены с помощью естественного красителя — крови, породившей представления о сокровенной печати.

Сокровенная печать играет большую роль в диагностике. Мифы, фольклор многих народов говорят о существовании в глубокой древности удивительных книг, которыми пользовались врачеватели, волшебники, чародеи, звездочеты и т. д. Чудесные, гадальные, волшебные книги позволяли предсказывать судьбу, распознавать самые сокровенные тайны, менять облик, лечить людей простым наложением этих книг на раны, а также творить другие чудеса. Так, например, в русской сказке «Елена Премудрая» герой скрывается в волшебной книге, с помощью которой героиня пытается его отыскать [Афанасьев, 1984, № 167]. Есть

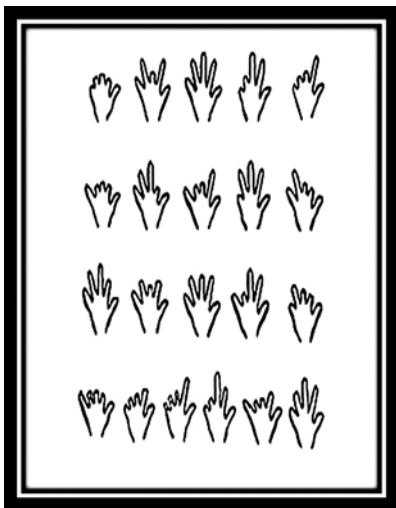

Рис. 23. Прорисовка отпечатков рук в пещере Гаргас (по Леруа-Гурану)

веские основания считать чудесные книги естественными масками, **лика**ми, **личинами**, с которыми связаны исходные формы **лекарств**, **лечения**, диагностики, а также исходные **величины**, позволившие оценивать размеры наших органов. Такими масками являются наши ладони, которые до сих пор используются во врачебной практике для манифестации больных органов, травм и породили семиотику, сметку, хиромантию, грамотность и т. д.

Волшебные (лечебные) книги позволяют останавливать кровь, умерять боль т. д. Вот как описывает обращение к подобной книге **Н.В. Гоголь** в повести «Страшная месть»: «Святой схимник перекрестился, достал книгу, развернул – и в ужасе отступил назад и выронил книгу.

– Нет, неслыханный грешник! Нет тебе помилования! Беги отсюда! Не могу молиться о тебе!

– Нет? – закричал, как безумный, грешник.

– Гляди: святые буквы в книге налились кровью. Ещё никогда в мире не было такого грешника!» [Гоголь, 1959, с. 184].

Исконная связь человеческих ран с прессой, экспрессией, таврением, творением, артистизмом, творчеством, отражающим нашу природу, может быть прослежена на примере самых разных языков. Так, например, в современном татарском языке:

яра – `рана`, `ранение`, `раневоу`;

ярлы – `раненый`, `имеющий рану`;

ярлык – `письменный указ`, `грамота хана`, `этикетка`, `ярлык`;

ярату – `создавать`, `создать`, `творить`, `создание`, `творение`

[ТРС, 1966, с. 712-719].

Не отрицает основополагающую роль отпечатков, проекций в познании природы и современная наука. Так, на-

пример, выдающийся английский философ и математик **Б. Рассел** (1872–1970) в своей книге «Человеческое познание: его сфера и границы» пишет: «Порядок познания является обратным по отношению к причинному порядку. В порядке познания первичным является кратковременный, субъективный опыт астронома, рассматривающего чёрные и белые пятнышки на пластине, а последним – туманность, обширная, отдаленная и принадлежащая далёкому прошлому» [Рассел, 2000, с. 27].

Кровавые оттиски, знаки чисто рефлекторно зализываются вместе с ранами. В работе «Проглоченное знание и этнический облик» **Я.В. Чеснова** говорится, что мифы об изначальной письменности, которая была съедена или смыта, широко бытуют у множества бесписьменных народов, а также у народов, которые недавно приобщились к ней. Так, например, семанги Малакки, низкорослые, негроидного рода охотники и собиратели первобытных лесов, которых традиционно приводят на страницах учебников, повествующих о начальных этапах человеческой культуры, твёрдо убеждены в том, что их предки знали письменность [Чеснов, 1990, с. 173].

Миф об утраченной письменности бытует в разных культурах. Он встречается у земледельцев, у классических охотников и собирателей. **Чеснов** сообщает, что в Юго-Восточной Азии существует сплошной ареал бытования этого мифа. Так, например, дафла, горцы восточной зоны Гималаев, рассказывают: «Мы получили нашу долю кожи, на которой была записана мудрость мира, но в голодное время мы её съели, а люди равнин свою часть сохранили» [Там же. С. 170]. Он также пишет, что мяо из Юго-Западного Китая сохранили предание о том, что они некогда жили по соседству с китайцами. Последние были сильнее, чем мяо и заставили

их уйти на запад. В то время у мяо была иероглифическая письменность. На пути мяо оказалось обширное пространство воды, и они остановились перед преградой. Лодок у них не было. Мяо заметили, что водяные жуки ходят по воде и захотели последовать их примеру. Конечно, мяо оказались в воде, они чуть не утонули, наглотившись воды. Вместе с водой они проглотили свои иероглифы [Там же. С. 172].

В.В. Иванов и **В.Н. Топоров** в статье «Кетская модель мира» сообщают, что обнаружили в языке кетов комплекс «читать» – «писать» – «бумага» при полном отсутствии следов современной письменности, за исключением пиктографии [Иванов, Топоров, 1972, с. 102].

Согласно народным преданиям, издревле у удмуртов была книга, в которой тамгами было написано, как молитвы творить, как порядок править. Исходная грамота была съедена. С тех пор удмурты знали одну тамгу, которой помечали свою собственность [Чёрный хлеб..., 1990, с. 125].

Несмотря на многочисленные сказания о скушанной грамоте, нет ни малейших оснований считать, что она может быть утрачена или забыта. Дело в том, что она воспроизводится чисто рефлекторно и не может потерять своей жизненной значимости. **Исследователи, говорящие о дописьменном этапе в истории медицины, допускают серьёзное прегрешение против истины.**

Обнаружить чудесную книгу предельно легко. Дело в том, что сложенные определенным образом ладони до сих пор означают у самых разных народов почитание, причитание. Чудесные книги не хранятся на пыльных полках библиотек, они всегда с нами, они всегда актуальны. Уже малые дети регулярно пользуются этими книгами, чтобы хныкать, а заботливые мамы используют естественные (чудесные) книги для приобщения своих чад к диагностике, счёту, ло-

гике и т. д. *Все великие математики и логики учились считать, мерить, намереваться, думать не без помощи чудесных книг.*

Сетки, верши из пальцев, прижатые к телу, крайне выразительны. Именно эти геометрические структуры издревле ассоциировались с позой, поэзией, **стихами, виршами**. Таким образом, складывание **од** изначально осуществлялось путём сложения органов. Следует заметить, что в славянских языках **уд, оудь** `часть (тела), член` [Фасмер, 1973]. Естественные **шкалы** позволяли **скальдам** слагать стихи (исходные геометрические структуры) молча. Любые попытки постигнуть исходную словесность, исходную образность, игнорируя геометрию, её естественные истоки, не смогут выдержать критики.

Естественный **стих** (координатная сеть) может нападать на нас чисто **стихийно** и характеризовать наше внутреннее состояние предельно выразительно, что крайне актуально для диагностики. Именно рефлекторный **стих** породил представление о **стихии**, о повелителях этих стихий – божествах. Именно об этой стихии, об этом **мерном** устройстве говорится в древних сказаниях, в которых и **смерч**, и **смерть** – живые персонажи, борьба с которыми далеко не безнадежна. Разумеется, перипетии этой борьбы, так красочно описанные в сказке, мифе должны осмысливаться, прежде всего, историками медицины, а не книжниками.

К подлинной поэзии (позе) мы часто прибегаем, когда не хватает звуковых (безобразных) слов или они кажутся неубедительными. Эта поэзия порождена геометрическими структурами и порождает геометрические структуры. Мифологические системы самых разных народов приписывают истоки письменности и поэзии божествам. Способность божеств порождать сетки-стихи, сетки-стихии не может вы-

зывать сомнения. Естественные шкалы, сети-соты породили представление о мёде поэзии, который хранился в «сталкивающих скалах» [МНМ, 1992, с. 127]. Изучают эту поэзию врачи, а не книжники.

Пясти (**па`сти**) формируют **сети**, предназначенные не для рыболовства. При ручном мышлении они являются идеальными мысленными категориями. Эти мысленные категории позволяют схватывать и постигать самые разнообразные явления и процессы. Они играют фундаментальную роль в геометрических построениях, связанных с описанием исходного универсума, исходного Слова, исходной словесности. С пятами (пастями) связаны не только исходные представления о небе (нёбе), но и сказания о Небесной книге, о начальном пребывании этой книги на небесах. У поголовно неграмотных цыган в «сказках (и песнях тоже) встречается довольно своеобразный зачин: герою с неба падает книга, в которой он находит предзнаменование» [Сказки цыган СССР, 1991, с.14].

В чудесной книге отразилось устройство рукотворной Вселенной, все её сокровенные тайны. Такого рода книги отражены в мифах и сказках самых разных народов. В иудейском мистическом трактате «Книга творения» говорится о том, что мир состоит из чисел и букв. «Старшая Эдда» древних германцев сохранила представление о том, что руны (сильнейшие знаки), были созданы богами и вырезаны Одином, чтобы узнать тайны мира.

Образ небесной книги был распространен на древнем Ближнем Востоке. Центральная небесная книга для ближневосточной традиции – Таблицы судеб. Таблицы судеб определяли движение мира и мировых событий, поскольку служили в качестве календаря. В аккадской космогонической поэме «Энума элиш» ими первоначально владела Тиамат,

затем Кингу и, наконец, Мардук. В греко-римской культуре также упоминаются божественные письмены, хранящие записи судеб, а также встречаются указания о том, что грехи людей записаны и открыты богом [Коер, 1952].

В русском фольклоре нашла отражение Голубиная или Глубинная книга, которая выпала из тучи. Голубиная книга является высшим Знанием об исходных и потому священных первоначалах космоса и человеческого общества, являющегося его уменьшенным отражением. Эта книга издревле раскрывала перед своими слушателями тайное знание о происхождении мира (природного и социального), о его сущности, о появлении в нем добра и зла, другими словами, содержала в себе все мудрости вселенские. Все варианты стихов о «Голубиной книге» с большими или меньшими вариациями дают впечатляющую картину возникновения Вселенной из антропоморфного тела Первобожества, заменяемого впоследствии христианским богом.

Рефлекторный захват большого органа посредством естественных мер породил представление о мертвой хватке. Так, например, в татарском языке сохранилось выражение *үлекләр тотта* – «мертвые хватают». По всей видимости, этот процесс породил и исходные представления о Книге мертвых. В оккультной литературе до сих пор упоминается загадочная книга Тотта. **Р.И. Рубинштейн** в статье «Тот» пишет, что в египетских мифах всеведающий бог Тот именуется «создателем языков»; в некоторых текстах говорится, что «он управляет всеми языками»; иногда Тотта называют языком бога Птаха – бога-демиурга, который создал весь мир, «задумав творение в сердце своем и назвав задуманное языком» [Рубинштейн, 1988, с. 345].

В погребальных ритуалах Тоту отводится главная роль: он ведёт каждого на тот свет. Божество Тот научил людей

мудрости, счёту, письму. При счёте на пальцах в качестве указателя традиционно используется большой палец руки. Он играет активную роль и при мертвой хватке, и при удержании пера. Это дает веские основания для отождествления лунного бога Тота с лункой на большом пальце правой руки. Следует отметить, что бога Птаха египтяне изображали в виде человека в одеянии, которое скрывает всё, кроме кистей рук.

В Греции с Тотом сближали вестника богов Гермеса, который также считался проводником в мир иной и родоначальником тайного, (т. е. герметического) знания. Если внимательно присмотреться к древним скульптурам и рисункам Гермеса (Меркурия), то можно заметить, что их главными фигурантами являются пальцы рук (рис. 24). На рис.

Рис. 24. Гермес. Бронза
ок. 340 до н. э. Афины,
Национальный музей

25 приведена скульптурная композиция, демонстрирующая, как Гермес и грации (хариты) советуют пациенту, склонившемуся перед Асклепием, объединить левую и правую руки для манифестации больного места. Есть все основания считать, что харизматичные хариты самым непосредственным образом связаны с первозданными харями – естественными картами. Дело в том, что в целом ряде языков (например, в арабском) *харита* – карта [АТРС, 1965].

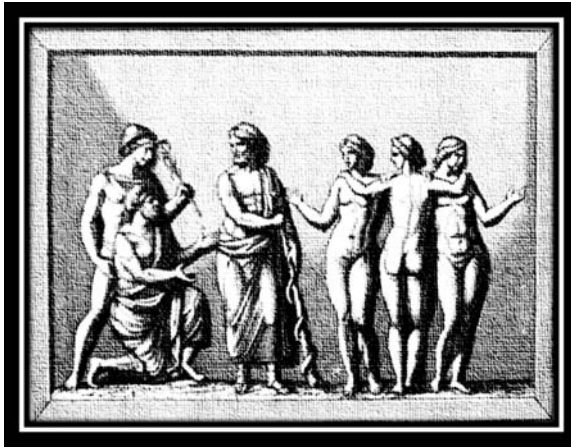

Рис. 25. Эскулап, Гермес, пациент и грации. Мраморный барельеф

Пять наших пальцев породили не только первые пятна, но и широчайший спектр понятий, связанных с **патовой** ситуацией, **патогенезом**, **патетикой**, **апатией**, **симпатией**, **пытками**, **опытом**, **патентованием** и т. д. Видно, что осмысление, упорядочивание жизненно важного опыта изначально происходило системно, в формах, которым присуща универсальность. Конкретизировать эти формы пытались *Д. Юм*, *И. Кант*, *Э. Кассирер*, однако чистое умозрение не позволяет реконструировать первые меры, первые мироздания, первые универсумы, первые мыслительные системы. Не догадки философов, а наши рефлексы способны пролить свет на истоки рефлексии, отражения наших внутренних состояний в упорядоченной и очевидной системе предельно абстрактных, предельно очевидных геометрических категорий. Рефлексы, лежащие в основе медицинской семиотики, позволяют воочию увидеть, как наши руки формируют первые геометрические структуры, которые позволили нашим предкам не только прочувствовать, но и осмыслить свою и

чужую боль. *Разобравшись в себе, постигнув самый сложный объект во Вселенной, наши обезьяноподобные предки сделали столь фундаментальное открытие, что всё новое всегда будет феноменальной пошлостью или давно забытым старым.*

Обращение к структурам, констатирующим человеческую конституцию, крайне важно при осмыслении истоков человеческого сознания, самосознания, всей человеческой истории. Классики марксизма были глубоко правы, когда писали в «Немецкой идеологии»: «Первая предпосылка всяческой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение к остальной природе» [Маркс, Энгельс, 1985, с. 14]. Сокровенная печать, начертательная геометрия, идеальные построения, метод координат обеспечивают такую констатацию. Они лежат в основе медицинской семиотики, медицинской топографии и позволяют постигать фундаментальные проблемы людей независимо от их пола, расы или нации.

Универсальный общечеловеческий язык не только упоминается в мифах, но и породил мифические и сказочные универсалии, истоки которых традиционно пытаются осмыслить без опоры на общечеловеческий язык, без попыток его реконструкции. В своей книге «Забытый язык. Введение в науку понимания снов, сказок и мифов» видный немецкий психолог, философ и социолог **Э. Фромм** (1900–1980) напоминает о языке символов, с помощью которого внутренние переживания, чувства и мысли приобретают форму явственных осязаемых событий внешнего мира. Это единственный универсальный язык, изобретённый человечеством, единый для всех культур во всей истории. Это язык со своей собст-

венной грамматикой и синтаксисом, который нужно понимать, если хочешь понять смысл мифов, сказок и снов [Фромм, 1992, с. 183]. *Именно этому языку чаще всего стремятся приписать отсутствие системы, членораздельности исследователи, ограничившие свою компетентность областью звуковых языков, которые не способны породить формы осязаемых событий внешнего мира, не могут вытеснить естественный язык геометрии, являющийся исходным языком медицины, языком гуманизма, языком производства, языком подлинной науки.*

Есть все основания утверждать, что исходные человеческие впечатления, нашедшие отражение в исходном языке, неразрывно связаны и с истоками изобразительного искусства. Отпечатки рук породили татуировку, обычай наносить на тело образы мифических тотемных существ, образы мифической Вселенной и т. д. Со временем, когда люди стали прикрывать своё тело одеждой, возник обычай наносить подобные образы на одежду. Древний обычай воспроизводить образы тотемов, мифологического космоса на одежде сохранился у шаманов.

Пальцы, зажавшие **рану**, способны воспроизвести самый **ранний орнамент**. Есть множество оснований полагать, что в основе орнаментального искусства лежит печатный процесс и исходные орнаменты воспроизводятся чисто рефлекторно при захвате раны естественными геометрическими структурами. Археологи располагают богатой коллекцией печаток, посредством которых наносились узоры на тело. Татуировка, которая столь распространена в первобытных сообществах, подчас потрясает своей сложностью, художественным совершенством.

Печатались наши предки и на стенах пещер. В высшей степени наивно рассматривать охру в качестве исходного

красителя. Она издревле использовалась для замены древнейшего человеческого красителя – крови. С помощью крови и естественной кисти (руки) можно получать очень яркие и запоминающиеся образы, которым может действительно приписываться древность.

На стенах пещер с палеолитической живописью часто встречаются отпечатки кистей рук. Впервые изображения рук были найдены в начале XX в. в пещерах Франко-Кентабрии (Альтамира, Гаргас, Кастильо и др.). Эти изображения сделаны в основном двумя способами: «негативным» и «позитивным». Первые названы так потому, что имеют вид отчётливого негатива кисти, окружённого «облаком» точек красного или чёрного цвета. Вторые – представляют собой простые отпечатки кисти руки, полученные прикладыванием к поверхности скалы ладони, обмазанной краской. Некоторые из них отличаются тем, что отдельные пальцы их укорочены так, будто крайние фаланги подогнуты (скрючены). Зверская боль способна породить такого рода образность. Именно загибание пальцев привело к изначальной оцифровке исходного универсума и сыграло огромную роль не только в становлении арифметики, метода координат, играющих важнейшую роль в диагностике, медицинской топографии. Есть все основания полагать, что «позитив» воспроизводит поверхность руки, прижатую к ране, а «негатив» – её тыльную сторону.

Убедительные факты, свидетельствующие о знаковом характере отпечатков рук, опубликовал испанский археолог *С.Р. Лопес*. Вместе с *Э. Перелло* и *И. Жиральдо* он провел специальное исследование отпечатков рук в пещере Мальтравьезо (Эстремадура, запад Испании) при помощи съёмки изображений в инфракрасной и ультрафиолетовой зонах спектра. Оказалось, что фаланги некоторых пальцев были

закрашены тем же пигментом, который был использован для нанесения трафарета [Lopez, Perello, Giraldo, 1999]. Эти исследования ставят под сомнение гипотезы о намеренной ампутации фаланг и направляют мысль исследователей в сторону других объяснений.

Существует точка зрения, согласно которой полученные таким простым способом изображения относятся к древнейшим попыткам что-то запечатлеть. В большой и богато иллюстрированной книге *Г. Люке* «Искусство и религия ископаемого человека» сформулирована так называемая «гипотеза руки». Согласно этой гипотезе, «рука» была изначальным прообразом всего искусства эпохи верхнего палеолита [Luket, 1926]. Эта гипотеза получила широкую поддержку у исследователей. Так, например, *А.С. Гуцин* в своей книге «Происхождение искусства» полагает, что отпечатки рук выявляют «исторический процесс зарождения и начального развития искусства», как «одну из сторон общего процесса развития человеческого сознания» [Гуцин, 1937, с. 78–79]. Именно образ человеческой руки, по мнению *Гуцины*, был особо важным для человека в осознаваемой им действительности.

Образ белой руки на красном фоне или образ красной ладони с подогнутыми пальцами, по всей видимости, изначально ассоциировался со смертельной или зверской болью. На юге Аргентины в долине реки Пинтурас (Pinturas) есть Пещера рук. Известна она благодаря археологическим находкам, сделанным в ней. Прежде всего, это настенные рисунки и негативные изображения человеческих рук, самые старые из которых датируются девятым тысячелетием до н. э. Запечатлены в основном левые руки, причём руки мальчиков-подростков. Это позволяет предположить, что нанесение изображения своей руки входило в обряд ини-

циации. Мальчик, становясь взрослым, должен был оставить контур своей руки в этом священном месте. Среди изображений руки попадают и рисунки зверей. По всей видимости, обряд инициации, во время которого мальчиков побуждали посещать мрачную пещеру и наносить образ руки на красном фоне или просто оставались красные отпечатки ладоней, символизировал способность мальчиков-подростков переносить зверскую боль, не бояться зверской боли.

Со временем зверская боль стала ассоциироваться не с человеческой окровавленной пястью (пастью), а с образами обычных страдающих животных. Подобного рода изображения получили широкое распространение и достигли высочайшего совершенства. Они изображались не только на стенах пещер (рис. 26), но и в виде блях (рис. 27), а также татуировок (рис. 28). Эти изображения позволяли манифестировать способность преодолевать зверскую боль, страх перед смертью. Связь бляшек с болячками нашла отражение и в звуковых языках.

Рис. 26. Раненый бизон. Живописное изображение в Альтамирской пещере

Рис. 27. Элемент скифо-сакской поясной пряжки.
Сибирская коллекция Петра I

Язык жестов позволяет понимать смысл многих древних рисунков. Так, например, наскальный рисунок, приведённый на рис. 29, наглядно напоминает, что именно наши пальцы смогли обозначить плечи, плети, плюсны, полюсы, фаллосы, волосы и т. д. Использование геометрической образности (включая сеть) при описании человеческой телесности отражено на рис. 30, 31.

Древнее семантическое поле понятия «рука» еще больше уг-

Рис. 28. Когтящие звери.
Татуировки мумий знатных скифов из Пазырыкских могильников на Алтае

Рис. 29. Наскальные рисунки человека каменного века (Испания)

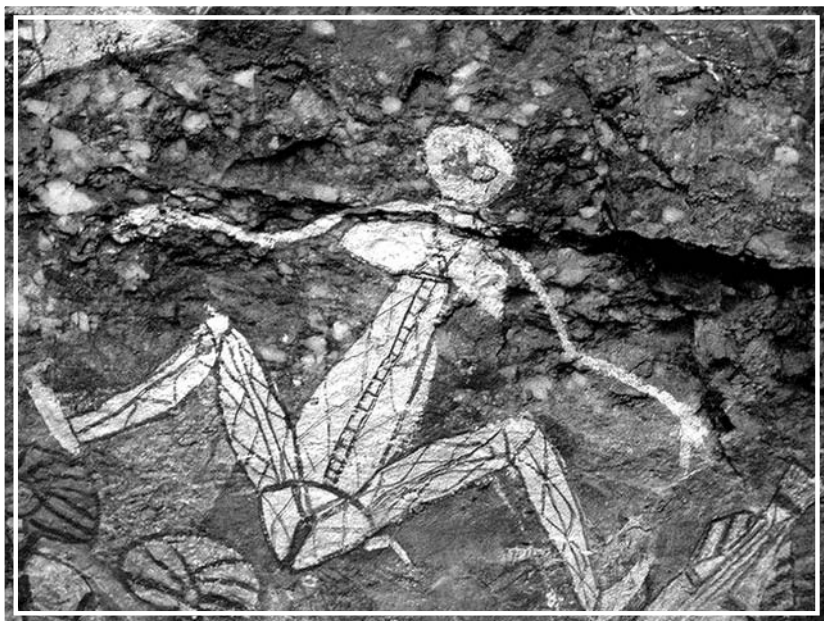

Рис. 30. Наскальный рисунок (Австралия)

дубляется и выявляет новые смыслы при обращении к фольклору и мифологии на индоевропейских языках, а также к ритуальной практике. Рука обретает там фаллическую символику, а также соотносится со словами «рот», «дышать, дух», «человек», «слово, звук», «время, протяженность во времени», «судьба», «жизнь» и «смерть». Она может символизировать Мировой разум, божественную силу, небо, число, олицетворяющее

Рис. 31. Золотой телец.
Реконструкция В.А. Воронцова

Вселенную, а также соотноситься с понятием бога [Маковский, 1996, с. 280–281]. Наконец, считалось, что рука зряча, что она может видеть [Там же. С. 282]. Рука врачевателя действительно способна воспринимать и оценивать геометрические структуры, порождённые руками пациентов. Очевидно, что именно рука (тотемное существо) первая обзавелась очами и очками, которые входили в круг медицинских математических терминов. Око издревле обожествлялось, поскольку было подателем всех благ. Изобразив с помощью пальцев **зеро** (нуль), можно обнаружить первый орган **зрения**, первое **око**, первые **веки**, первые **вехи**. **Очи** изначально были центрами силы. Они могли **очень** сильно удерживать. Поскольку органы зрения изначально располагались в пясти (пасти), очами можно было пожирать. Не стоит удивляться тому, что слова *еда* и *единица* созвучны.

При счёте на пальцах происходит захват единиц в ту или иную пясть (пасть).

Сеть естественных математических категорий позволяет **схватывать**, структурировать всё и вся, постигать внутренние, сущностные силы явлений и процессов, а также интегрировать всё и вся в рамках единой парадигмы. На актуальность этой потенции человеческого языка обращает внимание в своих работах семиотик **А.Д. Кошелев**. Так, например, в работе «О протоязыке и его трансформации в человеческий язык (лексико-семантические аспекты)» он с полным основанием пишет о качественном скачке, который обеспечивается человеческим этапом в развитии знаковых систем: «Одно из основных когнитивных проявлений нового этапа развития выражается, на наш взгляд, в появлении у человека способности, с одной стороны, дифференцировать целостные явления окружающего мира (предметы, действия, качества), выделяя в них дискретные составляющие (компоненты, части), а с другой стороны, объединять эти дискретные составляющие, а также целостные явления в новые, интегрированные целостности, создавая тем самым (ментальные) объекты, действия и качества, которых нет в непосредственно воспринимаемом мире. В результате у Homo sapiens наряду с прежним, целостным представлением мира, имевшим место до креативного взрыва, теперь появляется ещё одно – дискретное и системное представление мира. Такое качественное усложнение картины мира открывает креативному человеку огромные возможности в осмыслении и интерпретации воспринимаемых явлений, в построении сложных умозаключений и планов [Кошелев, 2011, с. 163].

Предложенный взгляд на генезис языка, его роли медицине, в культуре чувств, мыслительного процесса согласует-

ся с культурно-исторической концепцией развития высших психических функций **Л.С. Выготского** [Выготский, 1960], которая представляет синтез учения о природе и учения о культуре. Психические, данные природой, натуральные функции в процессе развития могут становиться культурными: механическая память становится логической, ассоциативные представления преобразуются в творческое воображение, мышление. Это развитие обеспечивается в ходе общения между людьми.

Выводы: *протоязык сложился на основе рефлекторного проецирования ран, органов на естественную координатную или мерную сетку, составленную из пальцев рук страдалцев. Осмысление и введение в культуру этой знаковой системы создало условия для становления медицинской семиотики, медицинской топографии. Геометрическое моделирование позволило осмысливать жизненно важные проблемы человека в предельно наглядных, предельно абстрактных и строгих математических представлениях, которые сложились задолго до появления звукового языка. Естественные геометрические модели породили представления о маете, мате, мете, примете, разметке, математике, которые оказались предельно актуальными при осмыслении проблем, связанных с человеческой телесностью, а также введении в культуру заботы о здоровье.*

Г л а в а 4
ИСХОДНЫЕ ФОРМЫ ПРИОБЩЕНИЯ
К ПРОТОМЕДИЦИНЕ, ИХ РОЛЬ В
АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ,
А ТАКЖЕ ОТРАЖЕНИЕ ЭТИХ ФОРМ В
ВОЛШЕБНОЙ (ЛЕЧЕБНОЙ) СКАЗКЕ И МИФЕ

Береги платье снову, а здоровье смолоду.

Русская пословица

**4.1. Исходные формы приобщения к протомедицине
и их роль в антропосоциокультурогенезе**

Процесс приобщения к медицине может иметь случайный или целенаправленный характер. Случайно заболевший и самостоятельно излечившийся человек часто мнит себя светилом в область борьбы с заболеваниями подобного рода и склонен засыпать советами всех, кого «наказал господь» подобной болезнью. Известный российский этнограф **Я.В. Чеснов** (1937—2014) в книге «Телесность человека: философско-антропологическое понимание» пишет: «В причерноморской части Кавказа среди грузинского (мегрельская этногруппа) и абхазо-адыгского населения заразные болезни типа оспы, кори и коклюша воспринимаются как приход духов, именуемых «господами» (батонеби по-

грузински, анца по-абхазски, другое абхазское название – аршишра происходит от глагла аршра – “кипеть”). Приход «господ» – это знак избранничества. Люди, переболевшие “господами”, отмечены особым статусом: они лечат новых заболевших, хоронят жертв таких болезней, часто становятся предсказателями и гадателями» [Чеснов, 2007, с. 134]

Процесс приобщения к медицине может быть осознанным. Среди осознанных форм приобщения к медицине следует обратить внимание на наиболее архаичные, которые стоят у самых истоков введения в культуру заботы о здоровье. Процесс введения в культуру заботы о здоровье не мог начаться без введения в культуру второй сигнальной системы, моделирующей наши внутренние состояния – первую сигнальную систему. Среди моделей, отражающих наши внутренние состояния, особо актуальны для медицинской семиотики геометрические модели, отличающиеся выразительностью и содержательностью. С этими моделями – **лика́ми (личинами)**, накладываемыми на тело и манифестирующими **лихо, лишения**, связаны истоки **лечения, лекарства**. Факты свидетельствуют, что процесс введения в культуру геометрических моделей и приобщения к сознательной заботе о здоровье начинается задолго до того, как ребёнок освоит звуковой язык и научится ходить. Этот процесс **АБСОЛЮТНО** не изучен исследователями, хотя он играет *фундаментальную роль не только при осмыслении истоков медицины, но и при осмыслении антропосоциокультурогенеза*.

Ведущую роль в процессе приобщения к протомедицине играет мать. Именно мать практически с первых дней приучает ребёнка пользоваться осмысленно естественной координатной системой, позволяющей постигать существенные, внутренние проблемы, связанные с функционированием

организма. Добившись понимания своих внутренних состояний, а также сочувствия, сострадания, мать получает возможность культивировать не только медицинскую семиотику, топографию, но и человека, культурный социум – общество.

В процессе приобщения младенца к рукотворной координатной системе (лику, личине) и её проецированию на тело (оборотничеству) можно выделить **шесть** последовательных этапов, играющих фундаментальную роль в становлении медицинской семиотики, медицинской топографии, в психогенезе, социогенезе, культуругенезе. **Именно этот процесс** предельно наглядно демонстрирует неразрывную связь языка математики с медицинской семиотикой и топографией, с культурой чувств, с культурой мышления, без которых не может быть осмысленной заботы о здоровье. Именно этот процесс, осуществляемый изначально посредством жестов, следует считать подлинной сказкой (показом), которая лежит в основе звуковой сказки, мифа, обряда, искусства, осмысление которых вне истории медицины не представляется возможным.

На первом этапе приобщения к диагностике мать просто закрывает своё лицо руками (естественной маской), а потом открывает к великой радости младенца. Аналогичные операции она проделывает и с руками ребёнка: «полетели-полетели, на головку сели». Подобное использование естественной маски (лика, личины) позволяет манифестировать не только ликование, но и лихо, лишения.

Второй этап протекает в форме игры в прятки («тю-тю»): мать закрывает лицо руками и побуждает ребёнка отыскивать его под рукотворной маской.

На третьем этапе мать посредством рукотворной геометрической структуры (маски, чары, личины) начина-

ет моделировать свои внутренние состояния: боль, обиду, мёртвый сон, смерть, а также побуждает ребёнка вступать в силовую борьбу с её **пястями** («**пастями**»), **горстями**, символизирующими **напасти**, **горести**, смерть, злые чары, обидчиков, похитителей, поглотителей, людоедов, великанов, богов, злых духов и т. д. Геометрические **построения**, символизирующие **настроение**, знакомят младенца с различного рода «чудо-вещами», чудовищами, чудесными помощниками, советчиками, в роли которых выступают материнские руки. Успешное освобождение материнского лица от чудовищ, злых чар, похитителей, поглотителей, победа молодых героев над старыми божествами сопровождается бурным восторгом матерей и чувством маленьких героев. Этот восторг вызван пониманием того, что в ребёнке пробудился человек, способный понимать её состояния, построения, а также сочувствовать ей.

На четвёртом этапе мать посредством маски начинает манифестировать ребёнку связь между её внутренними состояниями и окружающей действительностью, вызывая у ребёнка подобные чувства и аналогичные реакции. Это позволяет приобщить ребёнка к технике безопасности, к социальным нормам поведения, а также к умению не только понимать, но и выражать свои внутренние состояния посредством геометрических структур.

На пятом этапе мать, надавливая на пальцы страдающего ребёнка, молча показывает, каким образом, используя естественную координатную или мерную сеть, можно определить эпицентр боли, её границы, а также размеры поражённого участка.

На шестом этапе происходит оцифровка естественных геометрических структур посредством пальцевых игр, пальцевого и звукового счёта. В ходе этих игр ребёнок детально

знакомится со сказочными существами, с их повадками, с их языком.

Очевидно, что процесс приобщения ребёнка к геометрическому моделированию внутренних состояний (оборотничеству) невозможно абстрагировать от процесса становления медицинской семиотики, медицинской топографии, а также от психогенеза, социогенеза, культурогенеза, поэтому истоки медицины невозможно рассматривать вне контекста антропосоциокультурогенеза.

4.2. Отражение процесса введения в культуру протомедицины в звуковой волшебной (лечебной) сказке и мифе

Воспитательная программа, традиционно реализуемая матерями в ходе сознательного приобщения детей к протомедицине посредством показа, жестовой сказки, нашла детальнейшее отражение в звуковой волшебной сказке, мифе, обряде. В сказках, мифах, обрядах отражено начало человеческого бытия, неразрывно связанное с сюжетными ходами жестового показа, жестовой сказки. Во многих сказках подчёркнуто, что действие происходит в незапамятные времена. Эти времена не помнит младенец, но прекрасно помнит его мать, поэтому «бабьим» сказкам следует верить.

Во многих сказках, мифах подчёркнут юный возраст героев, отправляющихся совершать сказочные подвиги (герою может быть всего несколько дней от роду). Практически любая проблема ставит сказочных героев в тупик, вызывает у них слёзы, побуждает пользоваться чужими советами, прибегать к помощи всякого рода учителей, помощников.

Многие сказочные герои (как и мы в младенчестве) не приспособлены к труду и обладают предельно низким ин-

теллектом. «У Ахмеда была старая мать, и жили они в маленькой хате. Он был настолько ленив, что ел только тогда, когда прохожие клали ему пищу прямо в рот; если же они этого не делали, он оставался голодным» [Азербайджанские сказки, 1947, с. 132]. Ахмед зачастую забывал даже своё имя. «Было то или не было, а у одной женщины было три сына и дочь. Самый младший из сыновей был немного придурковатый и целый день только и делал, что катался в золе» [Турецкие народные сказки, 1939, с. 174]. Во всех приведённых случаях герой характеризуется как существо абсолютно никчёмное, что, впрочем, не помешает сказочным и мифическим гипертрофированным дурачкам, замарашкам совершать такого рода подвиги, которые вызывают бурный восторг и умиление у окружающих. Так, например, младенец Геракл сумел расправиться со змеями, которые поселились в его колыбельке. Материнские **жмени** позволяют увидеть и этих **змей**, и эту колыбельку.

В основе сюжета волшебной (лечебной) сказки чаще всего лежит повествование о преодолении потери или недостачи при помощи чудесных средств или волшебных помощников. В экспозиции сказки присутствуют обычно два поколения: старшее и младшее. В сказке регулярно происходят отлучка или смерть представителей старшего поколения.

Завязка сказки состоит в том, что главный герой или героиня обнаруживают исчезновение любимого лица или другую форму беды, вызванной нарушением запретов, непослушанием. Это знаменует начало противодействия, то есть отправка героя на поиски пропавшего лица, пребывающего у чудовищ, разбойников, в царстве мёртвых и т. д.

Кульминация волшебной сказки заключается в описании того, как главный герой или героиня сражаются с бесконечно более сильными чудовищами, похитителями.

Развязка повествует о том, как герои разрушают злые чары, царства смерти, а также выпускают из подземелий, темниц, загробного мира на свет божий любимые лица: матерей, сестёр, братьев, невесток, красавиц. Обычно герой (героиня) в конце приобретает более высокий социальный статус, чем он был в начале.

Притворство, манифестация смерти, мёртвого сна старшими привели к тому, что учителями в сказках, мифах регулярно выступают умершая мать, умерший отец и другие покойники. Чтобы сойти в сказочную могилу (мглу) достаточно прикрыть лицо руками. Естественная мерка является мраком сказочной могилы. По вполне объяснимым причинам сказочные могилы изначально могли раскрываться, а покойники появляться на свет. Если сдёрнуть естественный саван с покойника насильно, или снять с пальца кольцо, то он может потребовать их обратно. Повадки живых покойников детально освещены и в сказках и в мифах. Эти выходцы из могил играют фундаментальную роль в приобщении к геометрическому моделированию, к медицинской семиотике и топографии.

В сказках, балладах, легендах различных народов мира герои часто приходят на могилу к матери, чтобы услышать её совет. Попадаются и герои, которые воспитываются в могиле матери, например, главный герой тюркского фольклорно-эпического сказания Гур-оглы. Матери продолжают кормить своих детей, даже будучи замурованными в стены, скалы (шкалы естественной системы координат) и детям доступны лишь их груди. Они могут помочь советом детям, даже обернувшись растениями. Чтобы обернуться в **яблоню** или **грушу** посредством естественной маски, матери достаточно прикрыть лицо рукой и сказать: «**Я больна, я грушу**».

В сказках отцы также используют сказочную могилу, чтобы воспитывать сочувственное отношение к себе. Погрузившись в могилу, они требуют, чтобы дети оказывали им знаки внимания. В татарской сказке говорится: «Заболел однажды отец. Призывает он сыновей и даёт такой наказ: “Как схоронят меня, приходите ко мне на могилу, откараульте три ночи. Есть у меня три сундука. Кто придёт на могилу, тому и владеть этими сундуками”» [ТНТ, 2001, № 7].

О том, что смерть отца мнимая, догадываются старшие дети. Младшие искренне верят, что отец заснул вечным сном. Они приходят к могиле, которая скрывает любимое лицо. В зависимости от отношения к ней, эта могила может трансформироваться в чудовище, в чудо-вещи, в сказочных животных, которые могут покатаь младенца, наградить его.

Надо сказать, что отправляться на борьбу с несравненно более сильными противниками маленьких героев чаще всего побуждает **мать их**, которая приняла во многих сказках образ злобной **мачехи (маски)**. К воспитательному процессу матери привлекают и других членов семьи, поэтому в затруднительном положении герои зачастую оказываются без помощи своих ближайших родственников: отцов, братьев, сестёр, которые посылают младенцев на верную смерть: заводят в непроходимую чащу, отдают их на съедение людоедам, чудовищам. Жертвой подобного поведения родителей выступает, например, мальчик с пальчик и его братья, заведённые в непроходимую чащу к людоеду. **Дюжина углов** на четырёх согнутых смежных пальцах позволяет увидеть сказочные **джунгли**, а также понять математическую природу сказочного леса, без посещения которого невозможно постигнуть азы математики, азы диагностики. Сказочная чаша, является также Чашей терпения – естественным терапевтическим средством, без осмысления которой

невозможно осмыслить прототерапию. С этой чашей, с этой чашей связаны также лесные и другие чары, которые могут нападать на человека.

Младший брат в мифах и сказках регулярно оказывается в безвыходном положении по вине своих старших братьев. В подобной ситуации оказался, например, Ивашко – герой русской сказки «Три царства – медное, серебряное и золотое», который на ремнях (раменах) спускался в пропасть и отыскал в пропасти невест для своих братьев. Коварные братья оставили его в пропасти, и он был вынужден самостоятельно выбираться из неё. Пара пястей позволяет обнаружить пропасти, в которых скрываются не только невестки, любящие играть с младенцами в прятки, но и различного рода многоголовые чудовища, сторожащие красавиц.

Наши руки позволяют продемонстрировать лабиринт, содержащий большое количество замкнутых помещений – естественную координатную систему (рис. 1), а также Минотавра, который ничем не отличается от Золотого тельца (рис. 31), на которого все молятся. Мудрые греки не без умысла посылали своих детей на съедение к Минотавр у – естественному ментору. Борьба с ним не столь опасна, как принято думать. Каждый читающий эти строки много раз побеждал это чудовище, причём в самом раннем детстве, а также постигал устройство лабиринта – естественной геометрической структуры, которая символизировала и символизирует тупик, безысходность, смерть.

В сказках воспитанием детей иногда занимаются специальные учителя. **В.Я. Пропп** в своей книге «Исторические корни волшебной сказки» по этому поводу пишет: «Казалось бы, что это – вполне реалистический элемент, и действительно, герой иногда (особенно в немецких сказках) возвращается ловким мастером какого-нибудь ремесла, но

чаще ни фигура учителя, ни обстановка, ни способы учения, ни приобретённые знания нисколько не похожи на историческую действительность XIX века, но очень походят на историческую действительность весьма далёкого прошлого» [Пропп, 1986, с. 103]. Действительно, учителями в сказках часто являются животные, лешие, водяные, колдуны, мертвецы, дьявол, загадочные старики, которые учат оборотничеству, языку животных и т. д.

Чтобы увидеть водяного, который выскакивает из водоёма, хватает папашу за бороду и побуждает его отдать сына в науку, достаточно хлебнуть холодной воды из ладоней при наличии зубов, которые чувствительны к холоду. Водяной, обитающий в этом рукотворном водоёме, немедленно схватит экспериментатора за подбородок. Этот водяной с большой готовностью обучит оборотничеству любого.

Притворство способствовало тому, что сказочные учителя пребывали зачастую в мире ином, за морем, за рекой, под водой, под землёй. Иногда подобный учитель являлся из могилы, если сказать «ох» [Афанасьев, 1985, № 251]. «За морем учит один учитель разным наукам» [Худяков, № 94]. «За Волгой, в городе такой был мастеровой человек, учил разным языкам и разным изделиям, и всячески он может оборотиться» [Садовников, 1884, № 64].

Чтобы ребёнок научился смотреть волком, оборачиваться волком (рис. 9) или стал робким голубком, особых педагогических усилий не требуется. Розги, плётка, естественная маска способны очень быстро развить подобные навыки. Вот как описана в татарской сказке «Колдун» встреча отца с сыном, отданным в медресе и превращённым в голубя. «Тот голубь два-три раза взмахивает крыльями и превращается в мальчика. Обрадованно здороваются, мальчик и говорит: “Я теперь уже не твой, отец. Наш мулла абзый такой человек,

что всех нас превратил в птиц. Там я не один, нас очень много, он нас учит. Делает нас своими, приручает нас» [ТНТ, 2001, с. 118].

Исследователями предприняты многочисленные попытки объяснить природу схождений, регулярностей в волшебных сказках разных народов, игнорируя лечебную практику, медицинскую семиотику, исходные приёмы приобщения к медицине. Несмотря на множество выдвинутых гипотез, общепринятый взгляд на природу сказочных универсалий до сих пор не выработан. Следует заметить, что слово *сказка* (укр. *казка*) изначально обозначало то, что *показано*, продемонстрировано и может быть наглядно подтверждено. Об этом свидетельствуют ревизские сказки, которые упоминаются в «Мёртвых душах» **Н.В. Гоголя**. Известный советский фольклорист **В.Я. Пропп** глубоко прав, утверждая в своей книге «Исторические корни волшебной сказки»: «То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали...» [Пропп, 1986, с. 353]. Авторитетный немецкий философ **М. Хайдеггер** (1889—1976) в своей статье «Путь к языку», ориентируясь на своё лингвистическое чутьё, вполне самостоятельно приходит к ещё более глубокой мысли о том, что все сказания изначально показывались. Он пишет: «Слово “сказ”, как и многие другие слова нашего языка, мы обычно употребляем большей частью в сниженном смысле. Сказ представляется просто сказом, сказкой, чем-то таким, что не засвидетельствовано и потому не правдоподобно. Здесь мы думаем о сказе не так.... Помня о древнейшем употреблении этого слова, мы будем понимать сказ от сказывания в смысле показывания и употребим для обозначения такого сказа, насколько в нём покоится сущность языка, старое, достаточно засвидетельствованное, но умершее слово *каз*» [Хайдеггер, 1983, с. 265]. Есть основания считать, что и **басни** изна-

чально выступали в качестве очевидных свидетельств. Так, например, в украинском языке *бачення* `видение`.

Исследователи фольклора, мифа, как и лингвисты, склонны пренебрегать сущностью языка, сущностью сказки, на которые указал *М. Хайдеггер*. Учёт этих сущностей позволяет утверждать, что в настоящее время сказкой считается то, что было всего лишь звуковым сопровождением подлинной сказки, подлинного показа. Это сопровождение бесконечно моложе подлинной сказки.

Универсальная природа протоязыка, а также методов приобщения к нему в ходе культивирования протомедицины матерями, породили изначальную схожесть сказочной образности, сказочных сюжетов. Звуковая сказка, лишённая изначального зрительного ряда, изначального смысла, лишена и изначальной математической строгости. Она будит воображение, причём не только у детей. Подвиги сказочных героев в традиционных обществах глубоко волнуют и взрослых. До недавних пор слушанье сказок было любимым времяпрепровождением в сельской местности в зимнее время в Европе. Во многих регионах Азии, Африки, Америки, Австралии эта традиция до сих пор не изжита. В отличие от мифа, который сакрализован и недоступен большей части общества, именно сказки играют огромную роль в формировании первобытного мировоззрения с его безграничной верой в чудеса.

Исследователи зафиксировали не только интерес к сказочным событиям, но и глубокую веру в сказочные чудеса, которая изначально была свойственна разным народам. У русских вера в сказочные чудеса была широко распространена ещё в XIX веке. Так, например, по свидетельству известного русского фольклориста и этнографа *И.А. Худякова* (1842—1876), ещё в конце 50-х, начале 60-х годов XIX в. «вера

в языческое чудесное ещё в высшей степени распространена в народе» [Великорусские сказки..., 1964, с. 284]. **Н.В. Нови-ков** в своей книге «Образы восточнославянской волшебной сказки» также отмечает, «что в древнерусской письменности, насколько нам известно, представление о сказке как лишь о поэтическом вымысле не отражено и встречается только в сборниках пословиц и поговорок XVII-XIX вв. и сказках XIX-XX вв.» [Новиков, 1974, с. 16]. Выдающийся русский фольклорист **Ф.И. Буслаев** (1819—1897) в своём труде «Славянские сказки» писал: «Сущая неправда, бессмысленная ложь не могли бы пронестись на расстоянии веков по многим народам и племенам общим согласиём в главных мотивах сказочного предания, и не могли бы так твёрдо окрепнуть в национальности каждого» [Буслаев, 1861, с. 309].

Цивилизация разрушает веру в чудеса. Подавляющая масса цивилизованных людей уже не верит в «бабьи» сказки, а также склонна трактовать сверхъестественное как неестественное. Неверие в сказочные чудеса свойственно даже исследователям волшебной сказки. Так, например, **В.Я. Пропп** в статье «Фольклор и действительность» категорически заявляет: «Сказка есть нарочитая и поэтическая фикция» [Пропп, 1976, с. 87]. Рассмотрение вымысла в качестве основы сказки свойственно многим авторам теоретических трудов и учебных пособий по фольклористике. Между тем истоки веры в чудеса неразрывно связаны с верой в нашу телесность. Без такой веры не совершаются осмысленные действия, осмысленные поступки, поэтому, глубоко ошибочны любые попытки разрушить эту веру. Неверие в сказочные чудеса, противопоставление чудесного и исторического порождает непреодолимые проблемы при выявлении исторических корней волшебной сказки. Оно побуждает исследователей искать истоки волшебной сказки не в тра-

диционных способах знакового моделирования жизненно важных проблем, а в мистических обрядах, гипертрофированной фантазии, которые являются формами превратного отражения действительности. Всё это создаёт предельно искажённое представление об истоках веры в чудеса, о природе сказочных универсалий.

Масса проблем возникает и у тех исследователей, которые чисто интуитивно верят в реальность сказочного мира. Так, например, профессор филологии Оксфордского университета *Дж.Р. Толкиен* относится к миру волшебной сказки очень и очень серьезно, не считая его вымыслом. В своей статье «О волшебных историях» он отмечает: «Вопрос: “Где скрыто начало чуда и волшебства?” – без сомнения приведет нас к самым фундаментальным и вечным вопросам нашего мира» [Толкиен, 1991, с. 28]. С этим трудно не согласиться.

Пясти («па`сти») рук, которые формируют естественную сказочную *сеть*, не только демонстрируют *на`пасти*, но и заботятся о нас изначально. За нас они делают буквально всё. Они породили представление о животных-предках, звероподобных богах-демиургах, родителях, учителях, спасителях, *пастырях* и т. д. Следует заметить, что именно в сказках, а не в мифах в качестве родителей героев чаще всего выступают животные. Отсюда такие персонажи: Иван Быкович, Иван-коровий сын, Иван Сученко, Иванко Медведко.

У матери две руки, две пясти (пасти), поэтому исходная сеть, исходная *матрица*, исходный *матрац* состоят из двух половин: звероподобных *матери и отца* (рис. 1). Таким образом, язык жестов отнюдь не исключает различия знаков по родам. Союз мужского и женского начала в исходных геометрических структурах может породить и средний род.

Звуковой язык (метаязык) и язык жестов (протоязык) подсказывают, что родители (англ., франц. *parents*) изна-

чально выступают в качестве первого *принтера*, первого выразительного средства, с которым связаны первые осмысленные впечатления, первые печатные сказы, таблицы судеб, книги мёртвых и т. д. Метаязык и протоязык также подсказывают, что *пятеро* пальцев на руке (*пятерня*) составляют первого *патера* (*патрона*), с которым связаны первые геометрические структуры, исходные сказочные *паттерны*, сказочные универсалии, архетипы, лежащие в основе универсальной символики сказок, мифов. Эти звероподобные патеры, патроны заботились о детях даже в те времена, когда вся забота о детях лежала на плечах самок. Вторая рука (собственно *мат*, Мать Земля), участвующая в формировании *матраца-матрицы*, прикладывается непосредственно к телу при обозначении матери, разметке больного места (благой мат, маета), ношении ребёнка.

Естественная *матрица* (*матрац*) является предельно наглядной и универсальной знаковой системой. Она позволяет не только обкладывать *матом* (*материться*) молча (благой мат), но и структурировать рефлексивно всё и вся посредством предельно очевидных, предельно абстрактных математических структур. Более того, она позволяет описывать посредством геометрических структур то, что не имеет видимой формы: чувства. Благой мат не следует путать со звуковым, безобразным матом. Благой мат по своей природе рефлексивен, он существует у всех приматов. Жизненную значимость его трудно переоценить. Даже не введённый в культуру, он позволяет остановить кровотечение, притупить боль, привлечь внимание социума к бедственному положению особи.

При агонии, смертельной боли сказочный патер чисто рефлексивно покрывает сказочную мать (*мат*), образуя матрицу, исходный универсум (рис. 1). Наложение рук, све-

дение рук, свадьба, покрытие, брак изначально рассматривались как смертельная, кровавая схватка между полами. Связь *ля мура* с мором, смертью можно проследить на обширном лингвистическом, фольклорном, мифологическом материале. Так, например, русская былина «Дунай Иванович» связывает появление реки Дунай с кровавой схваткой между супругами. При манифестации ран кровь может заполнить весь рукотворный универсум, породив море крови, всемирный потоп. Глубоко права **В.К. Соколова**, которая в статье «Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре)» пишет: «Сходство здесь генетическое: метафора смерть – свадьба возникла на основе древних представлений» [Соколова, 1977, с. 192].

Сватовство как смертельная схватка является древнейшим мотивом, который получил распространение на Западе и Востоке («Китаби Коркут», «Манас», «Сорок девушек», «Тысяча и одна ночь», «Давид Сосунский», «Шахнаме» Фирдоуси и др.) Этот мотив хорошо известен исследователям, однако единый взгляд на истоки этого мотива до сих пор отсутствует. Между тем, рассматривая подобные браки как сложение рук в процессе сетования, можно объяснить многое.

Связь сказочных супругов с нашими ладонями подтверждает тот факт, что в др. русском *лада* `супруг`, укр. ладо, лада `супруг`, `супруга` [Фасмер, 1967, с. 447]. Эти *лады* (ці лады) и породили представления о *челяди*, *леди* и т. д. Сказочная **семья** породила **семиозис**. Связь *семиозиса* с диагностикой человечество пронесло сквозь тысячелетия. Так, например, термин *семиозис* использовался древнегреческим физиологом *Галеном* из Пергама при постановке диагноза. Семиозис означал интерпретацию симптомов.

Автор книги «Мифологическая анатомия» *Л.Е. Этинген* пишет: «Теологи убеждали, что рука выступает органом и знаком действия, выражения связи вообще. Причём связи в виде единства, семьи в частности. Нельзя, думается, исходя из последнего, исключить появление такого ассоциативного ряда, как “земля – лоно”, “рука – фаллос”. И даже “рука – женщина”. В древней переднеазиатской поэтике такие эвфемизмы были весьма распространены» [Этинген, 2009, с. 177]

Зверская боль привела к появлению в сказках, мифах животных-супругов. Животные регулярно похищают женщин, держат их в заточении и от этого брака рождаются сказочные существа, мифические герои, которые воспитываются в логовах животных. В этих логовах воспитывались и читающие эти строки. У народов Европы наибольшее число подобных текстов, повествующих о том, как медведь унёс женщину или девушку в свою берлогу и сожительство с нею. «Интересно, что и в русском фольклоре Верхнего Поволжья сохранились пережитки этого мотива: ряженые медведями на свадьбах валили на пол девушек, мазали их сажей, а сама “молодая” – невеста – именовалась медведицей» [Петрухин, 2003, с. 57]. Тюркские языки делают природу подобных медведей предельно очевидной (тюрк. а:йа «ладонь», айы «медведь»; а:қ «сеть», аққа «отец») [Севортян, 1974, с. 761–762].

Рукотворные матрицы, сети, стены позволяют увидеть первые застенки, сказочных похитителей, а также понять, что **заточение (заточка)**, сказочный брак нужны для манифестации **острой** боли. В роли сказочного похитителя в сказке могут фигурировать самые разные существа, например, Кощей Бессмертный. «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У этого царя было три сына, все они были на возрасте. Только мать их вдруг унёс Кош Бессмертный [Афанасьев, 1984, № 156]. Следует заметить,

что в татарском языке *кош* `птица` [ТРС, 1966]. Наши птахи (пятаки), дактили, птеродактили начинают порхать, когда мы поперхнёмся. Они позволяют без всяких проблем реконструировать облик злодея, регулярно похищающего матерей, сестёр, красавиц (рис. 32).

Руки позволяют реконструировать злые чары, повергающие сказочных красавиц в сон, увидеть воочию царство ужасного Кощея (рис. 33). Кошеево царство напоминает о космическом яйце, из которого появился мир, в котором мы изначально обитаем, пока не отобьёмся от рук. Чтобы покончить с Кошеем, похищающим любимые лица, необходимо раздавить яйцо Кощея.

Структура Кощея, его царства позволяет пролить свет на сказочных птиц, змей, огненных драконов (рис. 19, 34, 35), которые также регулярно похищают лица любимых. Есть

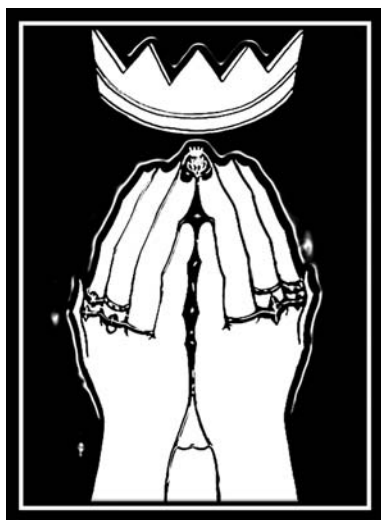

Рис. 32. Кощей.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 33. Кошеево царство.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 34. Дракон.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 35. Жар-птица.
Реконструкция В.А. Воронцова

все основания считать, что Кощей склонен похищать женщин по их согласию, поскольку они зачастую добровольно возвращаются к этому злодею. Самым ярким подтверждением власти женщин над Кощеем является образ Кощей-жертвы, Кощей-пленника, который держится в заточении в подвешенном состоянии по воле женщин. Заходит герой в запретное помещение и видит: «висит Кощей Бессмертный» [Ончуков, 1908, № 167]; «сидит на цепях тридцать шесть лет Кощей бессмертный» [Красножёнова, 1937, № 20]. Виновниц своего бедственного положения страдалец обычно не скрывает. Он признаётся герою, что «повесила мне твоя Марья Кирбитовна» [Романов, 1891, № 25], или: «Ведь тридцать шесть лет твоя жена держит меня здесь и не даёт ничего» [Красножёнова, 1937, № 20]. Образ Кощей (рис. 32) со всей наглядностью свидетельствует, что подвешен он в темнице

отнюдь не без участия женских рук. Наибольшую силу Кощей приобретает, если дать ему напиток. Слёзы страдальцев делают его непобедимым и побуждают жертв снова и снова возвращаться в его царство.

Наш сказочный патер (нем. **vater**) проливают свет и на природу сказочного **ветра**, который регулярно захватывает сказочную мать и уносит в своё логово. Связь сказочного **смерча** с браком-**смертью** достаточно очевидна. По вполне объяснимым причинам сказочного или мифического отца часто свергают представители младшего поколения героев – руки (греч. χέρια) младенцев. Впервые на такой подвиг наши руки – сказочные героини, сказочные близнецы, решаются, когда освобождаем лицо матери от ужасной маски, символизирующей брак, смерть, страдания. Таким образом, исходные геометрические структуры, медицинская семиотика, а также воспитательный процесс проливают свет на загадочные сказочные и мифические мотивы, связанные со стремлением героев свергнуть своего отца, занять его место, получить руку матери. Все фантазии **З. Фрейда** по поводу эдипова комплекса не имеют оснований. Расправиться с патером мифических, сказочных героев побуждает жалость, а не эротические устремления. Смертельные схватки богатырей-отцов со своими сыновьями-богатырями, дочерьми-богатыршами нашли яркое отражение в русских былинах.

Дети влюбчивы. Со временем ребёнок в качестве любимого лица начинает выбирать не только мать, но и иных представительниц женского пола. Научившись расправиться со сказочным патером, похитившим мать, маленький герой приобретает навыки расправиться и с другими сказочными патерами, скрывающими любимые лица. Это всегда вызывает бурные восторги сказочных невест, абсолютно не сочувствующих своим сказочным отцам. Более того, за-

частую именно сказочные невесты подсказывают героям, как можно расправиться со сказочными отцами, держащими их в заточении (координатной системе). Сказочными герои зачастую не только расправляются со звероподобными патерами, чудовищами, но разрушают застенки, темницы, полные страдания и слёз, в которых содержатся любимые лица.

На последующем этапе приобщения к математическому моделированию, к медицинской семиотике герою требуется не просто разрушить сказочный брак, сказочные застенки, но и основательно помять, поколотить сказочную представительницу женского пола в диагностических целях. Эта операция крайне болезненна, если представительница женского пола не симулирует болезнь, а структурирует рану, структурирует больное место. Возникнув как диагностическая процедура, практика подбивания бабок со временем трансформировалась в пальцевой счёт.

Сказочный брак, а также крайне болезненная диагностическая практика, породили представления о бабе-яге-воительнице, а также о герое, который помогает старику-богатырю, смертельно боящемуся схватки со старухой-богатыршей (бабой-ягой `бабой его`, ягишной `его женой`). Старик-богатырь настоятельно рекомендует герою не топтать поле бабы-яги, однако герой даже не помышляет выполнять наказ трусливого богатыря. Он смело топчет её поле, что, разумеется, вызывает негодование у этой представительницы сказочного женского пола. «Баба-яга посмотрела в подзорную трубу, села на коня и в поле. Иван-царевич, недолго думая, ударил её палицей, сбил её девять голов, а тело разрубил» [Новиков, 1974, с. 161]. Многоголовость бабы-яги предопределена структурой мерных элементов, входящих в состав сети, матрицы, мата. Чтобы оставить один указующий перст

пациента при диагностике, необходимо абстрагироваться от трёх смежных пальцев, каждый из которых содержит по три сустава. Пальцы с **тремя** суставами (**ш`тыри**) со временем стали **сёстрами** бабы-яги, а диагностический процесс, связанный с (топтанием, побиванием представительниц прекрасного пола) стал ассоциироваться с последовательным обходом героем этих сестёр и пребыванием с ними в парилке. Таким образом, нет оснований считать, что такие понятия как поле, координатная, мерная сеть порождены земледелием, а не культивированием милосердия, медицинской топографии, медицинской семиотики.

При оцифровке естественной (сказочной) координатной системы может возникнуть и групповая форма брака. Так, например, мальчик с пальчик (большой палец руки) может попасть со своими братьями (другими пальцами этой руки) к людоеду (большому пальцу другой руки), который уложит их спать со своими дочками. Так сформируется матрица. При её оцифровке мальчик с пальчик набрасывает кольца или венчики на своих братьев, а людоед поедает своих дочек, манифестируя очки, единицы. В результате формируется координатная сеть. Перемещаясь по рукотворной системе, наложенной на стан (туловище), мальчик с пальчик становится скороходом. Подобного рода сказку можно найти у **Ш. Перро**.

У ребёнка две руки. Это способствовало широкому распространению сказочных и мифологических сюжетов, в которых фигурируют близнецы. Близнецы могут действовать сообща: вместе побеждать различного рода чудовищ, вместе освобождать страдальцев из темниц и т. д. Они могут выступать в качестве первых людей, которые освоили первозданную землю или небеса обетованные. Часто они выступают в качестве брата и сестры, первой брачной пары, в качестве

родоначальников и т. д. Вместе с тем потенции левой и правой руки далеко не равноценны, поэтому мифические и сказочные близнецы часто выступают в качестве антагонистов, причём один из близнецов отличается умением, ловкостью, а другой близнец только всё портит.

Браки изначально заключались на небесах. В архаичных сказках супруг при формировании матрицы (рис. 1) должен был брать свою супругу (бабу) в челюсти, затаскивать её на небо (нёбо) и на больное место (бобо), а затем отдавать её в пясть («пасть») врачующему лицу, которое должно было разобрать супругу по суставчику в диагностических целях. В качестве больного места в сказке может фигурировать боб, горох или кочешок, который оказался под полом (мужским или женским) и достиг неба. К подобного рода сказкам относится, например, русская народная сказка «Лиса-лекарка», в которой старик лезет на небо со старухой в зубах, выпускает её, а лиса-лекарка (врачующее лицо) разбирает несчастную по косточкам [Афанасьев, 1984, № 18]. ***Анализировать содержание таких сказок, игнорируя тотальную Науку, – верх легкомыслия.***

Медицинская семиотика, сказочная матрица, сказочная форма брака проливают свет и на сказочных невест, которые регулярно вступают в смертельную схватку со своими женихами-знаками и готовы проглотить их или заключить под пол, в роли которого выступают сами представительницы прекрасного пола. Сказочная невеста, как и сказочная мать, изначально имела зверообразный облик и нуждалась в укрощении, поскольку норовила проглотить своего жениха во время брачного поединка, формирования матрицы. Только со временем личность невесты стала отождествляться с человеческим лицом. Рассмотрение сказочной матрицы, способов её формирования, применения позволяет пролить

свет на природу столь противоречивого образа невесты в чудесной сказке, а также на природу её печати, которой она наделяет жениха. Именно с этой печатью, со сказочным обручением связаны истоки медицинской семиотики, истоки начертательной геометрии, истоки математического моделирования.

В.Я. Пропп в своей книге «Исторические корни волшебной сказки» с полным основанием пишет: «Те, кто представляют себе царевну сказки только как “душу – красную девицу”, “неоценённую красу”, что “ни в сказке сказать, ни пером написать”, ошибаются. С одной стороны, она, правда, верная невеста, она ждёт своего суженого, она отказывает всем, кто домогается её руки в отсутствие жениха. С другой стороны, она существо коварное, мстительное и злое, она всегда готова убить, утопить, искалечить, обокрасть своего жениха, и главная задача героя, дошедшего или почти дошедшего до её обладания, – это укротить её» [Пропп, 1986, с. 298]. Смертельная схватка жениха и невесты приводит к формированию семьи, лежащей в основе медицинской семиотики, в основе геометрии, топографии.

Свадьба-смерть, связанная с наложением рук, способна посеять ужас, если абстрагироваться от врачебной практики. Этот ужас чувствуется во многих сказках, в которых жених вступает в единоборство с невестой, которая стремится наложить на него руку во время брачной ночи. «Вот лёг Иван-царевич спать с богатырь-девкою. Вдруг богатырь-девка положила ему на грудь руку. Ивану-царевичу сделалось дурно...» [Афанасьев, 1985, № 202]. О подобной опасности знает помощник героя, который предупреждает: «Да смотрите, ваше величество, не плошайте. Первые три ночи станет она вашу силу пытаться, наложит свою руку и станет крепко-крепко давить: вам ни за что не сдержать» [Афанасьев, 1985,

№ 116]. «Только легли опочивать, она волшебной силой на-ложила на него руку» [Великорусские сказки..., 1964, № 19].

В результате коварства сказочные женихи часто оказы-ваются под представительницами слабого *пола* (в *подно-лье*), где пребывают страдальцы (пациенты). Так, например, в русской сказке Ирина мягкая перина говорит незадачли-вому герою: «Ложись к стенке, а я лягу на край!». Несчаст-ный доверился злодейке, а «она его под серёдку подхватила, прошибла им пол, и улетел он в погреб...» [Афанасьев, 1984, № 175]. Видеть в этой перине первый кровавый принтер, ес-тественную знаковую систему есть все основания.

В диагностических целях жениху-знаку следует допус-тить на брачное ложе врачевателя. Нет ничего удивительно-го в том, что вместо жениха на перину часто укладывается его друг, который сочувствует герою. «Коли хочешь быть жив, позволь мне лечь с королевой на твоё место» [Там же. № 136]. «Лучше пусти меня на своё место» [Там же. № 158].

Не только сказочные, но и мифические персонажи ста-раются уступить ложе другу во время брачной ночи. Так, например, германо-скандинавский эпос «Песнь о нибелун-гах» повествует о том, как в смертельно опасном брачном поединке с валькирией Брюнхильдой мужественный Сигурд подменяет её жениха Гуннара.

Диагностика обычно осуществляется тремя смежными *пальцами*, которыми *попирают* пальцы пациента, поэтому дружки сказочных женихов нередко крепко потчуют невест *плетьми*, тремя сортами *прутьев* и т. д. «Потом Иван-царе-вич взял её за косу, здёрнул с кровати и стал этими плетьюми драть её. Как исхлестал её, так и бросил её на кровать». Толь-ко после этого он даёт возможность герою сказки Кузьме Ферапонтовичу воспользоваться брачным ложем [Соко-ловы, 1915, № 72]. «Мишка Водовоз схватил её за шиворот,

ударил её о пол, иссёк два прута железных, а третий медный. Бросил её как собаку... “Ну, Иван Царевич, вались на постель, теперь ничего не будет!”» [Там же. № 143].

В брачном поединке нередко участвуют целые армии (нем. *Arm* `рука`; каз. *кол* `рука`, `армия`). «Як дойшов ён да етай рати и спросив, тут голос сказал ему, што усе три рати победила Анастасия Прекрасная, а сама теперь в шатре аддыхая. Фёдор наехав. Приехавши да шатра, привязав каня и, вashedши в палату, лёг сбоку. Анастасия Прекрасная проснулась и, разбудивши Тугарина, кажа: “А што, ти будем биться, ти мириться?”» [Афанасьев, 1984, № 160]. Следует заметить, что **Анастасия** Прекрасная способна не только валяться на кровавой кровати, но и обеспечивать **анестезию**.

Сказочная невеста, прикрывающая рану, является хранительницей кровавой печати. Во многих сказках царевна во время состязания за её руку отдаёт печатку или ставит печать герою. В сказке «Сивко-Бурко» герой на сказочном коне доскакивает до окна царевны и целует её. «Разлетелся на царском дворе, так все двенадцать стёкол и разбил и поцеловал царевну Неоценённую Красоту, а она ему прямо в лоб клеймо и приложила» [Афанасьев, 1985, № 182]. Отнюдь не теория, а феноменальная интуиция подсказала **В.Я. Проппу**, что в такого рода сюжетах «рана играет роль кровавого клейма» [Пропп, 1986, с. 299]. Именно кровавая печать сближает сказочного жениха и сказочную невесту. *Этим подтверждается изначальная связь сказочного брака с сокровенной печатью, лежащей у истоков осмысленной экспрессии, у истоков начертательной геометрии, медицинской семиотики.*

Надо сказать, что в волшебных сказках женихи зачастую не менее кровожадны и коварны, чем невесты. Женихи-людоеды регулярно покушаются не только на своих невест, но и на покойников. «Влезла, глянула – а названный жених

стоит у гроба да упокойника ест» [Афанасьев, 1986, № 363]. Это подтверждает изначальную связь обручения с мёртвой хваткой, а женихов – со знаками, которые столь актуальны во врачебной практике.

Сказочная **семья** породила **семиозис**, неразрывно связанный с врачебной теорией и практикой. Любые попытки отождествления сказочных форм брака-смерти с современными представлениями о браке лишены всяких оснований, однако такие попытки в фольклористике традиционны. Так, например, полностью игнорирует природу сказочного брака **В.Я. Протн**. В своей работе «Исторические корни волшебной сказки» он пишет: «Герой ищет невесту вдалеке, а не у себя. Возможно, что здесь отразились явления экзогамии: очевидно, невесту почему-то нельзя брать из своей среды» [Там же. С. 22]. Сказочные герои (греч. χέρι `рука`), сказочные существа зачастую непосредственно соотносятся с суставами рук (мальчик с пальчик, мужичёк-кулачёк, шиш, дюймовочка), поэтому нет оснований искать истоки сказочного социума вне протоязыка (языка жестов), а также выводить сказочные персонажи из мифологизированных обрядов. Очевидно, что сказочные **старики**, **старички** являются **строками**, **строчками** чудесной книги, а также элементами исходных геометрических **построек**. Именно сказочные герои проливают свет на широкий спектр мистических обрядов, мифических персонажей, а также на истоки математического моделирования, связанного с истоками протомедицины.

Не только в сказке, но и в мифах о священном браке, свадьбе также нашли освещение процессы, связанные с формированием матрицы – исходного универсума, а также его разрушения, вызванного потребностями диагностики, воспитательного процесса. «Часто этот брак представляется как изначальное существование неразделённого *двулолого*

существа, находящегося в вечном соитии» [Левинтон, 1992, с. 422]. В китайской мифологии весь процесс мироздания рассматривается как результат взаимодействия и выделения мужского (ян) и женского (инь) начал, создавших небо и землю [Юань Кэ, 1987, с. 259].

В древних мифах Центральной Мексики Верховный Бог мыслился в качестве дуального существа. «Никогда не утрачивая своего единства (ибо древние гимны всегда упоминают его в единственном числе), он тем не менее считался дуальным богом (Ометеотль), владыкой и владычицей нашей плоти, который в таинственном космическом соединении и зачатии положил начало всему, что существует. Он, как это постоянно повторяется в гимнах, есть “Матерь богов, Отец богов, Верховный Бог”» [Мифология древнего мира, 1977, с. 436]

Естественные маски (хари), формирующие исходный семейный союз, исходный универсум, исходную матрицу, помогают понять природу индийского божества Харихара (др.-инд. Harihara). Этот харизматический образ соединяет в себе Вишну (Хари) и Шиву (Хара). Согласно одному преданию Вишну, чтобы доказать, что они равны, вошёл в тело Шивы, соединившись с ним. По другому сказанию, Шива упросил Вишну превратиться в прекрасную женщину и воспылал к ней страстью. Вишну пустился в бегство и принял свой обычный облик, но Шива, настигнув его, так крепко обнял, что тела их слились [МНМ, 1992, с. 568]. В рамках медицинской семиотики, геометрического моделирования подобного рода супружество осмысливается вполне рационально.

В качестве брачующейся пары могут выступать небо (нёбо) и Мать Земля. Герои, рождённые от подобного рода брака, всячески стремятся разрушить этот брак, свергнув своего отца. К подобного рода мифам относятся, например,

миф об Уране и его супруге Гее, которые принадлежат к самой древней группе греческих богов. В ходе брака Урана и Геи был сформирован изначальный ландшафт. В конечном счёте, Уран был свергнут своим сыном Кроносом. Без отстранения Урана невозможно приблизиться к ране.

Герои, пребывающие в пасти (пясти) сказочных или мифических родителей, покидают их (рождаются) необычным способом. В тангутской версии эпоса «Гэсэр» «Гэсэр говорит из утробы своей матери: “Мать! Я выйду через голову!”» [Потанин, 1893, с. 5, 6]. В полном вооружении выходит из головы Зевса и Афина, причём её появлению предшествовало поедание тотемического существа (супруги). Вот как этот процесс описан у Апполодора: «Зевс сошёлся с Метидой, принимавшей различные образы, чтобы избежать его любви. Когда она оказалась беременной, Зевс проглотил её прежде, чем она родила, ибо она обещала, после того как вначале родит деву, произвести на свет сына, который станет властителем неба. Испугавшись этого, Зевс и пожрал её. Когда же наступило время родов, Прометей ударил Зевса по голове топором (некоторые называют и Гефеста) Из головы выскочила в полном вооружении Афина...» [Апполодор, 2004, с. 8, 9]. Поглощение Зевсом Метиды не может вызвать удивления при учёте исходной формы брака, когда одна родительская пясть (пасть) захватывает другую, формируя исходный универсум.

Автор книги «Мифологическая анатомия» *Л.Е. Этинген* отмечает, что «в сравнительном языкознании “рот” соотносится со значением “рожать”. Отсюда происходит представление о “роющем рте” В древнекитайских поэтических представлениях выплёвывание приравнивалось к появлению на свет. Титан Кронос изрыгнул на свет братьев и сестёр Зевса» [Этинген, 2009, с. 221].

Наши естественные **чары** (ладони) породили представление о **чреве**. Чары являются также естественными **личинами**. **Личины-чары** со временем трансформировались в **лесные чары**, в **лесных царей** и т. д. Следует заметить, что в 19 в. сказители и сказительницы регулярно называли царей чарами. Чтобы понести ребёнка, необходимо поймать его в естественную сеть (матрицу) и погрузить в чрево царевны или царицы. В русских сказках, чтобы царица забеременела, плетут невод, ловят рыбу и дают отведать царице. Подобным образом понесла ребёнка царица в сказке «Иван Сученко и Белый Полянин» [Афанасьев, 1984, № 139]. Не следует удивляться тому, что матери склонны называть детей рыбками. У этих рыбок даже есть икра, причём на каждой ноге.

Матрица – «маска смерти», скрывающая любимые лица, должна была породить представления о загробном мире. Загробный мир, потусторонний мир, мир иной присутствуют в мифологических системах самых разных племён и народов, находящихся на самых различных ступенях общественного развития. Это свидетельствует о глубокой древности подобного рода идей, их универсальности. Американский антрополог, лингвист и естествоиспытатель **Ф. Боас** в своей книге «Ум первобытного человека» с полным основанием писал: «Из более общих идей я могу упомянуть о верованиях в страну душ умерших, расположенную на западе, причём для того, чтобы попасть в неё, нужно переправиться через реку; это известно всем нам из греческой мифологии верование распространено также и среди туземных племён Америки и Полинезии. Другим примером может служить идея множественности миров...» [Боас, 1926, с. 86]. Идея множественности миров вполне объяснима, если мы обратимся к нашим естественным изначальным вместилищам – к рукам. Эти меры породили представления об иных мерах, мирах,

в которых скрываются страдальцы, смертники, невидимые, неявные люди – навьи. Наши **пяди** способны пролить свет на место, где изначально располагался **запад**, загробный мир, потусторонний мир, царство смерти.

Есть все основания полагать, что мифы о загробной жизни сложились из представлений об агонии, смертельной боли, которые регулярно воспроизводятся родителями для предупреждения детей о грозящей опасности. Путешествия героев в царство смерти породила диагностическая практика, а также стремление матерей вызвать в своих чадах сочувствие, сострадание путём игры в прятки. Имитации различного рода мук посредством матрицы, «хождение по мукам» в ходе диагностики (страшного суда) сыграли огромную роль в формировании представлений о загробном мире и его обитателях.

Загробный мир может предстать в образе супружеской пары (Аид и Персефона), в виде многоглавых животных (Кербер), которых не сложно соотнести с руками страдальцев, с матрицей. Мёртвая хватка, предсмертные судороги должны были породить представление о погружении человеческого тела в пасть (пять), которая часто рассматривается как вход в царство смерти. **В. Пропп** по этому поводу пишет: «Вход в царство идёт через пасть животных. Эта пасть всё время закрывается и открывается» [Пропп, 1986, с. 288].

В чреве животного часто располагается мир иной, в котором пребывают погибшие, умершие, пропавшие. Так, например, в Америке (племя нутка) записано: «Однажды мать героя проезжала в маленькой лодке. Лодку унесло от берега, и вот появился кит и проглотил лодку вместе с женщиной. Когда герой узнал, что случилось с матерью, он решил отомстить. Вместе с братьями он по реке спустился в море. Они стали петь песню. Когда они пропели её два раза, вода

расступилась, и кит проглотил лодку. Герой кричал своим братьям, чтобы они правили лодку прямо в чрево. В чреве они разрезали кишки и отрезали ему сердце. От этого кит сдох...» [Frobenius, 1904, s. 82]. Ладонки позволяют реконструировать лодочки героев и матери, а также чрево, в котором герои встречают усопших и вызволяют их на свет.

Чтобы вызволить погибших, усопших из чрева сказочно-го животного необходимо развести ему пальцы (палы). Во многих мифах и сказках герои разводят пламя в чреве животного. «В желудке кита он видит своих умерших родителей. Чтобы освободить себя, он возжигает большой костёр. Кит корчится от боли и плывёт к отмели. Через открытую пасть все выходят наружу вместе с лодкой» [Пропп, 1986, с. 235]. **В.Я. Пропп** пишет: «В этом случае герой в рыбе видит своих умерших родителей. Это показывает, что он уже в рыбе попал в обитель мёртвых. В рыбе герой вообще иногда встречается много мёртвых и живых, проглоченных до него, и выводит их. Этот мотив мы здесь проследить не будем. Отметим только, что и русская сказка знает перенос героя в рыбу, знает разведение в рыбе костра...» [Там же, с. 235]. Объяснить подобный мотив невозможно, если отождествлять сказочное существо с обычным животным и возводить представления о мире ином к обычной охотничьей или рыболовной практике.

Добраться до лица матери, отца, сестёр, невесток младенцу трудно без посторонней помощи. Очень часто герой путешествует, оборотившись орлом, соколом. Так, например, «Буря-богатырь ударился оземь, оборотился орлом и прилетел во дворец» [Афанасьев, 1984, № 136]. Таких примеров великое множество. Есть все основания рассматривать удар о Мать Землю как просьбу на руки, на естественные шкалы, пятаки, птахи, способные обернуть героя соколом и доста-

вить к нужному лицу. «Налетает птица орёл и овернула его сырой кожей, здынула его на золотую гору» [Смирнов, 1917, № 49].

Смертельная боль, громоздящиеся друг на друга естественные шкалы (пальцы), должны были породить представление о сходящихся скалах, толкучих горах, запирающих, давящих людей. Из пересказа *А.Н. Афанасьева* следует, что «в том царстве есть две горы высокие, стоят они вместе, вплотную одна к другой прилегли». Эти горы периодически «расходятся, раздвигаются» [Афанасьев, 1985, № 204, вариант 2].

«Горы-сети» (горсти), «хари-сети», скрывающие любимое лицо, породили представления о пребывании в горе, в хрустальных гробах, в которых спят «непробудным сном». По вполне объяснимым причинам **обе горы (гробы)** могут раскачиваться, летать и т. д., а «спящие красавицы» могут выходить из них целыми и невредимыми.

Слёзы, кровь (**руда**), смертельная боль должны была породить представление о **пруде**, ужасном болоте, в которое погружается тело несчастного, а также о водоёмах, отделяющих загробный мир от мира людей. Подобные представления встречаются у самых разных народов. Так, например, «представление, что водоём, река, пруд, озеро – вход в царство мёртвых, держится в Греции очень прочно» [Пропп, 1986, с. 265]. Аналогичные представления славян отражены в повести *Н. Гоголя* «Майская ночь, или утопленница», где красочно описан пруд с утопленницами. Каждое **око** способно породить **океан** солёной воды, которая переполнит долины (длани). В сказках проявляются самые сокровенные стороны моря-океана. Вот, например, с какой морской пучиной довелось повстречаться Василию Буслаевичу. «Тут лежит морская пучина – вокругом глаза» [Афанасьев, 1985,

№ 311]. По вполне объяснимым причинам моря, реки, озёра, расположенные поверх и вокруг наших глаз, могут расступаться, а герои путешествовать по морю, аки по суше.

Нет ничего удивительного в том, что моря и океаны традиционно играют огромную роль в мифологии, в лечебных заговорах самых разных народов, жизнь которых зачастую протекает вдалеке от больших водоёмов. Так, например, **Вяч. Иванов** и **В.Н. Топоров** в книге «Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период)» пишут: «В древних представлениях славян море играет особую значительную роль, которая прямо не выводима из его значения для древних славян, в частности праславян, обитавших в стороне от моря, и восточных славян, достигших морского побережья относительно поздно. Роль моря, в частности, в архаичных ритуальных текстах типа заговоров, можно объяснить, очевидно, сохранением весьма древних представлений, что подтверждается и целым рядом типологических сравнений, а также и непосредственным сопоставлением с данными других индоевропейских традиций» [Иванов, Топоров, 1963, с. 113].

Естественное стремление зажать кровоточащую рану пальцем, привело к тому, что море крови часто ассоциируется с пастью, жаждущей человеческой крови:

*Християнської крові в Чорне море впускали,
Стало Черне море кров християнської пожирати,
Стала на Чорним морі супротивна валечня хвиля утихати.*
[Цит. по Иванов, Торопов, 1963, с. 115]

Изначальная связь мифического моря с мором подтверждается также представлениями, согласно которым море служит дорогой на «тот свет». Так, например, в русской народной сказке «Мудрая жена» из собрания **А.Н. Афанасьева**

сьева говорится: «... море расступилось, дорога открылась, дурак ступил раз-другой и очутился... на том свете» [Афанасьев, 1985, № 216].

В подводных царствах часто находят не только невест. Путешествия в подводный мир, в моря крови, слёз крайне актуальны при диагностике. Такие путешествия познакомили человечество с масками, мускульными инструментами. Бряцая на наших гидрах, гитарах, **арфах**, познакомивших человечество с основами **арифметики**, можно приводить естественные водоёмы и их обитателей в страшное волнение. **К. Леви-Строс** в своей книге «Путь масок» приводит версии мифа индейцев, обитающих в среднем и нижнем течении р. Фрезер. Главный герой в них – юноша, страдающий кожным заболеванием, которое сопровождается зловонием. Несчастный решает покончить с собой, бросившись в озеро. Нырнув, он оказывается на крыше некоего подводного жилища, обитатели которого страдают загадочным заболеванием. За то, что они его исцеляют, герой также их излечивает. Он женится и получает при этом маску, музыкальные инструменты. Вернувшись на землю, он встречает свою сестру и, приведя её к озеру, усаживается на берегу с удочкой. Она вылавливает водяных духов, которые, освободившись, уходят назад в озеро, оставив на берегу маску и музыкальный инструмент» [Lévi-Strauss, 1975, I, p. 44 – 47]. Увидеть первозданное **озеро** и нырнуть в него не сложнее, чем изобразить с помощью пальцев **зеро**. Связь подобных озёр, подобных масок, подобного инструментария, подобных водяных духов с исходными знаковыми системами, манифестирующими наши душевные состояния, не может быть опровергнута.

Персонаж греческой мифологии прославленный музыкант Орфей своим искусством приводил в движение деревья и скалы [Аполлодор, 2004, I, III, 2]. Он участвует в походе

аргонавтов, своей игрой умирив волны, чудовищ и помогая гребцам [Там же. I, IX, 16]. Орфей женат на Эвридике и, когда она внезапно умирает от укуса змеи, отправляется за ней в «царство мёртвых». Там он покоряет своей игрой обитателей загробного мира [Там же. I, III, 2]. Вне диагностической практики подобного рода образы, происхождения могут вызывать только вопросы.

Пальцы (палы), ладошки, горячие слёзы, агония должны были породить представления о пламени, пожирающем человека при переходе в «мир иной», об «огненных реках», которых мертвецы преодолевает на плоту, лодочке и т. д. С этим поверьем связан широко распространённый обряд сожжения покойников на штабеле из поленьев перед путешествием через «реку смерти». Так, например, когда шли приготовления к похоронам, Ахиллесу явилась душа его убитого друга Патрокла, который обратился с просьбой достойным образом обеспечить ему переход в мир иной:

Спишь, Ахиллес! Неужели меня ты забвению предал?

Не был ко мне равнодушен к живому ты,

к мёртвому ль будешь?

О! погребви ты меня, да войду я в обитель Аида!

Души, тени умерших меня от ворот его гонят

И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;

Тщетно скитаюсь я перед широковоротным Аидом.

Дай мне, печальному, руку: вовеки уже пред живущих

Я не приду из Аида, тобою огню приобщённый!

[Гомер, 1984, 23, 69–76]

Подобное погребение наблюдал на Волге в 922 г. арабский дипломат **Ибн-Фадлан**. Он оставил подробное описание всего длительного погребального ритуала и записал интересный диалог арабского переводчика с одним из русских

купцов. Когда только что разгорелось пламя грандиозного костра, поверх которого русы взгромоздили ладью с покойником, русский сказал арабу-переводчику: «Вы, о, арабы, – глупы! Воистину вы берёте самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами и бросаете его в землю, и съедают его прах и гнус и черви... А мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас» [Путешествие..., 1939, с. 83].

В обряде похорона руса, описанном *Ибн-Фадланом*, рассказывается о процессе заглядывания в «загробный мир», в котором участвует девушка, предназначенная в жертву. Для выполнения такой церемонии изготавливались большие деревянные ворота. Поднятая над воротами, девушка сказала, что она видит умерших отца с матерью, всех своих умерших родственников. Очевидно, что изначальное притворство родителей, побуждающее детей заглядывать за две руки, сыграло далеко не последнюю роль в генезисе подобного рода взглядов на загробный мир.

Ворота – универсальный символ, разграничивающий этот и иной миры, который встречается в мифологических системах у самых разных народов. Две руки являлись дверками в загробный мир, где традиционно обнаруживали заснувших мёртвым сном родичей, которые пребывают в обществе мифических первопредков, чудовищ. Наши естественные тенты, тенёта позволяют увидеть Танатоса, который в греческой мифологии является олицетворением смерти. В трагедии Еврипида воспроизведён миф о том, как Геракл отбил у Танатоса Алкестиду. Подобного рода подвиги свойственны нам с младенческих лет и играют большую роль в процессе приобщения к сочувствию, сознанию, протомедицине.

Трёхсуставные пальцы (тройки) породили представления о стройках, знаковых постройках, манифестирующих

наши настроения. Игнорируя рукотворный мир, рукотворные знаковые постройку невозможно постигнуть ни истоки медицины, ни истоки архитектуры. Улитки, бобры могут воспроизводить уютные жилища, однако у них нет архитекторов и архитектуры, поскольку для их возникновения требуется умение строить мысленные, знаковые модели, без которых невозможна передача и накопление опыта.

С руками связано не только ручное мышление, не только первые мысленные модели, но и первые рукотворные укрытия. Боль побуждает нас чисто рефлекторно прикрывать тело, умерять, **замуровывать** боль посредством рукотворной маски (**мурла**). Рукотворные укрытия играют огромную роль в диагностике и были, вне всякого сомнения, отрефлектированы в рамках врачебной деятельности. Они нашли детальное отражение в сказке, мифе. Сказочные сооружения, которые зачастую сооружаются в «мгновение ока», предельно архаичны, поскольку могут возводиться чисто рефлекторно. Они могут иметь ограду, над каждым столбом которой возвышается человеческая голова. Приложив ладони к лицу, можно реконструировать эту ограду. Самые разные расстройства могут побудить скрываться за подобной оградой. В пермской сказке поповская дочь в брачную ночь бьёт своего мужа поясом и говорит: «Ешь, говорит, у меня гулеван (любовник), на лице у него только онучи сушить, Харк Харкович, Солон Солонovich, и тот лучше тебя!» (Безобразен жених!) Потом она отдула шелковым поясом и сама убралась от ево». Муж отправляется её искать и узнаёт: «Она у Харк Харковича, Солон Солонича; у него вкрут дома тын, на каждой тынинке по человечесьей головёнке» [Зеленин, 1914, № 20]. Пропитанная солёными слезами маска (харя) из сдвоенных рук страдальцы проливает свет на имена Харк Харкович, Солон Солонич.

Сказочные сооружения могут поворачиваться по команде, что вполне естественно (рис. 36). Две руки, пальцы позволяют воспроизводить сети, стены, плетни, палаты (итал. 'палаццо'). Наши руки (греч. χεῖρ 'рука'), рукотворные маски (хари) легли в основу храмовой архитектуры. В первозданных храмах (рис. 37) до сих пор ищут успокоения, преклоняют головы горемыки.

Знаковые рукотворные постройки, неразрывно связанные с медицинской семиотикой, с врачебной практикой, породили массу строительных суеверий, которые до сих пор в ходу у многих народов. **Мёртвая хватка** инициировала у разных народов поверья в необходимость строительных жертв, чтобы сооружать **намертво**. Не менее широко распространено поверье, что каждое новое здание строится на «чью-либо голову», т. е. в нём кто-либо должен в скором времени

Рис. 36. Баба-яга и её избушка.
Реконструкция В.А. Воронцова

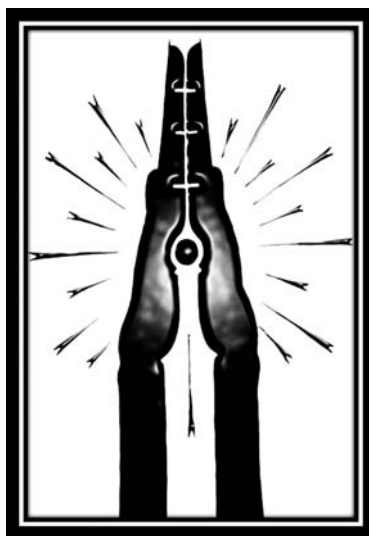

Рис. 37. Храм.
Реконструкция В.А. Воронцова

умереть. Богатая подборка таких поверий приведена в книге *Д. Зеленина* «Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов» [Зеленин, 1937]. Так, например, «в Шотландии прежде широко была распространена вера в то, что постройка нового дома влечёт за собою скорую смерть хозяина» [Там же. С. 31]. У немцев есть поверие: «Кто первым войдёт в новый дом, тот ранее всех прочих в данной семье умрёт, почему на новоселье сначала в новый дом пускают кошку или собаку, петуха или курицу, или какое-либо иное животное и носят его по всем помещениям» [Там же. С. 31]. В связи с этим поверьем, русские прежде при первом входе в новый дом на пороге избы отрубали голову у курицы и мясо этой курицы не ели. «В бывшей Владимирской и других северных губерниях в новую избу сначала пускали ночевать петуха или кошку, особенно чёрной масти, и только потом уже переселялись на жительство сами хозяева. Некоторые старики, впрочем, намеренно первыми вступали в новую избу, желая тем показать, что они готовы умереть. Украинцы на Полтавщине прежде боялись присутствовать при закладке нового здания, так как верили, будто бы плотник может заложить “на голову” присутствующего человека, и этот последний вскоре умрёт» [Там же. С. 32].

Османские турки свято верили, что «пока дом строится, хозяин не умрёт» [Там же. С. 33]. Сходные поверья привели к обыкновению не доводить постройку в деталях до полного конца.

Поскольку естественные строения возводятся при всяком горе, «украинцы некогда верили, что дом может быть заложен на болезнь, смерть, хилость детей, падёж скота, размножение червей. Закладывали обычно на чью-либо голову, иначе и поп не будет святить здания» [Там же. С. 35]. Есть все основания полагать, что истоки архитектуры, как и истоки

геометрии, математического моделирования, начертательной геометрии могут изучаться только в рамках тотальной **НАУКИ** – медицины. Проницательный читатель наверняка догадался, что домами изначально думали, поскольку при ручном мышлении рукотворные постройки были мыслительными системами. Происхождение выражения: «Не все дома» вполне объяснимо.

Анализ сказочной матрицы – естественной координатной системы, исходной формы брака показывает, что начальными обитателями рукотворного строения были не только Мать Земля – Гея, баба-яга, но и представители мужского пола: хтонические существа, титаны, звероподобные мужья, похитители, людоеды, с которыми были вынуждены сражаться маленькие герои, проникая в титанические сооружения, жилища чудовищ, разбойников и людоедов. Эти сооружения детально описаны в сказках, мифах и дают представление о структуре первого математического аппарата, о характере первых геометрических построений. «Приехали туда: стоит там дом, огромный такой» [Худяков, № 122]. По вполне понятным причинам большой дом часто располагается на высоких столбах (руках). «Шли, шли, увидели: дом стоит на столбах стоит высоких, дом преогромный» [Ончуков, 1908, № 45]. «А образов нет никаких, одни шишки еловые торчат» [Смирнов, 1917, № 135]. Обнаружить эти шишки в таинственном доме достаточно просто, если вспомнить про естественную единицу измерения – шиш.

Рукотворная маска смерти, которую мы осмысливаем в младенчестве, в незапамятные для нас времена, могли породить и другой широко распространённый миф, согласно которому изначально люди могли сбрасывать ужасную морщинистую маску, покрывающую их лицо, и вновь становиться молодыми. **Б. Малиновский** в книге «Магия, наука

и религия» приводит туземный миф, согласно которому в загробном мире «человек стареет, покрывается морщинами; а затем он омолаживается, сбрасывая кожу. Точно также делали люди в первобытные времена, когда они жили под землёй. Когда они впервые вышли на поверхность, то ещё не утратили этой способности; мужчины и женщины могли вечно оставаться молодыми» [Малиновский, 1998, с. 124]. Очевидно, что роль ужасных морщин, покрывающих лицо в загробном мире, играли пальцы, прикрывающие лицо. Со временем эти морщины трансформировались в море синее, которое может расступаться.

Пальцевой счёт посредством естественных **штырей, штырьков** позволяет увидеть рогатых **сатиров**, мифических **стариков** и **старух, живую старину**. Так, например, щепоть позволяет увидеть, нащупать трёх старух-грай из греческой мифологии, у которых на троих один глаз, один зуб, которыми они могут обмениваться. Последовательно касаясь большим пальцем (зубом в пасти-пяти) голов этих старух (подбивая бабки), мы не просто перемещаем глаз, но и подсчитываем очки.

Аналогично можно реконструировать и образы мифических прях (парок), которые прядут нить жизни. Более того, на ладони мы можем увидеть и нить жизни, обрыв которой символизирует нашу смерть. Показать её сможет любой хиромант.

В мифах естественная координатная система (рис. 1) фигурирует под разными названиями. Так, например, она известна как «ящик Пандоры». Этот ящик создан нашими богами. Посредством его манифестируются самые разные горести, напасти.

Естественная система координат, врачебная практика породили представления и о «лабиринте» – подземелье, и о

сказочной библиотеке – «либереи» (от лат. Liber – книга), которая хранится в таинственной пещере, за семью печатями. Во многих сказках подробно описано, как герои попадают в эту библиотеку и набираются в ней знаний.

4.3. Отражение процесса введения в культуру протомедицины в мифологизированном обряде

В своей работе «Исторические корни волшебной сказки» **В. Пропп** вслед за **Д. Фрезером**, **П. Сентивом**, **С.Я. Лурье** попытался связать истоки волшебной сказки с мифологизированными обрядами и обычаями. Для доказательства этой связи он привлек обширный этнографический материал. Чаще всего он обращается к обрядам инициации, которые практикуются в первобытных обществах охотничьими союзами. При этом он вынужден констатировать, что сама природа большинства этих обрядов до сих пор не имеет однозначного толкования у исследователей. Так, например, издревле был широко распространён обряд инициации, во время которого посвящаемый пролезал через сооружение, выполненное в форме огромного животного. При этом он как бы переваривался в чреве животного и извергался искушённым в тайнах, которые делают человека человеком. **А.Р. Радклифф-Браун** в своей книге «Миф о радуге-змее на юго-востоке Австралии» сообщает, что в Австралии огромную змею, используемую для подобных целей, имитировало высохшее русло реки или навес, а впереди ставился расколотый кусок дерева, изображающий пасть [Radcliff-Broun, 1907, p. 344]. Для совершения этого обряда иногда выстраивались специальные помещения, имеющие форму животного, причём дверь этого помещения представляла собой пасть. Тут же производилось обрезание, причём в качестве пуповины служили крайняя плоть или палец посвящаемого.

В. Пропп вынужден констатировать: «Чтобы приобщиться к тотемному животному, стать им и тем самым вступить в тотемный род, нужно быть съеденным тотемным животным» [Там же. С. 197]. Природа подобного рода обрядов до сих пор представляет загадку для исследователей. **В. Пропп** пишет по поводу такого обряда, что ему «неясны побудительные причины его, не ясно, что собственно заставило производить этот обряд, чего ожидали от его выполнения, не ясны исторические основы его» [Пропп, 1986, с. 227].

Очевидно, что эти обряды являются формой показа (сказа, сказки), но более поздней по сравнению с жестовой сказкой, поскольку в обрядах используется чуждая младенчеству атрибутика, а не естественная среда обитания младенцев – материнские руки. Знакомство с этими обрядами также подтверждает фундаментальную роль материнских рук (тотемных существ) в культурогенезе.

Поглощение младенца родительскими пястями (пастями), его пребывание в пастях тотемных животных, его песование тотемами издревле символизировало воспитание, приобщение к тотему, предкам, поэтому во время инициаций, воспроизводивших начальные времена, воспроизводилось пожирание мальчика или юноши мифическим животным. Предполагалось, что именно во время пребывания в чреве животного посвящаемый приобщался к тотему, познаёт его структуру, его потенции, осваивает нормы общезжития. После выхаркивания или извержения он становился полноправным членом общества.

Родительские пальцы (палы), родительская опека послужили основой обрядов, во время которых мальчиков опаляли. Для манифестации этого процесса мальчиков помещали на символический костёр или в символический очаг и символически сжигали, варили, жарили. После такой «опеки»

он становился полноценным членом общества. **Ф.Д. Гиллен** и **У.Б. Спенсер** в своём классическом труде «Туземные племена Центральной Австралии» (1899) сообщают о подобном обряде у австралийцев. Обряд, описанный ими, длился много дней и напоминал собой спектакль. Для проведения обряда в земле было вырыто углубление такого размера, чтобы в нём могло поместиться тело взрослого человека. Это и есть «печь», в которой должен быть поджарен неофит. После того, как неофит был уложен в печь, у его головы и ног разместились два представителя мужского пола, каждый из которых начал делать вид, что поливает неофита и обкладывает его углями. При этом они подражали звукам поджариваемого мяса. В данном случае обряд имел гуманную форму. Существовали и жестокие формы этого обряда. Юношей держали по нескольку минут на действительном огне. Для этого разжигали огромный огонь. Мужчины приказывали мальчикам присесть к нему. Взрослые мужчины располагались в несколько рядов вокруг неофитов. Внезапно они хватали мальчиков и держали их так близко к огню, что у несчастных оказались опалёнными все волосы на теле.

Обряд в Виктории описывается так: «Сильный огонь, зажженный в предыдущую ночь, к этому времени уже сторал, так что он содержал только золу и тлеющие огоньки. Над огнём держат шкуру опоссума, и на неё лопатами насыпают угли и золу. Юноши проходят под шкурой, и их осыпают углями и золой» [Цит. по: Пропп, 1986, с. 99]. В этом обряде подчёркнуто, что изначальная опека осуществлялась посредством чрева животного. Во всех случаях считалось, что такая опека ведёт к величайшему благу: к появлению тех способностей, которые делают человека полноценным членом общества.

По вполне понятным причинам подобного рода обряды зачастую воспроизводили прозрение, просвещение, которы-

ми мы обязаны родительским рукам. Для этих целей производится предварительное временное ослепление неофитов с использованием повязок, растворов и последующее отвержение глаз.

Пребывая на родительских руках, мы учимся общаться, поэтому имитация пребывания в чреве тотемных существ часто сопровождается имитацией отверзания уст, чему предшествует искусственная немота неофита – запрет слова.

Младенцам не свойственно соблюдение правил гигиены. В первобытных условиях они вынуждены ползать по земле, поэтому их руки часто оказываются вымазанными в грязи, золе, кале. Только побывав в пясти-пасти родителей, младенец может очиститься от грязи. Мотив неумойки регулярно встречается в сказках, в которых золушки становятся красавицами только после встречи с добрыми феями. Воспроизводство младенчества, незапамятных времён должно были породить обряды, воспроизводящие состояние неумытости или приобретения белого цвета.

Ссылаясь на *Г. Шульца, В. Пропп* пишет: «запрет умываться не только часто встречается в обряде, но и практически составляет его неизменный момент. Он продолжается во время пребывания неофитов в заповеднике 30 дней, 100 дней, 5 месяцев и т. д. Посвящаемый не только не умывался, но и обмазывался золой. Это обмазывание очень существенно: неумывание связано с обмазыванием или сажей или глиной, т.е. с окраской собственно в чёрный или белый цвет» [Там же. С. 134].

Младенец своими испражнениями склонен пачкать мамашу, ухаживающую за ним. По этой причине посвящаемого не только мазали грязью, но и могли побуждать его ходить по селению несколько дней и ночей, бросая грязью в сторону женщин. Наконец он передавался женщинам, которые его мыли и плясали перед ним.

У новорожденных отсутствует причёска. Это породило многочисленные сказки, в которых фигурируют плешивые герои, а также обряды, запрещающие неофитам показывать причёску женщинам. Это побуждает отроков во время полового созревания носить головные уборы, которые запрещено снимать. **В. Пропп** пишет, что в результате «волосы врастают в шляпу, так что её невозможно снять» [Там же. С. 137].

Мы не помним своего пребывания в пастях животных-предков (родительских руках). Это породило обет молчания, который должен соблюдать неофит, покинувший «чрево» мифического существа. В. Пропп пишет: «Возвращающийся должен хранить глубокое молчание обо всём, что он видел и слышал» [Там же. С. 139].

Сказочная матрица, состоящая из двух пястей-пастей, из которых одна прикрывает другую, породила представление об биоморфной избушке, в которой обитает голова животного, тотемного предка, обитателя подземного мира, мертвеца. Именно эта голова играет решающую роль при обучении диагностике, поскольку именно она непосредственно соприкасается с больным органом и охраняет доступ к нему. Она играет также важную роль при поднесении даров. Мотив мёртвой, благодарной головы нашёл яркое отражение в сказке и мифологизированных обрядах. Так, например, в сказке о кобылячьей голове, которая встречается в русском, украинском и белорусском фольклорном материале, старик отводит дочку в избушку на курьей ножке, в которой обитает кобылячья голова. Есть все основания считать, что эта голова получила своё название от больного места, на котором она обитала. Кобылячья голова побудила героиню пробраться в неё через ухо. Всё это объяснимо в рамках диагностической практики.

По вполне объяснимым причинам родители отучают младенцев кусаться, царапаться. Сказочный герой, уже на-

целившийся на сказочное животное, чтобы убить и съесть, часто слышит мольбу о пощаде. Сказочная формула «не ешь меня» отражает запрет есть тотемное животное, которое выступает в качестве помощника героя. *Д.К. Зеленин* с полным основанием увидел здесь также наличие договорных отношений, которые существуют между героями и тотемными существами. В своей работе «Культ онгонов в Сибири» он пишет: «С нашей точки зрения эти сказки особенно любопытны в том отношении, что они рисуют союзно-договорные отношения людей с животными, что мы считаем центральным местом тотемизма» [Зеленин, 1936, с. 235]. В сказках договорные отношения устанавливаются со сказочными живыми говорящими животными, что отражает те реалии, которые характерны для нашего младенчества. Мифологизированное сознание склонно манифестировать договорные отношения с бутафорскими сооружениями, что в принципе невозможно. Мифологические предрассудки инициировали запреты на поедание представителей тех или биологических видов, якобы находящихся в родстве с человеком. Всё это свидетельствует в пользу вторичности мифологизированных обрядов и мифов по отношению к сказке, которая исторически ближе к жизненным реалиям.

Выводы: обращение к исходным формам приобщения младенцев к сознательной заботе о своём и чужом здоровье, которые практикуют матери с первых месяцев жизни своих чад, позволяет понять смысл древних сказаний, которые являются неиссякаемыми источниками сведений о протосемiotике, прототерапии. Обращение к сказке и мифу позволило выявить сказочную матрицу и показать фундаментальную роль медицины в исходных формах знакового общения, в становлении математики, исходных форм сознания, мировоззрения.

Г л а в а 5

ЗАРОЖДЕНИЕ ЧИСЛЕННЫХ МЕТОДОВ В МЕДИЦИНЕ И ИХ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ДРУГИХ ФЕНОМЕНОВ КУЛЬТУРЫ

*Все есть яд и все есть лекарство,
всему надо знать меру.*

Неизвестный автор

5.1. Изначальная связь численных методов с телесностью и протомедициной

Числа регулярно упоминаются в лечебных заговорах и обрядах, а также в инструкциях по их выполнению. Так, например, описывая подобный способ лечения, **Г.И. Попов** в своей книге «Русская народно-бытовая медицина» пишет: «Иногда дают больному лихорадкой воду, наговорённую на углях, соли и глине. В первый день лечения даётся одна ложка, во 2-й – две, в 3-й – 3 и т. д. до 12 дней. При этом больной, каждый день на деревянной палочке делает соответственное количество зарубок и, по окончании курса лечения, бросает эту палку в реку (Медынск. у. Калужск. г.). При той же болезни берётся с божницы освящённая верба, делается на ней столько надразов, сколько было с больным пароксизмов, и

бросается в натопленную печь. Когда верба сгорит, нужно взглянуть на оставшийся пепел и положить три земных поклона: после этого лихорадка должна пропасть» [Попов, 1996, с. 392–393]. «При “испуге” у ребёнка, знахарка 12 зорь, 6 утренних и 6 вечерних, ходит с ним на погреб. Держа ребёнка на руках и обращаясь утром на восход, а вечером на заход, она там молится, трижды читая молитву “Богородице-Дево” и каждый раз прикладывая ребёнка к земле лбом» [Там же. С. 375]. В магических лечебных обрядах большое значение придаётся 12 лучинкам, связанным в пучок, воде, взятой из 7 различных колодцев.

Магия чисел глубоко укоренена в традиционном сознании. Существует глубокая вера, что число может оказывать влияние на судьбу человека. Существуют также специальные заговоры, помогающие нейтрализовать негативное воздействие чисел. Не только «чертова дюжина» в дате рождения может быть опасна. Негативное влияние оказывают также цифры 6, 8 и 0. Крайне негативно воспринимается число зверя – 666. Для снятия негативного влияния каждого из упомянутых чисел существуют специальные заговоры, сопровождающиеся специальными обрядами.

Для того чтобы пролить свет на истоки счёта, на первые числа, исследователи практикуют изучение языка, народных преданий, песен, считалок, которые сохранили многое из того, что связано с истоками математики. Ценную информацию даёт также наблюдение за детьми, когда они учатся говорить и считать, поскольку ребёнок в ходе культурогенеза как бы повторяет пройденные человечеством шаги. Особый интерес придаётся данным, полученным в ходе изучения языка, счёта у первобытных народов. Вместе с тем до сих пор игнорируются математические операции, лежащие в основе медицинской семиотики, медицинской топографии. Игно-

рируя смертные муки, наложение рук, сведение счётов с жизнью невозможно постигнуть истоки счёта, его изначальную связь с медициной, с осмыслением человеческой телесности. Хотя пальцевый счёт непосредственно связан с осмыслением и описанием телесности, измерением органов, историки предпочитают гадать о причинах, которые побудили наших предков ввести в культуру число. *Всё это побуждает раскрыть в деталях связь врачебной практики с оцифровкой рукотворного универсума, а также объективно оценить роль протомедицины в становлении космогонических мифов, архитектуры, словесности и других феноменов человеческой культуры, возникших в ходе проецирования микрокосма на макрокосм.* Нет оснований считать, что освещение связи протомедицины с протокультурой выходит за рамки, которые заявлены в названии данной книги.

Не секрет, что изначально для счёта использовались естественные органы. Это нашло отражение даже во вторичном (звуковом) языке. Так, например, в татарском языке *сан* 'число', 'количество'; *сан* 'член', 'часть тела' и т. д. [ТРС, 1966, с. 467]. Не может вызывать сомнений, что именно пальцы (**палы**) были первыми счётными **пал-очками**. Исследователи единодушны в том, что жестовый счёт, жестовое представление числа наиболее архаичны. Множество племён и народов издревле пользуется десятичной системой счёта. Они считают единицами до десяти, десятками – до сотни, сотнями – до тысячи и т. д. Откуда такое предпочтение десятке? Есть все основания считать, что отвлечённый счёт возник из предметного, наглядного, а что может более доступным для счёта, чем пальцы. Дети, когда учатся считать, обычно прибегают к помощи пальцев рук. При счёте они последовательно пригибают один палец за другим, или же, предварительно прижав все пальцы к ладони, поочерёдно

разгибают их. То же самое часто делают и взрослые. Когда нечто может быть сосчитано легко, мы говорим, что «это можно сосчитать по пальцам». Многие первобытные племена до сих пор широко используют счёт на пальцах. Несколько тысячелетий назад так считали и цивилизованные народы: вавилоняне, египтяне, китайцы, даже греки и римляне.

Проницательные исследователи даже истоки письменности связывают с пальцевым счётом. Так, например, **В.В. Иванов** в своей книге «Чёт и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем» пишет: «Есть основания видеть ранние следы пальцевого счета и в самой ранней иероглифической "письменности" человечества – знаках и зарубках, сделанных ещё в каменном веке» [Иванов, 1978, с. 67]. Самое раннее свидетельство записи чисел посредством зарубок найдено при раскопках в Свазиленде (Южная Африка). Это малоберцовая кость бабуина с двадцатью девятью пометками, относящаяся к 35-му тысячелетию до нашей эры. Она напоминает календарные палочки, которые до сих пор используются в Намибии. Эти палочки позволяют фиксировать ход времени. В Западной Европе также были найдены кости неолитического периода. На лучевую кость предплечья волка, найденную в Чешской Республике и датированную 30-м тысячелетием до нашей эры, нанесено пятьдесят пять меток, разбитых на два ряда из пяти групп. Исследователи не сомневаются, что в данном случае речь идёт о фиксации количества. Детальный анализ этих знаков, сделанный **Б.А. Фроловым**, привел его к выводу, что в них особенно выделяются группы по 5 и 10 знаков, следовательно, с помощью таких зарубок человек фиксировал результаты сосчитанного по пальцам [Фролов, 1974, с. 116].

Тот факт, что счет на пальцах у всех первобытных народов предшествует именам числительным устной речи, под-

тверждает и происхождение самих числительных. Во многих языках, например в африканских (зулусский и другие языки банту), числительные обозначают только действия над пальцами рук. Таким образом, «ручные понятия» были необходимы для первобытной арифметики у всех народов и без них они не мыслили арифметику.

Древний счёт посредством пальцев наложил неизгладимую печать на системы счисления, практикуемые во всех человеческих сообществах. Касаясь большим пальцем подушечек четырёх смежных пальцев, можно пролить свет на природу троичной, 4-ричной и 12-ричной систем, а количество пальцев на руке проливает свет на природу 5-ричной системы. Использование суставов руки при счёте позволяет пролить свет и на 60-ричную систему счисления. Она получается, если пальцы одной руки использовать для счёта до 12-ти, а пальцы другой руки использовать для обозначения единиц более высокого разряда. Таким способом удаётся зафиксировать 5 12-ричных циклов – 60.

Следы 12-ричной и 60-ричной систем счисления сохранились до нашего времени. Стоит вспомнить счёт дюжинами, счёт часов в сутках, измерение углов градусами, минутами и секундами.

Надо сказать, что словесный счёт отнюдь не обеспечил себе безраздельное господство, причём не только у детей. «Удивительна склонность индейцев и негров не довольствоваться одним словесным счётом, а всячески дополнять выразительными жестами. Говоря “шесть”, они протягивают 6 пальцев. Дойдя до 20, они расставляют ноги, вытягивают руки и растопыривают пальцы. Зулусы в Южной Африке пользуются очень похожим обычаем. Они обходятся без ног и ведут расчёты на одних руках» [Беллюстин, 1923, с. 5]. Словесный счёт не может устроить и цивилизованных людей,

которые предпочитают производить вычисления молча, используя графику, различного рода счётные устройства.

Число играет большую роль в мифологических системах и зачастую олицетворяется: троица, патыры, пенаты и т. д. *Д.Я. Стройк* в своей книге «Краткий очерк по истории математики» пишет: «Современная “нумерология” – пережиток магических обрядов, восходящих к неолитической, а может быть, даже к палеолитической эпохе» [Стройк, 1969, с. 28]. Традиционные взгляды на природу чисел наука склонна рассматривать как числовые суеверия. По поводу этих суеверий автор книги «Математика и суеверия» *Е.М. Чистякова* пишет: «Числовые суеверия обычно заключаются в том, что приписывают числам некоторые символические отношения между числами, с одной стороны, и божественными личностями – с другой. Числовая мистика подобного рода проходит через всю историю человеческой культуры, вплоть до наших дней, и используется служителями культа для пропаганды религиозных взглядов» [Чистякова, 1962, с. 5]. Между тем изначальная связь «подателей всех благ» с числовыми рядами достаточно очевидна (рис. 15), поэтому **к беспочвенным суевериям следует отнести попытки отрицать изначальную связь чисел и божеств.**

Нет оснований также отрицать естественную связь медицины с верой в богов, которые играли и играют важную роль в оказании медицинской помощи. Следует заметить, что наказом, наказанием изначально назывался показ, показания, осуществляемые посредством языка жестов. Божества, которые изначально имели звероподобный вид, могли манифестировать зверскую боль, поэтому их способность наказывать (показывать), судить, участвовать в «страшном суде» (диагнозе, прогнозе) и **судьбе** не может вызывать сомнений. Существует великое множество древних изображе-

Рис. 38. Суд Осириса

ний, отразивших присутствие антропоморфных животных во время страшного суда. Так, например, различные животные присутствуют на суде Осириса (рис. 38).

При раскопках Ниневийской библиотеки в долине Тигра и Евфрата были обнаружены памятники древней шумерской культуры, относящиеся ко времени примерно за 2400 лет до нашей эры. Среди них учёные нашли табличку, на которой имена шестидесяти богов были обозначены числами от единицы до шестидесяти. Отдельно от имен богов был помещён список добрых и злых духов, причём для обозначения их имен применялись, по всей вероятности, дроби. Даже понятие числа было обожествлено шумерскими жрецами. Число, согласно их определению, – тайна, которую божество Эа поверяет своему сыну [Там же. С. 6]. Надо сказать, что божественные **патроны (пятерни)** до сих пор играют фундаментальную роль в ходе приобщения к счёту.

Исходные математические структуры, позволяющая предельно наглядно выражать наши душевные состояния, должны была породить представления о духах, душах, которые издревле были единицами счёта, позволявшими говорить о количестве душ. Эти **души** делились на части **по'душечками** на пальцах и позволяли душевно общаться.

Наши естественные сети могут не только сеять, но и веть, поэтому нет ничего удивительного в том, что именно они породили представления об **ароматах** (англ. *art* 'рука'), духах, целые **армии** которых могут проноситься по воздуху, нападать на несчастных. Души, духи в мифологизированном сознании активны, наблюдаемы, материальны. Изначально душа могла трудиться, а дух мог захватывать. Это было очевидно всякому, кто пытался разобраться в чужих горестях (горстях), «лезть в чужую душу». Душа может крепко держаться за тело, отходить от него. У человека две руки, два выбора душ (единиц). Эти выборы, эти фибры могут вибрировать (фибрилировать).

Жестовый счёт подсказывает, что даже слово **вонь** имеет самое непосредственное отношение к математике и анатомии. Одно (англ. *one*) очко из пальцев или сумма ряда, которыми мы зажимаем нос, позволяют весьма наглядно продемонстрировать это, а также пролить свет на происхождение слов **вонючка, смрад**.

Предсмертная агония (сведение счётов с жизнью) весьма наглядно манифестирует как души (единицы счёта) превращаются в дуги – злобных духов. Эти «душманы» начинают захватывать, терзать брненное тело. **Э.Б. Тайлор** в книге «Миф и обряд в первобытной культуре» пишет: «Племена Конго подобным же образом полагают, что болезни и смерть причиняются душами умерших, превращающихся в могущественных духов» [Тайлор, 2000, с. 322].

Чисто лингвистически можно показать, что представления о душе неразрывно связаны с оцифровкой исходной координатной сети (матрицы), с нашими исходными единицами (соло, коло, кольцами), количественными представлениями, порождёнными извивами души (согнутыми в дуги пальцами), жестами боли и отчаяния. Так, например, англ.

Soul `душа`, лат. spira `изгиб`, `извив`, spiritus `душа`; нем. Geist `дух`, санск. hasta `жест`.

Души, духи издревле подверглись членению при счёте на дюжину составляющих, позволяющих нам «сдюжить». Обнаружить эту дюжину можно касаясь большим пальцем суставов четырёх смежных пальцев. Врачебная практика породила представление о «добрых» и «злых» духах (джинах). Чтобы их обнаружить, можно использовать вместо лампы Аладдина ладони.

Без путешествий в «страну духов» невозможно представить врачебную практику, поэтому и каждый врач бесконечное количество раз встречался с масками смерти, лез в чужую душу, анализировал её извивы. Не только врачеватели, но и каждый читающий эти строки с детства знаком с джинами, дугами, духами, которые скрывают любимые лица и побуждают нас вступать с ними в борьбу. Добрые джины изначально транспортируют нас и служат в качестве незаменимых помощников.

Наша естественная сетка позволяет воочию увидеть Стикс – греческое божество одноимённой реки в царстве мёртвых. Первозданные маски (**хари**) позволяют предельно наглядно продемонстрировать **Харона**, который на своей утлой лодочке (ладошке) перевозит души покойников через **Ахерон**. Позволяют они увидеть и Ноя, и его ковчег (ковшик), где каждой твари по паре (рис. 39). Две руки позволяют весьма наглядно продемонстрировать двух коз, двух волков, двух зайцев и т. д., которые прекрасно уживаются в этом ковчеге.

С всемирными потопами, с загробным миром были хорошо знакомы уже первые эскулапы, которые блуждали в потёмках по елисейским полям, образованным координатной сетью. Следует заметить, что в тюркских языках *ел*

`рука`; *еле* `просеивать, процеживать`; *елес* `силуэт, неясные очертания` [Севортян, 1974].

Тюркские языки позволяют с математической строгостью реконструировать природу мифического бестиария, пролить свет на природу одержимости бесами, бешенства. Дело в том, что в тюркских языках *баш* (~*бѣ:s) 'пять'. Наши пятерни (бесы) действительно способны хватать и удерживать. В болезненном состоянии это происходит чисто рефлекторно, что свидетельствует о глубокой древности одержимости, бесноватости. По мнению *Э.Б. Тайлора*, представление дикарей об одержимости бесами – «представление, существовавшее с незапамятных времён и остающееся до сих пор у примитивных сообществ преобладающей теорией причины болезней и вдохновлённого состояния. В основе его, очевидно, лежит анимистическое объяснение действительных болезненных симптомов, являющееся вполне непосредственным и рациональным на соответствующем этапе истории развития человека. Учение о духах болезней занимает наиболее обширное, важное и постоянное место в период первобытной культуры. Если мы получим ясное представление об этом учении в первобытном обществе, то отсюда нам уже легко будет проследить, как оно разрушилось под влиянием

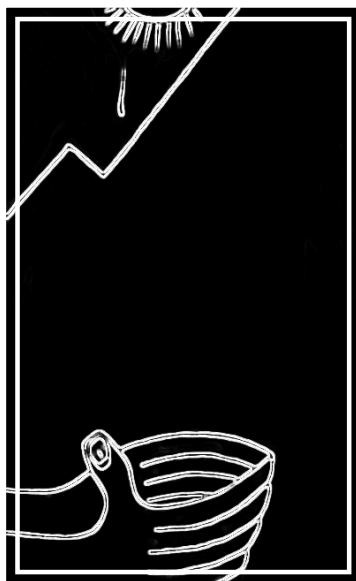

Рис. 39. Всемирный потоп.
Реконструкция В.А. Воронцова

новых медицинских знаний, как время от времени возродилось снова и как, наконец, пережитки его дошли до нашего времени» [Тайлор, 2000, с. 320].

Дуги, духи, души, подушечки позволяют демонстрировать не только целые единицы, но и дроби, поэтому математической табличке из Ниневийской библиотеки, связывающей дробь с духами, следует верить. Не следует верить тем, кто отрицает наличие строгой логики в традиционных учениях, а также способности духов, бесов нападать на человека и непрерывно беспокоить его. Вполне рациональны и многие традиционные борьбы с духами, бесами, например, путём их отвлечения от тела жертвы. Так, например, русский народ для детских заболеваний изобрёл «особых духов» и полагал, что если ребёнок беспокоится и не спит по ночам, значит, к нему пристала «полуношница» или «полуношник». «Для лечения полуношницы кладут в люльку к мальчику игрушечный лучёк, а девочке – маленькую пряслицу (прялку), с наговорами: “вот тебе полуношница – щебетунья, дело и работа, а ребёнка не шевели ни во дни, ни в ночи, ни в какие часы” (Никольск. у., Волог. г.)» [Попов, 1996, с. 309–310]. Занятая делом «щебетунья» (щепоть) перестаёт щипать, чесать и ребёнок успокаивается. Духов, которые не дают покоя взрослым, занимают другим способом: подсовывают им карты, выпивку и т. д. Следует заметить, что бесы большие любители играть в карты.

Надо сказать, что духи чисто рефлекторно нападают на нас не только при болезни, но и когда мы хохочем до упаду. Они хватают нас за грудь, за живот, за лицо. Юмор (умора) внешне сходен с мором.

Язык, сказки и мифы связывают истоки численных методов с духовными процессами, а не с обработкой камня, бронзы, железа. Оцифровка исходных геометрических структур

неразрывно связана с верой в духов, с анимизмом. Пальцевой счёт играет большую роль в мифологических системах. Нумерация изначально была связана с геометрическими структурами (мерными сетками) и служила для беззвучного или звукового обозначения их элементов, выступавших в рукотворном универсуме в качестве кумиров, духов и других божественных сущностей. Смертельная боль, попытки её умерить породили представление об измерении, а кровавые оттиски – представления о первых шифрах, цифрах, непосредственно связанных с рукотворным миром, игнорируя который невозможно разобраться в истоках и истории медицинских познаний и теорий.

Сведение счётов с жизнью, наложение рук, маска смерти породили представление о связи счёта со смертью, с переходом в «иной мир». Самое раннее упоминание счета на пальцах в магическом значении содержится в древнеегипетском заклинании для получения перехода в загробный мир. Умерший царь уговаривает перевозчика (подобного греческому Харону) дать ему переправиться на восточную сторону канала в потустороннем мире. На это перевозчик ему говорит: «Величественный бог на другой стороне скажет: не привел ли ты мне человека, который не может сосчитать свои пальцы?». Но царь в ответ читает стихотворение, каждая из строк которого соответствует одному из пальцев, расположенных в соответствии с египетским счетом [Sethe, 1918].

Наши естественные меры, кумиры, шефы, шифры могут не только соотноситься с определёнными числами, но и выступать в качестве исходных цифр, которые можно обнаружить в чудесных книгах. Так, например, римские цифры – не что иное, как изображение пальцев. Римские цифры, изображающие один, два, три и четыре, в точности похожи на выпрямленные пальцы. Изображение числа пять выглядит

как раскрытая ладонь с оттопыренным большим пальцем, а цифра десять это две скрещенные руки.

Если мы вспомним про чудесные книги, про сокровенную печать, про наливающиеся кровью буквы, про сетки-стихи, соло-слова, то неизбежно придём к выводу, что **нумерация** изначально связана с попытками **умерить** боль. Число окровавленных суставов изначально считывалось с ладони, поскольку являлось естественной цифрой, естественным словом. В «Этимологическом словаре русского языка» **М. Фасмера**, слово *число* производится из праславянского «*čit-clo, родственного *читать*» [Фасмер, 1973]. Надо сказать, что у современных программистов число в качестве слова вновь прочно утвердилось.

5.2. Терапевтическое значение рукотворного космоса и связь мифологической космологии с ручным счётом

В.Н. Топоров в статье «Числа» пишет: «В архаичных традициях Ч. могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, “космизирующее значение”. Тем самым Ч. становились образом мира и отсюда – средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций» [Топоров, 1992, с. 629]. Связь чисел с исходными мерами, мирами, кумирами более чем очевидна. Тамильский поэт VII в. **Аннап**, который наверняка знал традиционный язык жестов, писал о Шиве: «Он число и цифра для числа» [Цит. по Топоров, 1992, с. 630]. Космические катастрофы, гибель кумиров происходят при счёте (загибании пальцев), а также при манифестации болезненного состояния. Манифестируя результаты счёта, мы выпрямляем пальцы, что

может рассматриваться как воспроизведение космического порядка.

Пясти (пасти), сказочная матрица породили представления о многоэтажном небе (нёбе), «небесах обетованных», а также о «небожителях». Касаясь кончиком большого пальца подушечек четырёх пальцев, мы можем познакомиться не только с 12 **мышцами**, но и с 12 сказочными **месяцами**, которые могут накормить и обогреть, а также сурово наказать. Раздвинув пальцы (палы) на ладонях, мы можем увидеть бесплотных пламенных ангелов. Эти божьи вестники обитают **в сети**, посредством которой изначально передавались божественные **вести**.

Угодить пальцем в нёбо, в первозданные палаты (лат. palatum `нёбо`) можно при счёте на пальцах, а также при диагностике. В сказках богатыри часто забрасывают палицы в небо. Так, например, в сказке «Иван Попялов» герой подкидывает палицу в гору и через сутки ловит её, подставив свой лоб. Аналогично он поступает со второй и третьей палицей [Афанасьев, 1984, № 135]. Такое вполне возможно при подсчёте суток или дней на пальцах, с которыми связаны исходные представления о палицах (бактериях), богатырях. Соотнести Попялова логично с крайним суставом большого пальца (пала). Именно он склонен ловить палицы на свою голову при счёте на пальцах. Сказочные герои не только забрасывают палицы в небо (нёбо), но и сами залезают на него, а также наедаются там.

Ладони (**долони**, **длани**) матери являются первыми **доллинами**, которые мы не только изначально обживаем, но и изначально осмысливаем. Это осмысление происходит в процессе приобщения к протомедицине. Есть все основания считать, что именно они породили представления о **длине**. Есть также серьёзные основания считать, что **серия**

из четырёх пальцев руки породила представление о **шири**. Ширь жмени со временем трансформировалась в ширь земную, Мать – Сыру Землю. Следует заметить, что в казахском языке *сере* «мера (толщины), равная ширине слегка раздвинутых четырёх пальцев» [КРС, 1954, с. 299]. В том, что исходные долины, **долы** самой природой поделены на **доли** и имеют картографическую сетку, нет оснований сомневаться. Есть все основания полагать, что сказочные представители мужского и женского **пола** были первыми **полями**, которые подверглись математической оценке, причём задолго до появления земледелия.

В рукотворных «чарах-сетях» располагаются исходные царства, описание которых и породило медицинскую топографию. При счёте на пальцах кольца, коlobки, клубки, шарики могут перемещаться, перескакивая из одного царства в другое, демонстрируя исходные представления об исходной местности, об исходной картографии, об исходных геометрических структурах, которые историки математики, историки медицины традиционно игнорируют. Скороходами также могли быть и мальчик с пальчик, и Покатигорошек. По очевидным причинам коlobок на руке мог манифестировать 12 (три и девять) царств на четырёх смежных пальцах, причём молча. Для перехода в три и десятое царство требовались пальцы иной руки, иной меры, иного мира. Следует заметить, что *скорой* издревле называли кожу, поэтому первые *сороходы* перемещались по коже.

Естественная система координат является подвижной. По очевидным причинам сказочные царства могут скатываться, переноситься («скатали свои царства в яички, забрали с собой») [Афанасьев, 1984, № 140]. «Шарик, – говорит, – доведёт тебя до средней сестры, а в этом колечке всё медное царство» [Там же. № 129]. Медное царство, как и хозяй-

ку медной горы, следует искать в мизинце. Таким образом, сказочные дальние страны располагаются в ладони (длани), в местах нашего изначального обитания. Изначальные площади могут делиться, складываться, оцифровываться чисто рефлекторно, без привлечения звукового языка. Именно это придаёт им большую значимость в сфере медицинской семиотики. Транспортироваться издревле могли не только царства, но рукотворные материки. Исходная форма брака, исходная геометрическая структура позволяют продемонстрировать Европу, транспортируемую Зевсом. Именно эту Европу мы изначально населяем.

Вполне естественно, что не только сказочные царства, но и сказочные герои могут трансформироваться в кольца, которые образуются, например, при счёте на пальцах (перстах). «Купеческий сын выскочил из воды и сделался перстнем» [Афанасьев, 1985, № 252].

Пясти (пасти) животных-предков, тотемов являются исконным местом обитания не только сказочных и мифических героев, но и человека в современном понимании этого слова. Эти пясти-пасти являются первым домом (нем. Haus – дом), первым **терапевтическим средством, позволяющим умерить боль, первым госпиталем**. Всё это не могло не породить соответствующих представлений о первоначальном мире, первоначальном пространстве. «Хаос (греч. χάος, chaos, от корня cha-, отсюда chaino, chasco, “зеваю”, “разеваю”; хаос поэтому означает, прежде всего “зев”, “зевание”, “зияние”, “развёрстое пространство”, “пустое протяжение”» [Лосев, 1992, с. 579]. В «Происхождении богов. Теогонии» Гесиода Хаос в качестве одной из основных первопотенций порождает из себя Эреб и Ночь. Чтобы воспроизвести ночь, достаточно наложить руки на очи. В космогонии **Аристофана** Хаос фигурирует в качестве первопричины наряду с

Эребом, Ночью. Гесиодовская и аристофановская концепции трактуют Хаос как нечто живое. Не только античные, но и современные исследователи мифологии вынуждены видеть в Хаосе живое начало. Так, например, **А.Ф. Лосев** в статье «Хаос» пишет: «Он – мировое чудовище, сущность которого есть пустота и ничто. Но это такое ничто, которое стало мировым чудовищем, это – бесконечность и нуль одновременно» [Там же. С. 581].

По мере развития пальцевого счёта, исходные геометрические структуры перестают восприниматься как нагромождение скалящихся скал (шкал). Присоединяя к осям ось можно воспроизвести рукотворный космос (рис. 1), который изначально совпадал со сказочной матрицей. Связь космоса с осями можно проследить на примере китайского языка:

zhou – «ось»;

yu – предлог (указывает совместность);

yuzhou – «космос»

[Котов, 2004].

Пересечение **трёх осей** породило представление об **острие**. Углы между осями и количество осей могут меняться, манифестируя острую или тупую боль. Они неразрывно связаны с исходной системой мер, с исходным мирозданием, космосом. В греческом языке *космос* «порядок», «упорядоченность», «строение», «устройство» и т. д. Оси мерного куба породили такие образы, как стрелы Амура, Купидона. Посредством этих стрел, прижатых к груди, мы манифестируем сердечные страдания.

Связь мифологического космогенеза с медицинской практикой подтверждается этнографическими наблюдениями. Так, например, **М. Элиаде** в книге «Мифы, сновидения, мистерии» пишет: «Было установлено, что многие народы,

от наиболее примитивных до наиболее цивилизованных (например, народы Месопотамии), в качестве терапевтического средства использовали декламацию космогонического мифа» [Элиаде, 1996, с. 51]. Так, например, в древней Месопотамии «Заговор против зубной боли» начинался так:

*Когда Ану Сотворил небо,
Небеса сотворили землю,
Земля сотворила реки,
Реки сотворили протоки, протоки сотворили болота,
Болота червя сотворили.*

Пер. В.К. Афанасьевой
[Я открою тебе..., 1981, с. 202]

Рукотворный универсум до сих пор позволяет умерить боль. Есть все основания полагать, что терапевтический космогенез сыграл главную роль не только в становлении данного заговора, но и в становлении мифологического космогенеза. Космические мотивы, порождённые изначальным манипулированием небом и землёй, звучат и в русском заклинании: «Выхожу я, раб Божий под синее небо, под красное солнце, под светлый месяц, под частыя звёзды и запырал я небо и землю и красное солнце, и светлый месяц и частыя звёзды, тремя замками и тремя ключами от колдуна и волшебника» [Знахарство или Русские..., 1911, с. 11].

Всем мифологическим системам присущ (в той или иной степени) общий набор черт, определяющих космос. Космос вторичен по отношению к хаосу – нагромождению скал (шкал). Он противопоставляется хаосу. Вместе с тем он во многих случаях возникает из хаоса и является его частью. Подчёркивая связь космоса и хаоса, **В.Н. Топоров** в статье «Космос» пишет: «Взаимоотношения К. и хаоса осуществляются не только во времени, но и в пространстве. И в этом

случае К. нередко представляется как нечто включённое внутрь хаоса, который окружает К. извне» [Топоров, 1992, с. 10].

Изначальный Хаос может быть заполнен слезами страдальцев и выступать в качестве водного Хаоса – моря-океана. В мифах исходная твердь (Мать Земля) может быть порождена животным или птицей, которые нырнули на дно или плавают в первозданном океане. В качестве этого животного (птицы) и этого океана следует рассматривать две ладони, формирующие рукотворную матрицу, рукотворный универсум.

Евангелие от Иоанна начинается со слов: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Попытки подправить евангелиста и поставить в начале дело, а не Слово не имеют серьёзных оснований. В работе «Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогенеза» нами показано, «что слово изначально было действенным. Жесты, божества, кумиры, демоны, монстры демонстрировали дюймы, меры, миры, мироздания в гробовой тишине» [Воронцов, 2012в, с. 85]. Интересно отметить, что в средненемецком языке *Daumen* – «большой палец». Этот орган играет фундаментальную роль при счёте на пальцах. Его с полным основанием можно считать властелином колец, мер, миров, количественных представлений (рис. 12). К подобного рода мифологическим персонажам относится Геракл, который был первым циркулем. На рис. 12 показано, как большой палец (**пал**) **опалает** головы многоголовой гидры (четырёх смежных пальцев, у которых отрастают отрезанные головы – ногти), как он удерживает небо (нёбо) и получает от титана яблоки гесперид, которые сторожит дракон Ладон (ладонь). Геспериды позволяют структурировать период обращения Геи вокруг Солнца.

Кольца из пальцев породили не только количественные представления. Они традиционно выступают в качестве магического средства. Во многих сказках слуги появляются из чудесных колец, подаренных герою. Кольцо из пальцев делают героя не только владельцем дюжины молодцов, но и джина, который также обитает в этом кольце. В татарской сказке птица Семруг дарит герою кольцо и говорит: «Если сумеешь уберечь кольцо, будешь повелителем всех пэри и джинов! Стоит только кольцо на большой палец надеть, как прилетят все они к тебе и спросят: “Падишах наш, султан наш, что угодно?” И приказывай, что хочешь» [ТНТ, 2001, № 42]. Это подтверждает мысль о том, что именно большой палец является властелином колец, властелином мер, властелином миров. Кольца, количественные представления возникают не только при счёте, но и при удержании, захвате тела, предметов посредством нашей дюжины, помогающей нам «сдюжить».

Все наши естественные единицы (соло) являлись изначальными словесами, которые приняли самое активное участие в оцифровке матрицы, в формировании рукотворного космоса, рукотворной словесности, рукотворной математики. Игнорируя начальные времена нашего бытия, исходный логический аппарат, исходное Слово можно составить самое превратное представление об истоках сознательной врачебной помощи, о логике мифа. Так, например, **Я.Э. Голосовкер** своей книге «Логика мифа» пишет: «Имагинативный мир мифологии имеет своё бытие: это так называемое “якобы бытие”, обладающее своей своеобразной логикой, которая для действительного бытия будет алогичной. Поэтому логику “якобы бытия” правильно назвать “алогичной логикой” или “логикой алогичного”» [Голосовкер, 1987, с. 18]. Используя «алогичную логику» можно создать только

алогичную теорию мифа и глубоко ошибочное представление об умственном потенциале наших предков.

5.3. Роль чудесных растений в протоматематике и протомедицине

В сказках большую роль играет сказочный лес, в котором герои знакомятся со сказочными чудо-вещами, чудовищами и т. д. Сказочная матрица (естественная система координат) позволяет пролить свет на природу сказочного леса, сказочных растений, чудесных палиц и других поделок из сказочной древесины. Сказочные леса, растения похожи на строительные леса, решётки. Они могут служить в качестве преграды, укрытия и возникать мгновенно. Для этого достаточно волшебного слова или взмаха рук. В укр. языке *леса* «плетень», «ограда», в болг. «переносный плетень», «решётка» [Фасмер, 1967, с. 485]. Сказочные и мифические растения могут быть огненными, пламенными. Связь пламенных растений с решетом, образованным нашими пальцами (палами), подтверждает слово *рост* «таган или решётка, над которой или под которой разводится огонь» [Фасмер, 1971, с. 506].

Сказочный лес, является естественной личиной, в которой и следует искать леших, а также других обитателей сказочного леса. Рукотворная личина – естественная система координат, разделённая на 12 зон (рис.1). Посредством этих зон естественным образом структурируется боль. Эта боль, эти зоны, должны были породить представления о болезни, о её соотнесённости со сказочным растением, а также с определённым числом. Нет ничего удивительного в том, что с растениями в мифологическом сознании связан определённый код. Растения регулярно упоминаются в лечебных заго-

ворах. Так, например, в лечебных заговорах русского народа регулярно упоминается загадочный дуб, с которым связаны различного рода заболевания: «На море, на Океане, на острове буяне стоит дуб таратынский. На тот дуб слетались двенадцать недуг, двенадцать золотух. Расходитесь вы, недуги, родные сёстры золотухи, по пням, по колодам, по гнилым по болотам из раба (имя)» [Заговоры для защиты..., 2005, с. 120]. В заговоре от рож (болезни) говорится: «На море Си-яне, на острове Кургане стоит дуб, на том дубе двенадцать рож: рожа синяя, рожа красная, рожа чудная, рожа переговорная, рожа смешная, рожа глазная, рожа ветреная, рожа ломовая, рожа костовая, рожа судная, рожа переговорная» [Там же. С. 129].

Множество проблем у исследователей вызывает осмысление природы «мирового дерева», которое упоминается в фольклоре и мифах. Вертикальная и горизонтальная структура мирового дерева содержит в себе набор «мифопоэтических» числовых констант, упорядочивающих космический мир. Членение по вертикали предполагает преимущественно триаду (богов, месяцев в сезоне, героев сказки и т. д.). Членение по горизонтали – тетраду (богов, сезонов, сторон света, космические века и т. п.) [Топоров, 1991, с. 404]. Всё это побуждает предельно детально рассмотреть эту архаичную моделирующую систему и разобраться в природе её числовых констант.

«Мировое дерево» полифункционально. Оно имеет множество ипостасей: «дерево жизни», «дерево плодородия», «дерево центра», «дерево восхождения», «небесное дерево», «шаманское дерево», «мистическое дерево», «дерево познания», «дерево смерти», «дерево зла», «дерево подземного царства» и т. д. В науке единый взгляд на природу этих загадочных деревьев до сих пор не выработан. Главную роль в формиро-

вании представлений о мифических деревьях исследователи склонны отводить ботаническим видам. Так, например, **В.Н. Топоров** в статье «Растения» пишет: «Исключительная роль растений – диких и особенно культурных – в жизни человека способствовала мифологизации всего контекста, в котором выступают растения...» [Топоров, 1992, с. 368]. Исключительная роль любых растений способствует их пристальному изучению, что затрудняет фантастические измышления по их поводу, приписывание им свойств, которыми они не располагают. Очевидно, что ботанические виды не позволяют свободно манипулировать ими в качестве знаков, в них невозможно отыскать **универсальную** математическую структуру, присущую «мировому древу».

Во многих мифах, сказках, преданиях подчёркнут изоморфизм дерева и человека. В них часто деревья выступают как живые существа: они чувствуют, говорят друг с другом и с людьми. В народных представлениях их нельзя бить, рубить, пилить, осквернять.

Широко распространены мифы, сказки, в которых деревья выступают в качестве тотемных предков или родителей, принявших растительный облик. Материнское притворство, игра в прятки, приобщение к диагностике привели к тому, что многие народы верят, будто первый человек появился из растения. По этой же причине сказочные и мифические деревья могут укрывать людей, предсказывать судьбу и т. д. Так, например, **В.Н. Топоров** в статье «Растения» пишет, что «у европейских народов были широко распространены поверья, что «души предков живут в дереве, ветвях, листьях, цветах и т. п. (ср. распространённый мотив божественного голоса или человеческих голосов, слышимых в шелесте листьев, и использование его в предсказаниях, сфере мантики и магии)» [Топоров, 1992, с. 369].

Деревья часто фигурируют в качестве божеств, которым приносят различного рода жертвы. Так, например, **А.Н. Афанасьев** в «Древе жизни» упоминает об апокрифической беседе Панагиота с фрязином Азимитом (по рукописи XVI в.), в которой мировое дерево описано так: «А посреди рая древо животное, еже есть божество, и приближается верх того дерева до небес. Дерево то златовидно в огненной красоте; оно покрывает ветвями весь рай, имеет же листья от всех деревьев и плоды тоже...» [Афанасьев, 1983, с. 214].

Отожествление деревьев с божествами, требующими жертв, предельно облегчает реконструкцию мифических деревьев. До сих пор родители широко используют жесты, чтобы побудить детей делиться. Широко распространены мифологемы о происхождении божеств от растений, а также о превращении последних в растение или божество. Так, например, мифы повествуют о «проращении» Осириса; садах Адониса и происхождении Адониса из мирового дерева; возрождение Аттиса в виде цветов и деревьев.

Существуют мифы, сказки, в которых описаны божества, чудесные существа, люди, обитающие или подвешенные на древе. На деревьях обитают русалки, дриады, скандинавский бог Один оказался повешенным на дереве Иггдрасиль, а Иисус Христос – на крестовом дереве (рис. 40).

Рис. 40. У каждого свой крест. Реконструкция В.А. Воронцова

Библейские сказания свидетельствуют, что Бог может представлять в виде пламенного куста – неопалимой купины.

Под мировым деревом в центре вселенной традиционно рождались боги, герои, цари. Древнегреческий миф повествует о том, как младенец Зевс был вскормлен козой Амалтейей у подножия священного дерева. Под деревом родился и Аполлон. В русской народной сказке, известной также другим славянам, рассказывается про дуб, который вырос до самого неба; полез старик на тот дуб, да и взобрался на небо, где сидел кочеток-золотой гребешок – птица, которая ни в огне не горит, ни в воде не тонет.

Широко распространены инвертированные образы мирового древа. В русском заговоре говорится: «На море на Океяне, на острове на Кургане стоит белая берёза, вниз ветвями, вверх кореньями». Подобного рода перевёрнутые деревья не только изображаются в соответствующих традициях на ритуальных предметах, но «нередко в ритуалах используются и натуральные перевёрнутые» [Там же. С. 401]. В космогонических мифах «мировое дерево» зачастую выступает как первый объект, который был создан богами. Вполне возможно, что слово *древность* этимологически связано со словом *древо*.

Наблюдения выдающегося русского лингвиста и фольклориста **Ф.И. Буслаева** уже давно пролили свет на природу мифических деревьев. В своей работе «Эпическая поэзия» он пишет: «Языки индоевропейские особенное сходство с растением находили в руке: так в санскрите названия руки, пальцев, ногтей образовались уподоблением с растением: палец *кара сак'а* (*кара* рука, собственно: делающая, от *кри* делать, а *сак'а* сук, сучёк), поэтому и рука называется сложным словом, значащим по переводу: имеющая пять ветвей или сучков: *панча-сак'а* (*панчан* пять, и *сак'а* сук); ноготь же

вырастает на пальце, как лист на ветви, а потому называется *кара-руи* (*кара* рука, *и руи* расти), собственно растущий на руке. Имея в виду такую связь понятий, можем предположить, что слово *рамень* – лес, поросль, доселе употребляющееся в Вятской губернии и весьма обыкновенное в языке старинном, происходит от *рамо, рамена*» [Буслаев, 2003, с. 30].

В тюркских языках *суқ* «указательный (палец)» [ЭСТЯ, 2003, с. 333], *суksуk* «какое-то дерево (саксаул)» [Там же. С. 348]. В татарском языке *уч* «ладонь», «горсть»; *учарлы* «ветвистый» [ТРС, 1966].

Исконную связь руки с растением можно проследить во многих языках. Так, например, в кит. *shǒu* «рука»; *shǒuzhǎng* «ладонь», *shǒuzháng* «палка»; *shù, shùmù* «дерево»; *shùmù* «число», «количество» [Котов, 2004].

Пальцы, ладони (греч. *πάλαμη*, лат. *palma* «ладонь», «рука») являются первыми пальмами, лотосами, с которыми мы знакомимся изначально, поэтому в руках следует искать первоначальные божества, исходную меру, центр мироздания, а отнюдь не в ботанических видах, как это делает, например, Д. Кэмпбелл в своей книге «Мифический образ» [Кэмпбелл, 2002, с. 277–305].

Дарованные нам от природы деревья, которыми мы здороваемся, являются не просто знаковыми системами, символами здоровья, жизненной силы. От них актуально во многом зависит благополучие человека.

Наши длани, пальцы являются естественными мерами. Это позволяет реконструировать «мировое (мерное) дерево» (рис. 41). Оно действительно растёт вверх корнями. Поднимающую руку, мы переворачиваем дерево. Нет ничего удивительного в том, что слова *корень* и *крона* одного корня. Касаясь большим пальцем подушечек четырёх смежных пальцев,

Рис. 41. Мировое древо.
Реконструкция В.А. Воронцова

легко убедиться, что мировое (мерное) дерево делится по вертикали на три части, а по горизонтали – на четыре части. Для выявления родников, которые бьют у корней мирового дерева, следует вспомнить, что *рудой* издревле называли кровь. До сих пор матери называют *родничком* пульсирующую артерию на голове ребёнка. Присутствуют такие артерии и у кисти руки, где традиционно нащупывается пульс.

Ещё проще на ладони обнаружить **белую белку** – медиатора (рис. 41), а также

козу (рис. 3), которая вскормила не только Зевса, но и всё человечество. С математической строгостью реконструируются и чудесные пламенные птицы (пятаки), которые обитают в кроне мирового дерева (пальцах, палах).

Надо сказать, что проницательный **Ф.И. Буслаев** глубоко заблуждался, полагая, что первобытный человек считал руки похожими на деревья. Первобытный человек деревья рассматривал как живые руки. Игнорируя этот факт, невозможно понять главную причину очеловечивания деревьев, приписывания им чудесных свойств, а также боязнь их поранить.

С руками человек знакомится ещё в колыбели. Материнские руки кормят, поят, носят его на себе, приучают к вежливости, а также манифестируют состояние духа. Все эти

представления со временем были перенесены на окружающую растительность, которая одушевлялась, что может быть подтверждено неограниченным количеством фактов. Так, например, *Дж. Фрезер* в своей книге «Золотая ветвь» пишет: «Туземцы племени ваника (Восточная Африка) воображают, что каждое дерево, в особенности кокосовая пальма, имеют свою душу, поэтому “срубить кокосовую пальму приравнивается к материубийству, потому что дерево это даёт им жизнь и пропитание, как мать своему ребёнку”. Сиамские монахи, будучи уверены, что души есть повсюду и что разрушить что-то – значит насильственно выселить духа, никогда не сорвут ветку с дерева, “как не сломают они руку невинному человеку”» [Фрезер, 1983, с. 112–113].

Фрезер отмечает, что подобного рода верования характерны не только для первобытных людей. «Деревья, которые истекают кровью и испускают крики боли и негодования, когда их рубят или поджигают, очень часто фигурируют в китайских книгах (даже в исторических сочинениях). В некоторых частях Австрии старые крестьяне продолжают верить, что лесные деревья одарены духом и без особой на то причины не позволяют надрезать их кору; они слышали от своих отцов, что дерево чувствует надрез не меньше, чем человек рану» [Фрезер. 1983, с. 113].

Первобытный человек наделял дерево не только способностью чувствовать, но и способностью мстить, наказывать, что вполне естественно, если изначально деревом считали руки. Загадочное древо упоминается в лечебных заговорах далеко не случайно. Издревле многие народы считали, что болезнетворные демоны обитают в деревьях. Действительно, ведь именно руками-деревьями мы прикрываем больное место. Со временем болезнетворных демонов начали находить и в обычных растениях. С *Ч.Г. Ундервуд* в книге «Ви-

зит в Корею, политика, общество, религия» пишет, что когда ребёнок тяжело заболел, мать, оторвав от его одежды лоскуты и купив на скудные средства вкусных продуктов, неслла их к дереву. Там, привязав к дереву эти лоскуты и, написав на бумаге просьбу, она размещала жертвоприношения у основания каменной кучи. Затем, стоя на коленях, упрашивала демонов болезни, причинявших страдания её ребёнку, остаться в лоскутах, а жизнь ребёнка пощадить [Underwood, 1908, p. 87–88]. Подобного рода обычаи свидетельствуют также о связи культа деревьев с медицинской практикой, с манифестацией болезнью первыми деревьями.

Рука играет огромную роль в диагностике, поэтому и похожей на неё растительности издревле приписывалась способность предсказывать судьбу. Листья дуба имеют отдалённое сходство с ладонью, поэтому именно дуб у европейских народов чаще всего служил в качестве оракула.

Приведённые факты свидетельствуют, что в образах мифических и сказочных растений отразились структура и потенции человеческой телесности. Подобно человеческим рукам, мифические растения проявляют способность предсказывать судьбу, спасать, награждать, принимать подарки, воспитывать и т. д. Вместе с тем сказочным, мифическим деревьям традиционно приписываются знаковые, духовные, космогонические функции. Это вполне объяснимо, поскольку руки (сказочные, мифические деревья) используются при построении исходного универсума, а также в формировании и использовании исходных математических структур, позволяющих кодировать информацию, связанную не только с человеческой телесностью, психикой, но и с окружающим человека миром.

5.4. Роль солнечных и лунных божеств в системах счисления и в протомедицине

Солнечные и лунные образы на ногтях породили представления о солнечных и лунных божествах, о солнечных и лунных царствах. Эти сказочные и мифические персонажи обычно обитают на сказочных кустах, деревьях, играющих фундаментальную роль в протомедицине. Всё это в немалой степени способствовало вычленению в исходном универсуме первых единиц (соло), а также появлению счёта, манифестации чисел. Есть множество оснований считать, что изначально солнечные и лунные божества не использовались для отражения годовых циклов (поскольку их было десять), а служили для отражения болезненных процессов, протекающих в организме. По вполне объяснимым причинам эти сказочные солнца, символизирующие болезнь, подвергались побиванию при диагностике, как и сказочные невесты, а также участвовали активное участие в побивании. Известна, например, китайская легенда, которая называется «Десять солнц». Вот её краткое изложение: «В незапамятные времена далеко-далеко на севере страны *Хэйчи* расстилалась пустынная равнина. Росло на равнине лишь одно громадное дерево с двумя стволами. Это было волшебное дерево – фушань. Жили на этом дереве десять братьев солнц-птиц. Они были сыновьями бога богов Ди Цзюня, правившего всеми божествами.

Десять солнц-птиц как-то, разыгравшись, взлетели все вместе на небо. А если от одного солнца порой некуда деться – так оно печёт, то, что же ожидало теперь землю! Вместе с этими солнцами появились и страшные чудовища, которые начали пожирать людей.

Видя страдания своих подданных, справедливейший император Яо обратился к Ди Цзюню. Бог богов сам не

знал, как унять своих разыгравшихся детей – солнц. Посоветовавшись со своей супругой Си Хэ, он решил послать на землю храброго и умного Хоу И, славившегося среди богов своим необычайным искусством стрельбы из лука. Хоу И, захватив свой волшебный красный лук и белый колчан, полный стрел с оперением из хвоста птицы-феникса, спустился на землю.

Как раз наступило время обеда, и все десять солнц парили в самом зените, и на земле стояла жара, как в пламени печи. Хоу И, заслонившись ладонью, посмотрел на небо, ни слова не говоря, вытащил из колчана стрелу, наложив её на тетиву своего волшебного лука, и выстрелил. Небо побагровело, и поднялась буря с дождём и грозой. Быстро всё стихло, и люди увидели» лежит у их ног солнце-птица. Одна за другой падали на землю золотые птицы, сбитые искусным стрелком. На земле стало прохладнее, и уже не так слепил свет, наконец, осталось одно солнце» [Китайские легенды..., 1958, с. 57–61].

Обращение к жизненным реалиям, к нашей конституции, к нашему микрокосму, к естественной матрице позволяет без труда обнаружить у человека дерево с «двумя стволами» (руки), а также рассмотреть на его ветвях десять солнечных братьев. Наши пясти (пасти) позволяют также обнаружить чудовищ, которые сопровождали солнечных братьев, а также небеса, на которые слетались 10 солнц. В основе этой легенды лежит чисто диагностическая практика, в ходе которой целитель (врачеватель) стремится выделить один единственный указующий перст пациента, который демонстрирует эпицентр боли и т. д.

Диагностика осуществляется пальцами целителей, которые были первыми стрелками. Нет ничего удивительного в том, что в качестве стрелка, подбивающего лишние солнца,

в мифологии монголов и ойрогов выступает *Эрхий-мерген* («стрелок Большой палец») [МНМ, 1992, с. 669]. Есть все основания полагать, что пальцы (палы), а также диагностическая практика породили и образ опального стрелка в русских сказках, который охотится за жар-птицей, похищает у неё перо – перст пациента, указующий на больное место. Это перо несёт знаковую функцию. Богатырский конь предупреждает стрелца: «Не бери золотого пера; возмёшь – горе узнаешь!» [Афанасьев, 1984, № 169].

Аполлон, расстрелявший из лука сыновей Ниобы, принадлежит к подобной категории лучников-целителей. По вполне объяснимым причинам это солнечное божество издревле связывалось с растительным миром. Он – Дафний, т. е. лавровый, «прорицающий из лавра», «любящий лавровое дерево» Дафну. Вспомнив про дерево, на котором обитали сказочные солнечные божества, легко объяснить, почему Аполлон прорицал из дерева. ***Роль последовательного подбивания солнечных божеств пациента солнечными божествами врача в становлении диагностики невозможно переоценить.***

Со временем сказочные растения, мифические деревья, солнечные божества стали использоваться не только в диагностических целях, но и для манифестации счёта, чисел, а также породили представления о сказителях, предсказателях, в качестве которых нередко выступают растения, солнечные божества. Следует заметить, что исходные жестовые словеса, глоссы воспринимаются и провозглашаются глазами, очами. Изобразив пальцами очко, зеро можно познакомиться с первым органом зрения, воспринявшим первое слово. **Соло в очке** и является первым **словечком**, поэтому не имеет смысла противопоставлять первое число и первое Слово. С **оком** связан и исходный **в`окал**, исходное **пение**

(пени), которые были абсолютно беззвучны, пока наши **пена-ты** не научились щёлкать пальцами при просчёте, породив представление о Слове-разбойнике (Соловье-разбойнике).

5.5. Роль чудесных животных в математическом моделировании и в протомедицине

В.Н. Топоров в статье «Животные» пишет: «В мифологическом сознании животные выступают как один из вариантов мифологического кода (наряду с растительным, пищевым, химическим, цветовым и т.п.), на основе которого могут составляться целые сообщения, в частности, мифы или мифологизированные животные сказки» [Топоров, 1991, с. 440]. Мифические животные могут принимать облик других животных, становиться растениями, предметами. Чудесные животные могут проникать в тела друг друга и обитать там. Так, например, в корякской мифологии Ворон оказывается в теле своей жены. В некоторых мифах, сказках он превращает свои органы в работников, которые действуют по его указанию [Jochelson, 1905, № 15–17, 22, 23 и др.] Всё это объяснимо, если мы имеем дело с процессом формирования сказочной матрицы, сказочной семьи, лежащей у истоков семиозиса, осмысленного использования естественных геометрических структур.

Мифические и сказочные животные могут проглатывать, прятать, добывать светила, проникать в другие миры, вселенные и т. д. В чукотском мифе Ворон проникает в другую вселенную и похищает у злого духа (келе) мячи – солнце, луну, звёзды [Богораз, 1900, № 51]. Есть все основания полагать, что в данном случае мы имеем дело с медицинской диагностикой, связанной с проникновением в иной универсум (координатную систему пациента) и оперированием со-

лярными символами, которые можно обнаружить на ногтях пациента.

В другой сказке Ворон прячет небесные светила в своём доме и возвращает их только после того, как волк отдаёт ему в жёны своих «черносережных» сестёр [Там же. № 50]. Здесь явно отражён счёт на пальцах, когда последовательно загибаются пальцы на одной ладони, а затем в эту ладонь для продолжения счёта вкладывается другая. «Черносережными» сёстры (трёхсуставные пальцы) бывают, если не чистить грязь под ногтями.

Счёт на пальцах должен был породить представления об исполненных очами (очками) животных, обитающих на небе (нёбе). В русской народной сказке «Старик лезет на небо»: «Дед полез на небо; лез, лез – стоит хата, стены из блинов, лавки из калачей, печка из творогу, вымазана маслом. Он принялся есть, наелся и лёг на печку отдыхать. Приходят двенадцать сестёр-коз: у одной один глаз, у другой два, у третьей три, и так дальше: у последней двенадцать. Увидели, что кто-то попробовал их хатку, выправили её и, уходя, оставили стеречь одноглазую. На другой день дед опять полез туда же, увидел одноглазую и стал приговаривать “Спи, очко, спи!” Коза заснула, он наелся и ушёл. На следующий день сторожила двуглазая, потом трёхглазая, и так дальше. Дед приговаривал: “Спи, очко, спи, другое, спи, третье! и проч.” Но на двенадцатой козе сбился, заговорил только одиннадцать глаз; коза увидела его двенадцатым и поймала» [Афанасьев, 1984, № 20]. Исполненных очей коз может воспроизвести счёт на пальцах. Большой палец (штырёк-старик) может достигать первозданного неба (нёба) и даже покушаться на него при пальцевом счёте. Когда он касается корня мизинца, палец рефлекторно захватывает небесного путешественника. Очевидно, что подобного рода путешест-

вия, подобного рода животный код сыграли огромную роль при оцифровке исходной матрицы, исходного универсума, исходной координатной системы и способствовали развитию метода координат, который благодаря звуковому отражению обзавёлся новыми потенциями при отражении не только нашей конституции, нашего внутреннего мира, но и при отражении окружающей действительности.

Животный код, естественные **мерила**, естественная **пресса** могут не только манифестировать и образмеривать напасти, органы, но и служить в качестве панацеи от всех бед: в качестве **марли**, **компресса** и т. д. Животный код позволяет обозначить кровь, которая является естественным сокровищем. Способность сказочных животных подсказывать расположение скрытых сокровищ, а также сторожить их, широко и детально отражена в сказках, мифах. Язык тотемных существ, язык предков, позволяя не только обозначать, но и останавливать (заговаривать) кровь, умерять боль, т. е. был подлинным и предельно архаичным терапевтическим средством. Этим он отличается от звукового языка, паразитирующего на потенциях протоязыка, посредством бесполезных заговоров и распространения различного рода суеверий.

В эпоху тотемизма появились представления о царствах животных, птиц, которые выступали в роли отцов, женихов, невест. В сказке «Марья Моревна» за трёх девушек сватаются сокол, ворон и орёл. Этих **птах**, **пташек**, **соколов** не сложно соотнести с **пятаками**, **пяточками**, **шкалами**, без которых в принципе невозможно обручение. Брат девушек отправляется их навестить «Идёт день, идёт другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясный сокол сидит. Это – царство соколов» [Афанасьев, 1985, № 201]. В сказках нередко упоминается и мышинное царство.

«Поплыли они по морю; перебрались на другую сторону и пришли в тридешатое царство, в мышиное государство» [Там же. № 191, 217, 219]. Связь **мышиного** царства со счётом, с ручным **мышлением**, с мышцами, обеспечивающими счёт, измерение, более чем очевидна (рис. 42). Сказочные мыши зачастую всё делают за сказочных героев. Без помощи сказочной мыши нельзя даже выдернуть репку.

Зеро из пальцев позволяет увидеть и первый **визир** – сустав большого пальца, который перемещается компьютерной мышью первой вычислительной машины (рис. 42). Он может скакать по **экрану**, прикрываящего **рану**, по ветвям сказочного древа, манифестируя счёт, количество. Касаясь большим пальцем **четырёх** смежных пальцев, можно обнаружить первые **титры**, первый **тетрис**, первый **театр**, первую **тетрадь**, первую **цитру**, а также живые струны (**нервы**) первой **арфы**, познакомившей человечество с **арифметикой**. Первые **слова** были также **клавишами** естественного органа, позволявшими **клеветать**, а также наговаривать на себя. Надо сказать, что извлекать музыкальные звуки, передаваемые буквами О, А, У, Ё, при нажатии на пальцы, скрывающие рану, можно даже из грубых мужиков. Немецкое слово Sprache `речь`, по всей видимости, также имеет отношение к оцифровке, зародившейся в недрах протомедицины.

Рис. 42. Мышка на ручке.
Реконструкция В.А. Воронцова

Медицинская семиотика, наши естественные указчики (сказители), живые струны, словеса, стихи, писания, песни, числа позволяют пролить свет не только на удивительное «мысленное древо» в «Слове о полку Игореве», но и на загадочного сказителя Бояна, который мог принимать облик разных животных и перемещаться по «мысленному древу». Тюрколог **Н.А. Баскаков** с полным основанием считает, что имя *Баян* ~ *Боян* ~ *Буян* относится к весьма древнему славянскому заимствованию из древнетюркского языка, поскольку это имя широко распространено у тюркоязычных народов. «Что касается 'вещего Бояна', 'певца, сказителя' в "Слове о полку Игореве", то есть весьма известное и распространённое сопоставление его с вещим сыном болгарского царя Симеона (умер в 927 г.) Баянусом (*Vajanus*), который, по свидетельству византийских историков, "так изучил волшебство, что мог внезапно из человека превращаться в волка и в любого другого зверя"..." [Баскаков, 1985, с. 146].

В работе «Новое прочтение "Слова о полку Игореве"» [Воронцов, 2014] нами показано, что постигнуть природу оборотничества Бояна можно, если обратиться к жестовому животному коду, позволяющему давать математически строгие оценки, которые актуальны не только при диагностике, но и при соколиных ристалищах. Следует заметить, что судьи спортивных соревнований традиционно используют пальцовку. В тюркских языках *буын* `сустав`, `узел (у растений)`, `сочленение`, `звено`, `колени`, `мат. член`, `поколение`, `генеалогия` [ТРС, 1966, с. 87]. В 1964 г. **С.А. Высоцкий** сообщил о найденной надписи (граффито) на колонне Софийского собора в Киеве, датируемой XII в., в которой упоминается подобное слово. Вот эта надпись: «Месяца енаря въ Л (30) святого Ипполита крила землю княгыни бояню

Всеволожаа передь святою Софиею передь попы, а ту былъ попинъ Якимъ Дъмило, Пателей Стипъко, Михалъко Нежьнович, Михл, Данило, Марко Съмьюнъ, Михал ЕлисаVINичъ, Иванъ Янъчынъ, Тудоръ Тоубыновъ, Илья Копыловичъ, Тудор Бързятичъ, а передь тими послухы купи землю бояню вьсю, а вьдала на неи семьдестъ гривнънъ соболии, а вь томъ драницъ семьсту гривнънъ [Никитин, 2001, с. 389]. Очевидно, что в данной надписи речь идёт о постройке усыпальницы (укрытия) княгини из рода (колена, клана, генеалогического древа) Всеволода, а также о выкупе для этой цели земли у храма с могилами членов этого рода.

При реконструкции образа вещего Бояна, его вещих струн необходимо учитывать, что княжеские ристалища могли плохо кончиться без авторитетного судьи, способного различать соколов в летящей стае. Есть все основания полагать, что вещей Боян был сокольничим и ведал этим ристалищем. В качестве арбитра он широко использовал жесты, за что и получил соответствующее прозвище.

По всей видимости, во время охоты Боян ехал далеко впереди князей. С помощью жестов он показывал им стаи лебедей, а также давал команду о «напускании» соколов. О победе того или иного княжеского сокола он сигнализировал посредством своих вещей перстов, своих вещей струн. Его положение позволяло ему не ограничиваться одними жестами. Находясь коллективной защитой князей, обеспечивавшей ему неприкосновенность, он мог свои оценки сопровождать полными сарказма присказками, которые становились известными широкому кругу людей, составлявших княжескую охоту. Таковыми являются присказки: «Не буря соколы занесе чересь поля широкая – галицы стады бѣжать...», «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда

Божия не минути», «Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы». Со временем молва могла приписать ему множество подобных нелицеприятных высказываний. Вещие струны Бояна, дававшие оценку князьям, а также его присказки побудили потомков видеть в Бояне легендарного песнотворца.

Превращению Бояна (сокольникчьево, судьи, оценщика) в былинного сказителя, песнотворца способствовало и то обстоятельство, что в тюркских языках оценщик может фигурировать как сказитель. Так, например, в татарском языке *бая* `цена`, `стоимость`, `оценка`; *баян* `изложение`, `повествование`, `объяснение` и т.д.; *баялану* `оцениваться`, `расцениваться` и т.д. [ТРС, 1964, с. 91]. Это обстоятельство также подтверждает мысль о **генетической связи количественных оценок, сложившихся в ходе диагностики, с истоками словесности.**

Руки позволяют пролить свет не только на вещего Бояна. Сочленение **трёх осей** (рис. 1) рукотворного универсума породили представление об **острове** Буяне, на котором растёт сказочное дерево, обитают сказочные животные, птицы, находятся смерть Кощея, бел-горюч камень, порождённый нашими естественными шкалами-скалами, а также красная дева, которая может запечатывать, зашивать раны. Три оси традиционно ассоциировались с острой болью, смертью, а также с оказанием неотложной помощи, поэтому и остров Буян мог ассоциироваться со смертью, а также с оказанием врачебной помощи. Он также ассоциироваться с центром Вселенной, со счастливым царством-государством.

Остров Буян регулярно упоминается в сказках, загадках, лечебных заговорах. Так, например, он фигурирует в следующей загадке, разгадкой которой является слово *смерть*:

*На море на Окияне,
На острове Буяне,
Сидит птица Юстрица,
Она хвалится, выхваляется,
Что всё видала
Всего много едала*

[Сказания русского народа..., 1989, с. 182]

Есть все основания полагать, что и название загадочной птицы Юстрицы связано с тремя осями.

А вот упоминание острова Буян в заговоре от пореза: «На море на Океане, на острове Буяне, лежи бел-горюч камень Алатырь, на том камне Алатыре сидит красная девица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, рудожёлтую, зашивает раны кровавые» [Там же. С. 63]. Здесь прослеживается терапевтическая функция сказочной матрицы.

Г л а в а 6

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТОПОГРАФИИ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

*«Все мы рано или поздно приходим
к выводу, что если в природе и есть
что-то естественное и рациональ-
ное, то придумали это мы сами».*

Олдос Хаксли

6.1. Описание макрокосма посредством микрокосма

Осмысленная врачебная практика предполагает описание и осмысление не только человеческой телесности, но и всего того, с чем эта телесность взаимодействует, поэтому есть все основания считать, что вовсе не обработка камня, бронзы, железа стимулировала развитие знаковых систем и познавательных потенций наших предков. Благодаря врачебной практике, медицинской топографии, рукотворному космосу наши предки ввели в культуру язык математики, описали самодвижущиеся говорящие орудия, путешествия в иные миры, а также произвели себя от животных задолго до появления работ *Н. Винера, А. Эйнштейна, Ч. Дарвина*. Медицинская топография позволила описать не только че-

ловеческую телесность. Дело в том, что сказочная матрица, рукотворный космос допускают проецирование и на окружающую действительность. Осмысление макрокосма традиционно происходило путём наделения макрокосма свойствами микрокосма. Приписывание макрокосму свойств биологического универсума (микрокосма), наделение его структур человеческими чертами позволило нашим предкам прочувствовать, а, следовательно, и понять окружающий мир как технику тела, как продукт творения.

При проецировании микрокосма на макрокосм руководящая роль руки, сказочной матрицы, сказочных растений, сказочных животных, солярных существ, исходной системы знаков, мер отнюдь не утрачивается. Так, например, выделить макрокосмический астральный объект, описать его структуру можно путём поимки (проецирования) этого объекта в нашу естественную координатную сеть (сказочную матрицу) или кольцо из пальцев (коло, соло). Телесные геометрические структуры позволяют показать предыдущие и последующие позиции астрального объекта. Кольцо из пальцев (соло на очке) может манифестировать **солнышко** даже при его пребывании под землёй или за тучами. Многочисленные мифы повествуют о том, как впервые были описаны объекты макрокосма посредством микрокосма, естественной координатной системы, естественной формы брака.

Издrevле было установлено, что дневное светило движется по небосводу отнюдь не произвольно. Его движение строго predeterminedено и мифы повествуют о том, как был установлен этот порядок. Так, например, *Э.К. Крапп* в своей книге «Легенды и предания о Солнце, Луне, звёздах и планетах» пишет, что в основе полинезийского мифа о ловце Солнца лежит поверье о том, что некогда полубог сумел поймать

Солнце в свою сеть и побудить его двигаться по определённом маршруту [Крапп, 2000, с. 95]. **Крапп** также сообщает, что индейцы племени кахто, живущие в округе Мендисино в северной Калифорнии, верят, что солнце изначально было опутано и стало на путь истинный с помощью Койота. Именно Койот освободил Солнце из подземной темницы и вывел его на правильный путь, держась за обрывки ремней, которыми оно было опутано [Там же. С. 96]. Под темницей здесь надо подразумевать тёмное время суток. Пясть (пасть) руки позволяет воспроизвести этого Койота, демонстрирующего путь солнца из подземелья на небосвод.

Наш микрокосм, служащий в качестве системы координат (рис. 1), позволяет понять, почему в мифах Солнце оказывается посаженным в ящик, сундук. Так, например, в исполине Святогоре (рис. 43), которого не держала земля, совсем не сложно узнать дневное светило, которое регулярно проваливается под землю. По вполне понятным причинам Святогор был заключён в гроб. Об этом свидетельствует былина «Погребение Святогора». В былине говорится:

Ехали они тут, Святогор и Илья, куда ли, бог знает.

Едут, едут, глядят – на гроб наехали.

Стоит гроб большой, никому не в пору.

Пустой стоит. Святогор говорит Ильи:

– Ну, попробуй, ложись, не на тебя ли рублен?

Илья послушался, лёг –

Ровно малый ребёнок в гробу.

Не по нём гроб-то строен.

А Святогор лег – в самый раз ему.

Ну, попробовал, вставить хочет.

И не выйти ему из гроба-то: крышка нахлопнулась.

[Былины, 1986, с. 49-50].

Наш микрокосм, его оси позволяют манифестировать движение не только макрокосмических объектов, но и его элементов. Так, например, они позволяют демонстрировать вертикальную ось солнца, позиции этой оси на линии горизонта (восходы) в разные времена года, а также движение этих осей под землёй. Не следует удивляться тому, что Осирис (ось Ра) был также заключён в гроб коварным Сетом и породил множество восходов (рис. 44). Следует заметить, что восходом изначально называлось

Рис. 43. Мировая гора, Святогор и меч-кладенец. Реконструкция В.А. Воронцова

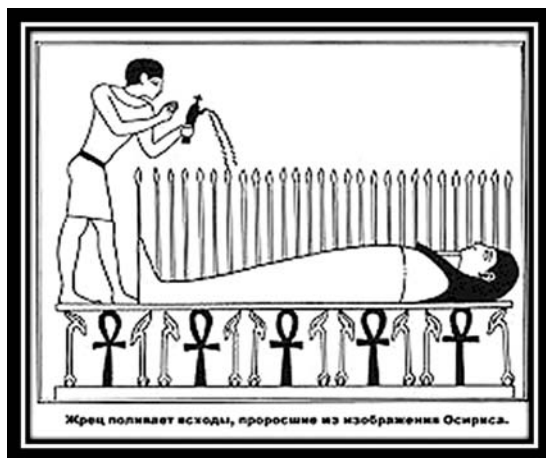

Рис. 44. Осирис. Реконструкция В.А. Воронцова

движение вдоль оси. Не следует удивляться и тому, что Осирис считался богом подземного мира, который половину года проводит под землёй.

Микрокосм, сказочная матрица, чудесные существа, чудесные небеса, горы, реки, озёра, леса и связанные с ними чудеса традиционно играли системообразующую роль при описании макромира. Мир нашего младенчества, первые времена, золотой век, сказочные микрокосм, сказочные родители, сказочные животные, растения служат в качестве формы, матрицы, посредством которых описывается история и сущность макрокосма, всех свойственных ему явлений и процессов в мифологизированных учениях, обрядах.

В ходе проецирования сказочной матрицы окружающая территория стала Матерью Землёй, человеческие длани (долони) дали название долинам. Зверообразная пясть (пасть) тотемного зверя дала название небесной сфере, нёбо стало ассоциироваться с небом, а солярные божества, изначально обитавшие на наших пальцах, стали обитателями макрокосма. Свойства рук человека со временем были перенесены и на животных, у которых обнаружили пасти, очи, уши, которые изначально были только у наших тотемных предков. Свойства рук, их структура были спроецированы и на окружающую растительность, которая стала одушевлённой.

6.2. Описание временн посредством структур микрокосма

Осмысленная врачебная практика предполагает фиксацию возраста, времени суток, сезонов и т. д. В лечебных заговорах, в инструкциях по заготовке лечебных трав регулярно упоминаются календарные даты. Сказочная матрица, чудесное древо позволяют описать не только пространственные,

но и временные отрезки. Научившись подсчитывать **мышцы** на пальцах, наши предки получили возможность считать **месяцы**. Так, например, в преданиях китайцев нашло отражение «чудесное дерево», которое имело интересную особенность. «В начале месяца на дереве каждый день вырастало по одному стручку. Таким образом, к середине месяца на дереве появлялось пятнадцать стручков. А со второй половины месяца стручки начинали опадать, а к концу месяца их не оставалось» [Юань Ке, 1987, с. 126]. Очевидно, у истоков подобного рода преданий стоит счёт с использованием суставов пальцев, изначально и, в конечном счёте, зажатых в кулак.

Существуют сказки, мифы, которые с большими подробностями воспроизводят календарный счёт с использованием чудесных растений. **Зеро** из пальцев позволяет пролить свет на загадочного **жреца**, а также на загадочный куст, осмыслению которых посвящена монография **Дж. Фрэзера** «Золотая ветвь». Согласно древним италийским преданиям, этот загадочный жрец бродил вокруг загадочного куста целый год и погибал после того, как на этом кусте обламывали ветку. **Фрэзер** писал: «Следует ответить на два вопроса: во-первых, почему жрец Дианы Немийской, Царь Леса, должен был убивать своего предшественника? Во-вторых, почему перед этим он должен был сорвать с дерева ветвь, которая, по общему мнению древних, была не чем иным, как Золотой ветвью Виргилия» [Фрэзер 1983, с. 17]. Наша кисть позволяет продемонстрировать загадочный куст, загадочного жреца, который в течение года бродит возле этого куста, а также загадочную ветвь, причём реконструировать с математической строгостью. Манифестируя годовой цикл, большой палец руки (жрец) последовательно обходит 12 суставов четырёх смежных пальцев, когда он касается последнего сустава (корня мизинца), мизинец чисто рефлекторно под-

ламывается и большой палец другой руки (новый жрец) обрушивает его на голову предшественника. Связь подобного рода сюжетов со счётом на пальцах, обусловленным годовым циклом, прослеживается в целом ряде мифов и сказок.

Гибель злосчастливого скандинавского бога Бальдра во многом напоминает гибель жреца Дианы нимейской. Миф о Бальдре известен по «Прорицанию вёльвы» («Старшая Эдда»), по стихотворению эддического стиля «Сны Бальдера», включённому как дополнительная песнь в «Старшую Эдду», а также по «Младшей Эдде», где имеется прозаический рассказ о Бальдре. Этот бог служил в качестве мишени, на которую другие божества обрушивали своё смертоносное оружие. При этом Бальдр оставался невредимым. Такое бывает при счёте на пальцах, когда наши «пальцы» поочерёдно ударяют о большой палец. Смерть Бальдра наступила после того, как слепой бог Хёд ударил его веткой-прутом из омелы. Его гибель вызвала горячую скорбь у асов – древних германских божеств, вечных соперников своих антагонистов – ванов. Миф о смерти Бальдра является своеобразным предисловием к скандинавскому эсхатологическому циклу – смерть его служит как бы предвестием гибели богов и всего мира. В новом мире, который наступает после гибели старого, Бальдер возрождается и примиряется со своим убийцей Хёдом. Слепота Хёда вполне очевидна. Чтобы обзавестись глазами или очками (приступить к счёту), он должен покончить с предшественником. Зная устройство нашего биокомпьютера, а также древнейший двоичный код, можно без всяких проблем пролить свет на природу асов и ванов. Очевидно, что асы, горюющие о Бальдере и чувствующие гибель своего мира, это согнутые в кольца пальцы руки (англ. eye `глаз`, `очко`; мн. eyes), а ваны – пальцы другой руки, готовые начать отсчёт нового времени (англ. one `один`).

Связать подобного рода персонажей с пальцами, с годовыми циклами особенно ярко отражена в татарской сказке «Шурале», поэтому имеет смысл привести её полностью. «В незапамятные времена жил-был один дровосек. Пошёл он как-то в лес за дровами и встретил самого Шурале – лешего. На лбу у шурале рог торчит, а пальцами он так и шевелит, так и шевелит.

– Как тебя зовут? – спрашивает Шурале у дровосека. А сам знай себе хохочет.

– Как зовут? Балтыр – вот как зовут, – отвечает дровосек. Ведь не знает Шурале, что “Балтыр” означает “прошлый год”.

– А знаешь, Балтыр, давай пощекочемся, – предложил Шурале.

– Что ж, давай. Только вот мне чурбан этот расколоть сначала надо.

Размахнулся дровосек топором, ударил – чурбан-то и треснул.

– А ну, помогай, – говорит дровосек Шурале. – Держи, чтобы трещина не закрылась. Глубже. Глубже суй пальцы. А я сейчас с другой стороны попробую ударить.

Вытащил дровосек топор, а пальцы-то у Шурале и прищемило. А дровосек тем временем схватил топор, и – бежать из леса. А Шурале ему вслед кричит:

– Ой, пальцы мои! Ой, помогите!

Сбежались к нему другие шурале.

– Пальцы Былтыр прищемил! Ой, пальцы мои!

– Что, что?

– Пальцы, говорю. Былтыр прищемил пальцы.

Тут ему на это и говорят:

– А что же ты в прошлом году не кричал? Разве теперь найдёшь, кто тебе прищемил?

А Шурале от боли и сказать толком ничего не может. Так и ходит с чурбаном на плече и кричит:

– Ой, пальцы! Ой! Прищемил их злой Балтыр!...» [ТНС, с. 228–229]. Не трудно догадаться, что в качестве Царя Леса в этой сказке выступает леший – Шурале, а прищемивший ему пальцы Былтыр является не только прошлым, но и будущим годом, который через год вновь станет Балтыром – «старым годом».

По мнению *Дж. Фрезера*, у истоков обряда с загадочным кустом лежит образ Дианы, привезённый в связке веток [Фрезер, 1983, с. 10]. Диана (Diana) в римской мифологии – богиня растительности, олицетворение луны. Обнаружить лунное божество (лунки) на кончиках наших кистей – не проблема. Кроме того, имя Дианы может обозначать двухгодичный цикл, который может демонстрироваться последовательным подсчётом сезонов, месяцев на двух руках, в ходе которых и возникают образы ломаемых веток, сменяющих друг друга жрецов, прошлого и наступившего года.

«The golden Bough» – название книги «Золотая ветвь» *Фрезера* на английском языке. В написании слова *Bogh* – «ветвь» до сих пор просматривается связь с богом. Следует заметить, что в древненемецком *biog* «сустав» [Семереньи, 1970, с. 48].

Выводы: язык математики вводится в культуру как средство медицинской диагностики и топографии, однако со временем, он вдруг оказывается источником других, совершенно новых возможностей и эти возможности неразрывно связаны со стремлением врачей описать всё, что способно воздействовать на человеческий организм, на человеческую психику. Глубоко ошибочны вошедшие в традицию попытки игнорировать системность, математическую строгость, с какой изначально осмысливался не только человек, но и окружающая его действительность.

КРАТКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Генерализованная трудовая концепция антропосоциокультурогенеза, рассматривающая в качестве ведущей формы трудовой деятельности воспроизводство человека, социума, а в качестве движущей силы – родительский инстинкт, позволяет пролить свет на истоки медицины, а также осветить её роль в антропосоциокультурогенезе.

В рамках генерализованной трудовой концепции антропосоциокультурогенеза показано, что сознательная забота о здоровье детей породила прямохождение, гоминизацию зубов, родовой строй, а также широкий спектр других феноменов человеческой культуры.

Исследования показали, что исходным языком человечества, который был введён в культуру в процессе становления медицины, является язык геометрии, который и составляет основу второй сигнальной системы.

Начертательная геометрия и возникший на её основе метод координат составляют естественный базис медицинской семиотики, медицинской топографии.

Геометрические модели, реализуемые посредством рефлекторных или сознательных жестов, лежат в основе не только исходного языка, но и играют фундаментальную роль в процессе ручного мышления, которое является исходной формой мыслительного процесса.

Геометрическое моделирование, введённое в культуру в ходе врачебной практики и культивирования врачебных навыков, позволило не только описать человеческую конституцию и окружающий мир, но и обозначить весь спектр человеческих чувств. Всё это создало предпосылки для культивирования человека, культурного социума – общества.

Невозможно переоценить роль медицины, а также языка математики, в становлении вторичных знаковых систем: звукового языка, сказки, мифа.

Любые попытки реконструкции изначального смысла волшебной сказки, мифа, игнорируя медицину, процесс математического моделирования, создают превратное представление об умственных потенциях наших предков, бесконечно искажают природу мифологического сознания.

Реконструкция исходного языка медицины, а также подлинного содержания волшебной сказки, мифа позволяют привлечь для освещения истоков медицины практически неограниченный источник сведений, что создаёт предпосылки для предельно убедительного освещения процесса введения в культуру заботы о здоровье.

Изначально каждый человек обитает в бесконечно сложном, разумном универсуме и знакомится с бесконечно совершенной орудийной системой, с фундаментальными основами математики, медицины, а не с неким примитивом. Именно это позволяет говорить о единстве человеческой истории, истории его разума.

Глубоко правы исследователи, утверждающие вслед за Платоном, что основные знания об окружающем мире человек черпает в младенчестве, пребывая в разумном мире. Это позволяет ему постигать новое, припоминая старое.

Учёт истоков медицины, традиционных методов введения в культуру заботы о здоровье, альтруизма позволяет

говорить о психологическом единстве человечества, а также способствует решению широкого спектра проблем в комплексе наук, связанных с освещением природы человека, феноменов его культуры, включая культуру производства, культуру мыслительной деятельности.

Геометрические построения, измерения, введённые в культуру в ходе врачебной практики для разметки и измерения человеческих органов, со временем стали самыми распространёнными техническими операциями. Именно они отличают осмысленный труд от животных форм трудовой деятельности.

Умение оценивать объёмы понятий, а также характер вхождения этих объёмов друг в друга, создают предпосылки для возникновения формального логического мышления. Уже исходные формы геометрического моделирования, обеспечившие исходные формы врачебной практики, явились фактором, который лёг в основу культуры не только образного, но и абстрактного мышления, поскольку, поскольку исходные геометрические модели отличались не только наглядностью, но и предельной абстрактностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев А.Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе. – Л.; М.: Искусство, 1959. – 264 с.

Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. – М.: Армада-пресс, 2002. – 320 с.

Азербайджанские сказки. – Баку: Азернишар, 1947. – 340 с.

Айналов Д.В. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве» // Сб. статей к 40-летию учёной деятельности акад. А. С. Орлова. – Л., 1934. – С. 178-180.

Албынджи: Хакас. нар. эпос / пер. с хак. // Героический эпос народов СССР. – М., 1975. – Т.1. – С. 461-532.

Алексеев В.П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984. – 462 с.

Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества: Учеб. для вузов по спец. «История». – М.: Высш. шк., 1990. – 351 с.

Амирова Т.А., Ольховников Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. – М.: Наука, 1975. – 559 с.

Аникин В.П. Русская народная сказка. Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1977. – 208 с.

Антропология: Хрестоматия / авторы-составители: Л.Б. Рыбалов, Т.Е. Россалимо, И.А. Москвина-Тарханова. –

М. Изд-во Моск. психолого-социального инст.; Воронеж: МОДЭК, 2002. – 448 с.

Аполлодор. Мифологическая библиотека / пер. с древнегреч. В.Г. Боруховича. – М.: АСТ: Астрель, 2004. – 350 с.

Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Около 12 000 слов / сост. К.З. Хамзин, М.И. Махмутов, Г.Ш. Сайфуллин. – Казань: Тат. книж. изд-во, 1965. – 853 с.

Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. – М.: Современник, 1983. – 464 с.

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. – М.: Наука, 1984-1986.

Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян: В 3 т. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastika, 2002. – Т. 1. – 800 с.

Барсов Е.В. Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. – М.: Тип. «Современ. изв.», 1872. – Ч. 1. – 440 с.

Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М.: Наука, 1985. – 208 с.

Беллюстин В. Как постепенно люди дошли до настоящей арифметики. – М., П.: Госуд. изд-во, 1923. – 204 с.

Бим-Бад Б.М. Педагогическая антропология: Учебное пособие. – М.: Изд-во УРАО, 1998. – 576 с.

Боас Ф. Ум первобытного человека. – М.- Л.: Гос. изд-во, 1926. – 153 с.

Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в колымском округе. – СПб.: Имп. АН, 1900. – 417 с.

Бородулин Ф.Р. История медицины. Избранные лекции. – М.: МЕДГИЗ, 1961. – 254 с.

Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику. – М.: Эдиториал УРСС: 2001. – 272 с.

Буслаев Ф. Славянские сказки // Ф. Буслаев Исторические очерки русской народной поэзии и искусства. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – Т. 1. – С. 308-354.

Буслаев Ф.И. Эпическая поэзия // Народный эпос и мифология. – М.: Высш. школа, 2003. – 400 с.

Бутовская М.Л. Язык тела: Природа и культура (эволюционные и кросскультурные основы невербальной коммуникации человека). – М.: Научный мир, 2004. – 440 с.

Былины / Сост. В.И. Калугин. – М.: Современник, 1986. – 559 с.

Васильев С.В., Дерягина М.А. Формы коммуникации у обезьян и этапы происхождения речи // Поведение приматов и проблема антропосоциогенеза. – М.: МОИП, 1991. – С.15-16.

Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. – М.: Наука, 1964. – 301 с.

Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. – Л.: Худ. лит-ра, 1940. – 619 с.

Воронцов В.А. Название цен в разносистемных языках // Двужычие: типология и функционирование. – Казань, 1990. – С. 94–96.

Воронцов В.А. К вопросу обоснования и исследования палеопсихологии человека // Природа психического: тезисы докладов. – Пермь, 1994. – С. 47-48.

Воронцов В.А. О театре волжских булгар и природе театрального искусства. – Казань: ИНТЕЛПРЕСС, 2008а. – 212 с.

Воронцов В.А. Природа языка и мифа. – Казань: ИНТЕЛПРЕСС, 2008б. – 473 с.

Воронцов В.А. О природе вещей и педагогической археологии. – Казань, Intelpress+, 2009. – 235 с.

Воронцов В.А. Антропоморфизм мифологического мировоззрения и его природа // Вестник казанского технического университета. Философия и история науки и техники. – 2010а. – № 3. – С. 218-222.

Воронцов В.А. Мировоззрение «золотого века» и его истоки // Философия и общество. – 2010б. – №3. – С. 130-148.

Воронцов В.А. Подлинные истоки волшебной сказки. – Казань: Intelpress+, 2011. – 268 с.

Воронцов В.А. К вопросу о движущих силах антропо-социо-культурогенеза // Вестник экономики, права и социологии. – 2012а. – № 1. – С. 136-140.

Воронцов В.А. Археология мифа и слова // Вестник казанского государственного университета культуры и искусства. – 2012б. – С. 91-95.

Воронцов В.А. Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогенеза. – Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012в. – 415 с.

Воронцов В.А. Антропо-социо-культурогенез и техника тела // Человек. – 2012. – № 5. – С. 136-141.

Воронцов В.А. Новое прочтение «Слова о полку Игореве». – Казань: Центр инновационных технологий, 2014. – 308 с.

Воронцов В.А. Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе. – М.: Центр инновационных технологий, 2015. – 252 с.

Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 2000. – 672 с.

Вундт В. Физиология языка / пер. с нем. – СПб.: Изд. Н.М. Лиманского, 1868. – 42 с.

Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1960. – 368 с.

Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т.3. – 368 с.

Выготский Л.С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. ... – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь: Сборник. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 668с.

Гарднер Р.А., Гарднер Б.Т. Обучение шимпанзе жестовому языку в общении с людьми // Иностранная психология. – 2000. – № 13. – С. 18-28.

Гезер Г. Основы истории медицины / пер. с нем. – Казань: Н.А. Ильяшенко, 1890. – 520 с.

Герцен А.И. Собр. соч.: В 8 т. – М.: Правда, 1975. – Т. 7. – 607 с.

Гоголь Н.В. Страшная месть // Н.В. Гоголь. Собр. соч.: В VI т. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. – Т. I. – С. 150-190.

Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – 218 с.

Гомер. Илиада. – М.: Правда, 1984. – 432 с.

Гуцин А.С. Происхождение искусства. – Л.; М.: Искусство, 1937. – 112 с.

Дерягина М.А. Эволюционная антропология: биологические и культурные аспекты. – М.: УРАО, 1999. – 208 с.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. (Введение, первая глава) / пер. с франц. // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – М.: Канон +, 1998. – 432 с.

Евангелие от Иоанна.

Ельницкий Л.А. Древнейшие океанские плавания. – М.: Географиз, 1962. – 86 с.

Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. – М.: Медицина, 1981. – 352 с.

Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М.: Автор, 1992. – 607 с.

Заговоры для защиты детей от невзгод и болезней / сост. Лобачёв В. – М.: ЛГ Информэйшн Груп Гелеос, 2005. – 208 с.

Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отд. Русск. Геогр. Общ. по этногр / под ред. Г.Н. Потанина. – Томск, 1906. – Т.1. – Вып. II. – 290 с.

Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии // Зап. Рус. геогр. общ-ва по отд. этногр. – Пг: Тип. Орлова А.В., 1914. – Т. 41. – 656 с.

Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 230 с.

Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. – М., Л.: Изд. АН СССР, 1937. – 77 с.

Зиновьев А.В. Магия Апокалипсиса. – Н. Новгород: Поиск; Саранск: Нора, 1990. – 254 с.

Знахарство, или Русские народные заговоры и полное собрание всевозможных поверий, суеверий, предразсудков и колдовства на все случаи жизни [Текст]: сочинение Мартын Зедека, Альбертина и Папюса. – Москва: Авиатор, 1911. – 47 с.

Золотарёв Л.А. Как люди научились считать. – М.: Типо-литография И.И. Кушнеров и К°, 1910. – 48 с.

Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали “говорящие” обезьяны: Способны ли животные оперировать символами? – М.: Языки славянских культур, 2006. – 424 с.

Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). – М.: Наука, 1963. – 245 с.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Кетская модель мира // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тез. докл. – М., 1972. – С. 100-105.

Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем // Советское радио. – 1978. – 184 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.И. Иохельсоном. – С.- Петербург: Тип. Имп. АН, 1900. – Ч. 1. – 187 с.

Исенина Е.И. Дословесный период развития речи у детей. Саратов: Изд. Саратовского унив., 1984. – 162 с.

История медицины (материалы к курсу истории медицины) / ред. Б.Д. Петров. – М.: Медгиз, 1954. – Т. 1. – 282 с.

История первобытного общества: учебник / В.П. Алексеев, А.И. Першиц. – М.: Высш. шк., 1990. – 351 с.

Казахско-русский словарь / сост. Х. Махмудов, Г. Мусабаяев. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССРС, 1954. – 574 с.

Китайские легенды, сказки, басни, пословицы, поговорки. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 1958. – 258 с.

Кон И.О. В поисках себя: Личность и её самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.

Кондильяк. Опыт о происхождении человеческих знаний // Кондильяк. Соч.: В 2 т. М.: – Мысль, 1980. – Т. 1. – С. 67-332.

Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. – М.: Наука, 1987. – 270 с.

Котов А.В. Новый китайско-русский словарь. – М.: Рус. яз. медиа, 2004. – 605 с.

Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь: Около 30000 слов / ред. В.И. Кольянов. 3-е изд.– М.: Акад. проект: Альма Матер, 2005. – 944 с.

Кошелев А.Д. О протоязыке и его трансформации в человеческий язык (Лексико-семантические аспекты) // Дифференционно-интеграционная теория развития. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 496 с. – (Разумное поведение и язык).

Крапп Э.К. Легенды и предания о Солнце, Луне, звёздах и планетах / пер. с англ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 656 с.

Красножёнова М.В. Сказки Красноярского края. – Л.: Гослитиздат, 1937. – 294 с.

Кэмбелл Дж. Мифический образ / пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. – 683 с.

Лавик-Гудолл, Дж. ван. В тени человека. – М.: Мир, 1974. – 264 с.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.

Левинтон Г.А. Священный брак // МНМ. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 422-433.

Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с франц. – М.: Наука, 1983. – 535 с.

Леви-Стросс К. Превыбитное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.

Лёббок Дж. Начало цивилизации. – СПб.: Ред. журн. «Знание», 1876. – 350 с.

Линдبلاد Я. Человек – ты, я и первозданный / пер. со швед. – М.: Прогресс, 1991. – 259 с.

Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 272 с.

Лоренц К. Так называемое зло. – М.: Культурная революция, 2008. – 616 с.

Лоренц К. Кольцо Соломона. – М.: Знание, 1978. – 208 с.

Лосев А.Ф. Хаос // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 579-581.

Лукреций Кар Т. О природе вещей / пер. с лат. – М.: ОГИЗ, 1933. – 210 с.

Маковский М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М.: Владос, 1996. – 415 с.

Малиновский Б. Магия, наука и религия / пер. с англ. – М.: Рефл-бук, 1998. – 527 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собр. соч.: В 9-ти т. М.: Политиздат, 1985. Т. 2. – С. 9-76.

Маркс К. Философско-экономические рукописи 1944 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 42. – С. 41-144.

Математика, её содержание, методы и значение: В 3-х т. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 1. – 296 с.

Матфей. Евангелие от Матфея.

Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. – М.: Наука, 1979. – 228 с.

Мид М. Отцовство у человека – социальное изобретение // Семья: Книга для чтения: В 2 кн. – М.: Политиздат, 1991. – Кн. 1. – С. 205-221.

Мифология древнего мира / пер. с англ. – М.: Наука, 1977. – 456 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энцикл., 1991-1992. – Т 1-2.

Мортон А.Л. Английские утопии / пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – 272 с.

Мосс М. Техника тела // Общества, обмен, личность. – М.: Наука; Глав. ред. вост. лит-ры, 1996. – С. 242-263.

Мультиановский И.П. История медицины. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Медицина, 1967. – 272 с.

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / подг. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. – М.: Наука, 1984-1986. – Т. 1-3.

Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. – М.: АГРАФ, 2001. – 768 с.

Новиков В.Н. Образы восточнославянской волшебной сказки. – М.: Наука, 1974. – 256 с.

Носилов К.Д. У вогулов. – СПб.: А.С. Суворин, 1904. – 260 с.

Онишко Н.Н. Оперативная коррекция аппаратом Илизарова посттравматических деформаций кистей рук: Дисс. ... канд. медич. наук. – Курган, 2009. – 130 с.

Ончуков Н.Е. Северные сказки // Зап. Рус. геогр. общ. об-ва по отд. этногр. – М., 1908. – Т. 33. – 646 с.

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. – Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2003. – 463 с.

Платон. Федон // Платон. Соч.: В 3. т М.: Мысль, 1970. – С. 11-94.

Попов А. Проблема истории народа коми в связи с его фольклором // Предания и сказки коми. – Архангельск: ОГИЗ – АРХОГИЗ, 1938. – С. 4-36.

Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб.: Литера, 1996, – С. 278-477.

Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.

Потанин Г.Н. Тунгуско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. – СПб: Тип. А.С. Суворина, 1893. – 470 с.

Пропи В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1946. – 384 с.

Пропп В.Я. Фольклор и действительность // Фольклор и действительность. – М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1976. – С. 83-115.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленинг. ун-та, 1986. – 368 с.

Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на Волгу / пер. с араб. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 193 с.

Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / пер. с англ. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2000. – 464 с.

Романэс Д. Духовная революция человека. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1905. – 618 с.

Романов Е. Р. Белорусский сборник. Вып. 4: Сказки космогонические и культурные. – Витебск: Типо-литография Г.А. Малкина, 1891. – 220 с.

Рубинштейн Р.И. Тот // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энцикл. 1988. – Т. 2. – С. 521-522.

Рубинштейн Р.И. Птах // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – Т. 2. – С. 345-346.

Садовников Д.Н. Загадки русского народа // Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – СПб.: Тип. Мин. внутр. дел, 1901. – 440 с.

Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края // Зап. Рус. геогр. об-ва по отд. этногр. – СПб.: Тип. Мин-ва внут. дел, 1884. – Т. 12. – 388 с.

Севортьян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 766 с.

Семенов Ю.И. Как возникло человечество. – М.: Наука, 1966. – 576 с.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1980. – 406 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 656 с.

Сергеев Б.Ф. Как мозг учился думать. – М.: Цитадель, 1995. – 206 с.

Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. – М.: Худ. лит-ра, 1989. – 398 с.

Сказки цыган СССР / запись текстов, пер. Е Друца и А. Гесслера. – М.: Наука, 1991. – 398 с.

Смирнов А.М. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества // Зап. Рус. геогр. об-ва по отд. этногр. – 1917. – Т. XLIV. – Вып. 1-2.

Соболев А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (Литературно исторический опыт исследования древнерусского народного мировоззрения). – СПб.: Лань, 2000. – 272 с.

Соколова В.К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л.; Наука, 1977. – С. 188-195.

Соколов Б., Соколов Ю. Сказки и песни Белозёрского края. – М.: Отд. рус. яз. и слов. имп. АН, 1915. – 666 с.

Сорокина Т.С. Атлас истории медицины: Первобытное общество. Древний мир. – М.: УДН, 1987. – 168 с.

Сорокина Т.С. История медицины: учебник для студ. высш. мед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2006. – 560 с.

Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. – М.: Изд. полит. лит-ры, 1972. – 303 с.

Старостин С. У человечества был один праязык // Знание-сила. – 2003. – № 8. – С. 39-44.

Сточик А.М. Избранные лекции по курсу истории медицины и культурологии: курс лекций. – М.: МГП «Эрус», 1991. – Вып. 1: Становление человека и человеческого общества. Возникновение медицины. – 29 с.

Сточик А.М. Избранные лекции по курсу истории медицины и культурологии. – М.: МГП «ЭРУС», 1991. Вып. 2: Табу, тотемизм, их сущность и роль в развитии культуры и медицины. Магическая медицина. – 88 с.

Стройк Д.Я. Краткий очерк истории математики / пер. с нем. – М.: Наука, 1969. – 326 с.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура / пер. с англ. М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре / пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.

Татарские народные сказки. – Казань: Татарское книжное издание, 1992. – 287 с.

Татарское народное творчество: В 14 т. – Казань: Раннур, 2001. – Т.2. – 400 с. (Волшебные сказки).

Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов / сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 862 с.

Тимирязев К. Чарлз Дарвин и его учение. – М.: ОГИЗ, 1935. – 199 с.

Токарев С.А. Религии в истории народов мира. – М.: Политиздат, 1986. – 576 с.

Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.

Токарев С.А. Тотемические мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2т. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т.2. – С. 522-523.

Толкиен Дж.Р. О волшебных историях // Дерево и лист. – М.: Прогресс; Гносис, 1991. – С. 10-111.

Толстой А.К. Волки // А.К. Толстой. Соч.: В 2 т. – М.: Худ. лит.-ра, 1981. – Т.1. – 389 с.

Топоров В.Н. Дерево мировое // МНМ. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – С. 398-406.

Топоров В.Н. Животные // МНМ. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – С. 440-449.

Топоров В.Н. Космос // МНМ. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 9-10..

Топоров В.Н. Первочеловек // МНМ. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т.2. – С. 300-302.

Топоров В.Н. Растения // МНМ. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 368-371.

Топоров В.Н. Числа // МНМ, Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. Энцикл, 1992. – Т.2. – 629-631.

Турецкие народные сказки. – М.:Литгиздат, 1939. – 612 с.

Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Максимова В.И. Педагогическая антропология. – М.: АСАДЕМА, 2001. – С. 76-196.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1964-1973. – Т.1-4.

Фейербах Л. Сущность христианства. – М.: Директ-медиа. – 2002. – 751 с.

Флоренский П.А. Органопроекция // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 149-162.

Фоули Р. Ещё один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека / пер. с англ. – М.: Мир, 1990. – 368 с.

Фрейд З. Мы и смерть. – СПб.: Вост.-Европ. ннст. Психоданализа, 1994. – 25 с.

Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному; Страх; Тотем и табу: Сборник. – Мн., 1998. – С. 324-491.

Фридман Э.П. Занимательная приматология. – М.: Знание, 1985. – 190 с.

Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. – Новосибирск: Наука, 1974. – 240 с.

Фромм Э. Душа человека / пер. с нем. – М.: Республика, 1992. – 430 с. (мыслители XX века).

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.

Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. – М.: Смысл, 1998. – 309 с.

Хаггард Г. От знахаря до врача. История науки врачевания / пер. с англ. – М.: Центрполиграф, 2012. – 383 с.

Хадрович Л., Гальди Л. Венгерско-русский словарь. Около 40 000 слов. Будапешт: ТЕРРА, 1971. – 804 с.

Хайдеггер М. Путь к языку // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1983. – С. 279-273.

Хайтун Д.Е. Тотемизм. Его сущность и происхождение. Сталинабад, 1958. – 151 с.

Харрисон Дж, Уайнер Дж, Теннер Дж. и др. Биология человека / пер. с англ. – М.: Мир, 1979. – 611 с.

Хрисанфова Е.Н., Мажута П.М. Очерки эволюции человека. – Киев: Наукова думка, 1985. – 135 с.

Худяков И.А. Великорусские сказки. – М.: Изд. К. Сола-тенко и Щепкин, 1860-1862. – Вып. 1-3.

Цейтен Г.Г. История математики в древности и в средние века. – М., Л.: Гос. объединённое научно-технич. Изд-во НКТП СССР, 1938. – 231 с.

Чеснов Я.В. Шаг Майтрейи: некоторые вопросы изучения кинесики // Этнографическое изучение языка культуры. – Л.,: Наука, 1989. – с. 122-138.

Чеснов Я.В. Проглоченное знание и этнический облик // Фольклор и этнография: Проблема реконструкции фактов традиционной культуры: Сб. ст. Л.: Наука, 1990. – С. 169-180.

Чеснов, Я.В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. – М.: ИФ РАН, 2007. – 213 с.

Чёрный хлеб – зёг-нянь / пер. с удм. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 113 с.

Чечулин В.Л. История математики, науки и культуры (структура, периоды, новообразования). – Пермь, 2013. – 166 с.

Чистякова Е.М. Математика и религия. – Краснодар: Краснод. книж. изд-во, 1962. – 63 с.

Швейцер А. Благоговение перед жизнью / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1992. – 574 с.

Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Блендова Н.С. Происхождение знакового поведения. – М.: Научный мир, 2004. – 280 с.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. – Л.: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1936. – 573 с.

Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии // пер. с англ. – М.: REFL-book, К.: Vakler, 1996. – 288 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Семеновская тип. (И.А. Ефрона), 1904. – Т. 79. – 487 с.

Этинген Л.Е. Мифологическая анатомия. Изд. 2-е, доп. – М.: Инст. общегуманитарных исслед., 2009. – 528 с.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая / пер. с кит. – М.: Наука, 1987. – 526 с.

Юзвишин И.И. ИНФОРМАЦИОЛОГИЯ или закономерности информационных процессов и технологий в микро- и макромирах Вселенной». 3-е изд., исп. и доп. – М.: Радио и связь, 1996. – 215 с.

Якушин И.Я. Гипотезы о происхождении языка. – М.: Наука, 1984. – 135 с.

Я открою тебе сокровенное слово: Литература Вавилонии и Ассирии: Литература Вавилонии и Ассирии. – М.: Худ. слово, 1981. – 351 с.

Brown R.W. Symbolic and syntactic capacities // *The Emergence of Man.* – Landon, 1981. – P. 419-420.

Bulwer J. Chirologia: Or the natural language of the hand and Chironomia: Or the art of manual rhetoric. (ed. Cleary J.W.) // Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois Univ. Press, 1974 (1st edition – 1644).

Corballis M.C. From Hand to Mouth: The origins of language. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2002. – XII. – 257 p.

Corballis M.C. From hand to mouth: The gestural origins of language // *Language evolution* / Ed. by Christiansen M.H., Kirby S. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. – P. 201–218.

De Wall F. Chimpanzee Politics. Power and Sex among Apes. – London: Jonathan Cape, 1982.

Frobenius L. Die Weltanschauung der Naturvölker. – Weimar: E. Felber, 1898. – 427 p.

Gardner RA., Gardner B.T. Teaching sign language to a chimpanzee // *Science.* –1969. – V. 165. – P. 664-672.

- Grimm J.* Reinhart Fuchs. – Berlin: Bei Reimer, 1834. – 452 s.
- Jochelson W.* The Koryak. Pt 1. Religion and Myths // Memoirs of the American Museum of Natural History. – Laiden – New York, 1905.
- Kendon A.* Some consideration for a theory of language origins // Man. – 1991. – Vol. 26. – P. 199-221.
- Koep L.* Das himmlische Buch in Antike und Christentum: Eine religionsgeschichtlich Untersuchung zur altchrislichen Bildersprache. Theophaneia: Beirage zur Religions und Kirchengeschichte des Alterums 8. – Bonn: Pater Hanstein, 1952. – S. 15-17.
- Lévi-Strauss C.* La voie des masques. – Genève: A. Skira 1975. – V. I. – 142 p.
- Lopez S.R., Perello E.R., Giraldo H.C.* El santuario extremeño E. R. de las manos // Trabajos de preistoria. – Madrid. – 1999. – Vol. 56. – № 2. – P. 59-84.
- Lovejoy C.O.* Reexamining human origins in light of *Ardipithecus ramidus* // Science. – 2009. – Vol. 326. – No. 5949. – P. 74, 74e1-74e8.
- Luquet G.-H.* L'art et religion des homes fossils. – Paris: Masson, 1926. – 420 p.
- Milo R.G., Quiatt D.* Glottogenesis and anatomically modern *Homo sapiens* // Current Anthropology. – 1993. – Vol. 34. – P. 569-598.
- Paget R.A.S.* The origins of language with special reference to the Paleolithic age // Cahiers d'histoire mondiale. – 1956. – T. 1. – N2. – P. 399-426.
- Savage-Rumbaugh E.S.* Hominid evolution: looking to modern apes for clues // Hominid Culture in Primate Perspective. – Niwot: University Press of Colorado, 1994. – P. 7-49.

Sethe K. Ein altägyptischer Fingerzählreim // «Zeitschrift für ägyptische Sprache». – 1918. – Bd. 54. – S. 16-39.

Schirokauer A. Die Stellung Asops in der Literatur des Mittelalters // «Festschrift für Wolfgang Stammers». – Berlin: Schmidt, 1953. – P. 179-191.

Tobias P.V. Evidence for the early beginnings // Cambridge Archeological Journal. – 1998. – Vol. 8. – № 1. – P. 72-78.

Tomasello M. Origins of Human Communication. – Cambridge, MA; London, UK: MIT Press, 2008. – 394 p.

Underwood H.G. The Call of Korea, Political, Social, Religious. – N. Y.: Fleming H. Revell Company, 1908. – 220 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АТРС – Арабско-татарско-русский словарь.
КРС – Казахско-русский словарь.
МНМ – Мифы народов мира. Энциклопедия.
ТНТ – Татарское народное творчество.
ТРС – Татарско-русский словарь.
ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркского языка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. АРХАИЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОРГАНИЗМЕ, БОЛЕЗНЯХ, СМЕРТИ И ЗАБОТЕ О ЗДОРОВЬЕ	29
1.1. Архаичные представления о человеческом организме и исходных формах заботы о здоровье	29
1.2. Архаичные представления о болезнях и смерти	46
Глава 2. ФАКТОРЫ, ВЫЗВАВШИЕ ПОТРЕБНОСТЬ В ПРОТОМЕДИЦИНЕ, РОЛЬ МАТЕРИНСКОГО ИНСТИНКТА В ЕЁ ЗАРОЖДЕНИИ, А ТАКЖЕ РОЛЬ ПРОТОМЕДИЦИНЫ В АНТРОПОСОЦИО- КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ.....	60
2.1. Факторы, вызвавшие потребность в осмысленной заботе о здоровье.....	60
2.2. Роль материнского инстинкта в зарождении медицины	66
2.3. Роль протомедицины в антропосоциокультурогенезе....	75
Глава 3. ИСХОДНЫЙ ЯЗЫК МЕДИЦИНЫ И ЕГО РОЛЬ В АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ.....	87
3.1. Анализ учений о глоттогенезе (становлении языка).....	87
3.2. Исходный язык медицины и его роль в антропо- социокультурогенезе	108

Глава 4. ИСХОДНЫЕ ФОРМЫ ПРИОБЩЕНИЯ К ПРОТОМЕДИЦИНЕ, ИХ РОЛЬ В АНТРОПОСО- ЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ, А ТАКЖЕ ОТРАЖЕНИЕ ЭТИХ ФОРМ В СКАЗКЕ, МИФЕ И ОБРЯДЕ	142
4.1. Исходные формы приобщения к протомедицине и их роль в антропосоциокультурогенезе.....	142
4.2. Отражение процесса введения в культуру протомедицины в звуковой волшебной (лечебной) сказке и мифе	146
4.3. Отражение процесса введения в культуру протомедицины в мифологизированном обряде	184
Глава 5. ЗАРОЖДЕНИЕ ЧИСЛЕННЫХ МЕТОДОВ В ПРОТОМЕДИЦИНЕ И ИХ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ РЕЛИГИИ, МАГИИ	190
5.1. Изначальная связь численных методов с телесностью и протомедициной.....	190
5.2. Терапевтическое значение рукотворного космоса и связь мифологической космологии с ручным счётом ...	202
5.3. Роль сказочных растений в протоматематике и протомедицине.....	210
5.4. Роль солнечных и лунных божеств в системах счисления и в протомедицине	219
5.5. Роль чудесных животных в математическом моделировании и протомедицине	222
Глава 6. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТОПОГРАФИИ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	230
6.1. Описание макрокосма посредством микрокосма.....	230
6.2. Описание временных отрезков посредством структур микрокосма	234
КРАТКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ	239
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	242
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	261

Воронцов Владимир Александрович

**ИСТОКИ ПРОТОМЕДИЦИНЫ И ЕЁ РОЛЬ
В АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ**

Дизайн обложки

Е. Ашмарина

Компьютерная верстка

В. Калинин

ISBN 978-5-93962-749-8

Подписано в печать 17.12.2015. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 15,35.
Тираж 500 экз. Заказ 12-15/12-2

Издательство «Центр инновационных технологий».
420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а.
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а.
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71.
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru